АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
им. Г. ИБРАГИМОВА

Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ

ЯЗЫК ЭПИТАФИЙ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

В монографии на основании анализа булгарских письменных памятников — эпитафий XIII—XIV вв. — впервые проведено исследование волжско-булгарского языка: описаны графофонетика, морфология и лексика эпиграфических текстов, выявлены признаки диалектных единиц.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
профессор Э. Р. ТЕНИШЕВ

Х $\frac{70103\text{-}258}{042\,(02)\text{-}78}$ 472—78

© Издательство «Наука», 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие средневековые письменные источники тюркских языков подвергались систематическому исследованию в разных аспектах, на основе чего описывался строй их языков и рассматривался вопрос языковой принадлежности. Несколько иначе обстоит дело с памятниками волжских булгар.

Почти с самого начала изучения этих памятников как языковых источников они служили своего рода иллюстративным материалом для подтверждения той или иной гипотезы: понятия «волжско-булгарский язык» и «язык эпитафий волжских булгар» воспринимались как нечто единое. Поэтому язык памятников генетически сближали с современными языками. Для этого были и некоторые объективные причины: при малом числе обнаруженных эпиграфических памятников и на основе внешнего сходства некоторых слов с чувашскими памятники приписывались чувашам, и по этой причине строилась гипотеза о булгарском происхождении чувашей. Такому положению способствовало и отсутствие других письменных источников (по крайней мере они пока не обнаружены). Исследователи объясняли это непрочностью бумаги, на чем писали, и опустошительными войнами, когда все разрушалось и сжигалось.

В поисках генетической связи произвольное сравнивание отдельных явлений сужало значение эпиграфических памятников волжских булгар как памятников языка с определенной системой и структурным построением, тем самым проблема инвентаризации, а затем и фронтального исследования языковых данных надписей отодвигалась на второй план.

На самом деле язык эпитафий вряд ли является отражением разговорного языка волжских булгар. Есть все основания предполагать, что он является о с о б ы м я з ы к о м, сохранившим свои архаичные черты и употребляемым только в ритуальном письме текстов надмогильных плит. Таким образом, в настоящей работе будет исследован язык эпитафий XIII—XIV вв., а не разговорный или литературный волжско-булгарский.

Наши разыскания в основном базировались на материале трех совершенных нами эпиграфических экспедиций. Нами были просмотрены все фотоотпечатки памятников, эстампажи, сопоставлены варианты расшифровок текстов различными исследователями. Кроме того привлекались некоторые материалы, находя-

щиеся в архиве покойного эпиграфиста Г. В. Юсупова (они находятся в стадии обработки в научном архиве ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, и в нашей работе, ввиду отсутствия их паспортизации, в примечаниях их выходные данные не указываются).

В работе основное внимание уделено памятникам так называемого II стиля (у нас — памятники t- и š-диалектов), которые более свободны от кыпчакского влияния.

До этого дня язык надмогильных надписей волжских булгар, не считая отдельных лингвистических миниатюр (об этом см. ниже, в разделе «Введение»), не был объектом специального исследования. Цель нашей работы — проведение лингвистического анализа графо-фонетики, морфологии и лексики языка булгарских эпитафий, с привлечением, по мере необходимости, сопоставительного материала, в основном из языков поволжского региона.

Автор выражает признательность рецензентам доктору филологических наук проф. В. Х. Хакову и кандидатам филологических наук Н. Б. Бургановой и И. А. Абдуллину.

ВВЕДЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ И ИХ ЯЗЫКА

1.0. Изучение письменного наследия волжских булгар — надмогильных эпитафий — имеет немногим более 250-летнюю историю (об этом см. в работах: Юсупов 1960, Róna-Tas—Fodor 1973, Фахрутдинов 1975). Поэтому мы не будем стремиться к детальному обзору исследований, а заострим внимание лишь на некоторых, на наш взгляд, важных или спорных вопросах, а также осветим то новое, что сделано за последнее время.

1.1. Инициатива исследования восточных надписей в России принадлежит Петру I, когда, будучи в Булгаре, он приказал казанскому губернатору А. П. Салтыкову списать тексты находящихся там пятидесяти надгробий. Затем большая часть этих надмогильных камней была утрачена, а часть пошла на строительство церкви в 30-х годах XVIII столетия.

Что касается самого списка надписей, то судьба его оказалась трагичной. В ставшей настольной книгой каждого булгароведа монографии Г. В. Юсупова (1960) этот вопрос изложен чересчур сжато и создается впечатление, что источником всех публикаций был именно данный список. Фактически до того, как список (назовем его казанским оригиналом), составленный ахуном Кадыр-Мухаммедом Сунчелеевым и слободским переводчиком Юсупом Ижбулатовым, сгорел во время пожара 1815 г., с него было сделано несколько копий. Во-первых, поскольку списывание текстов делалось по указу Петра I, одна копия (=копия I) должна была быть отправлена по назначению. Ее судьба неизвестна. Если идти в хронологическом порядке, то в 1762 г. в Казанскую губернию был командирован подполковник Свечин с целью поиска корабельного леса, который списал русские переводы эпитафий с казанского оригинала (Дело 1767). Имея в руках указанные тексты, он отметил имена переводчиков, а также пометки хронологического порядка, например: «сбоку помечено: оному камню 557 лет», «сбоку помечено: сему камню 553 лета» и т. д. Записки Свечина позже были опубликованы историком П. В. Калачевым (1879).

С казанского оригинала же списаны русские переводы текстов, помещенные в публикациях И. Лепехина (Дневные 1771, 273—283 — с указанием переводчиков и возраста надписей) [1].

[1] Видимо, эпитафии списал не сам И. Лепехин, а студент Н. Озерецковский, ставший позже членом Петербургской Академии наук.

1.1.1. В 1831 г. публикация этих надписей была сделана Ю. Клапротом (Klaproth 1831), которому граф Потоцкий в 1805 г. достал копию (=копия II) казанского оригинала из губернского архива. Эта единственная публикация, где тексты приведены на арабском шрифте, хотя известный востоковед сетовал, что копия сделана кем-то совершенно не знающим языков и письма надписей. Работа Ф. И. Эрдмана (1832) по существу является переводом труда Ю. Клапрота на русский язык с воспроизведением надписей в арабской графике. В этих работах имена первых переводчиков не указаны. Место хранения копии II также не известно. Ф. И. Эрдман лишь указал, что она находится в Московском Государственном Архиве, где именно — не ясно.

Когда-то в Московском главном архиве Министерства иностранных дел имелась копия с казанского оригинала, затем она была передана в ЦГАДА [2]. Эта копия (=копия III) находится среди бумаг подполковника Савенкова и геодезиста Крапивина о Болгарском городище и, видимо, была приложена к их отчету. Имена переводчиков и возраст надписей здесь также не указаны, порядок расположения текстов не соответствует тому, что был у Ф. И. Эрдмана (=Ю. Клапрота). Этот список, в отличие от описания Болгарского городища, составленного вышеупомянутыми лицами, не подписан, и для обоих документов применены различные сорта бумаги (судя по филиграни, голландского происхождения), которые были в употреблении в конце XVII и первой половине XVIII в. Так что вопрос, является ли копия III документом, переписанным для Ю. Клапрота, остается пока открытым.

1.1.2. Все позднейшие исследователи в своих изысканиях опирались на публикацию Ю. Клапрота, а розыски упомянутой С. Порфирьевым (1922) важнейшей копии III не принесли успеха (Малов 1947, 38) [3]. Естественно, она является пока единственным и ценнейшим документом, скопированным с казанского оригинала. Здесь необходимо отметить, что Ю. Клапрот был не совсем прав, когда указывал неграмотность переводчиков и неясность их почерка. В текстах имеются пропуски, упрощения, которые объясняются нерасшифрованностью булгарских слов, особенно дат, однако почерк переписчиков вполне понятный.

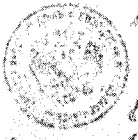
Существует мнение, что один из переводчиков, Кадыр-Мухаммед Сунчелеев, был в какой-то мере искушенным в чтении указанных эпитафий и жил у булгарских мавзолеев вместе с другими духовными людьми и дервишами (Юсупов 1967, 4, 5). Имя ахуна Кадыр-Мемета как знатока булгарских преданий упоминается в 1712 г., т. е. за десять лет до составления списков булгарских

---

[2] Теперь она находится в картографическом отделе: ф. 192, оп. 1, ед. хр. 4/4 (см. фотокопию).

[3] С. Е. Малов пишет, что в 1929 г., будучи специально командирован в Москву для розыска списка надписей, он не смог его найти. Это и понятно, ведь к этому времени документы из архива МИД были переданы в ЦГАДА.

2

надгробий (Дмитриев 1889, 6). Видимо, он состоял в «охране» святынь предков и кормился за счет многочисленных паломников.

1.2. Особенно велика роль в изучении текстов надписей Х. Фаезханова (1863). Он не только расширил область находок надгробий, но и зажег своими языковедческими разысканиями новый интерес к уже угасавшему было вниманию к булгарским эпиграфическим памятникам: в дальнейшем наряду с простой фиксацией текстов, исследования стали получать новое лингвистическое направление. Однако некоторые исследователи, отмечая большую роль Х. Фаезханова в данной области, высказывали суждения, искажающие его мысли. Например, в своей работе на соискание ученой степени доктора филологических наук В. Г. Егоров писал: «он загадочные слова „джиати джюр", встречавшиеся почти во всех памятниках и служившие камнем преткновения для других ученых, расшифровал очень легко и просто, как чувашские слова „çичĕ çĕр" — семьсот, т. е. семисотый год мусульманского летосчисления» (Егоров 1949, 4). Х. Фаезханов же (1863, 404) наличие числительного جيات جور žêti žür 'семьсот' объяснял так: анлаутный j- > ž-, а ауслаутный -r в слове žür он толковал двояко: отчасти как z без точки, т. е. здесь арабский знак ز является обозначением звука z, отчасти как чувашское числительное, употреблявшееся в эпитафиях того времени.

Несомненно, мысль Х. Фаезханова, что для расшифровки некоторых явлений большую помощь может оказать современный чувашский язык, явилась плодотворной и верной.

1.3. Особо выделяется деятельность Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. С его организацией изучение истории Волжской Булгарии и ее памятников начали вести планомерно и на строго научной основе; это стало одной из важнейших задач данного Общества.

Наряду со сбором нового материала и постановкой вопроса охраны предметов булгарской старины, большое внимание было уделено лингвистическому изучению памятников. В этом отношении характерно письмо председателя Общества Н. И. Булича с просьбой об освобождении его от обязанностей, ввиду некомпетентности в вопросах лингвистики (Прот. 1889, 11).

В общество непрерывными потоками поступали сообщения о находках новых камней с надписями, доставляли фотографии и эстампажи (Вознесенский 1894, 75—77; Прот. 1880, 71; Прот. 1884, 28—35; Прот. 1886, 14—15 и др.). Там они расшифровывались и печатались в изданиях Общества. Так, прекрасно выполненная надпись из Булгара стала объектом исследования трех ученых и была опубликована И. А. Износковым (1893 — в переводе И. Ф. Готвальда), Н. Ф. Катановым (1905) и Г. Ахмаровым (آخمارف ١٩٠٨, ١٢٨). Из них особенно выделяется публикация Н. Ф. Катанова: он не только верно прочел титул «елчи» (хотя и не переводил), но и дал некоторые сведения по палеографии надписей.

Его чтение затем легло в основу ныне принятого варианта расшифровки.

В дальнейшем Н. Ф. Катанов проявлял постоянный интерес к булгарской тематике: читал лекции о надписях на монетах Золотой Орды и надмогильных памятниках Казанского и Булгарского ханств, в 1920 г. посвятил одну свою работу разбору лексики памятников (1920), последняя его печатная работа также была посвящена изучению булгарского надмогильного камня (1921).

1.4. Своеобразным итогом 220-летнего исследования булгарских памятников вообще является монография Н. И. Ашмарина (1902). Критически переосмыслив все предыдущие публикации в области языка надписей, он исправил некоторые неточности других авторов и, высказав интересные мысли о графике текстов, все свое внимание уделил доказательству тождества булгарского и чувашского языков (подробнее см. в специальных разделах).

С этого времени, хотя теория булгарского происхождения чувашей была выдвинута уже до него, в качестве исторического источника по чувашскому языку стали применять данные эпиграфических памятников волжских булгар. Соответственно и тексты памятников расшифровывались на основе современного чувашского языка.

1.5. После небольшого затишья в области булгароведения 20-е годы характеризуются новым интересом к данной тематике (работы Н. Ф. Катанова, Н. И. Ашмарина и др.). Исследования начинают вести в ином ключе — ученые приступают к комплексному изучению памятников (подробнее см.: Юсупов 1960, 12—14).

1.6. В 1941 г. для учета и сбора исторических памятников в Татарском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории была создана специальная комиссия в составе А. Б. Булатова, Л. З. Залялетдинова, Н. Ф. Калинина и С. Е. Малова, которая составила три фотоальбома с 253 изображениями 273 предметов (Калинин 1942а — 75 из них составляют надмогильные надписи).

Руководитель этой группы, Н. Ф. Калинин (1942б), в отчете уверенно сообщил о наличии двух групп памятников (они делились по языку, размерам, стилю оформлений), существовавших одновременно без хронологических различий. Причины этого двоякого рода надписей следует искать в явлениях социального, может быть, и экономического порядка (Калинин 1942б, 39).

Данную мысль Н. Ф. Калинин развил и в своем выступлении на сессии, посвященной происхождению казанских татар. В общей массе булгарских лингвистических памятников он выделил два диалекта и установил генетическую связь памятников I стиля с надгробьями эпохи Казанского ханства (Калинин 1942б, 34). Таким образом, по его мнению, эпитафии I стиля — булгарские, между ними и татарами существует преемственная связь, а эпитафии II стиля — суварские, т. е. тюрко-чувашские. И между

указанными двумя стилями имеется переходная категория эпитафий.

Участие в работе комиссии не прошло бесследно для ее членов, они и в дальнейшем занимались изысканиями в области булгароведения. Изучая рунические надписи, С. Е. Малов все же опубликовал две статьи на основе старых записей (Малов 1947; 1948), Л. Заляй в своих работах по татарскому языкознанию постоянно держал в поле зрения факты булгарских текстов (Заляй 1948; Җәлой 1954). А. Б. Булатов наряду с поисками новых эпиграфических памятников занялся проблемой антропонимии у булгар и опубликовал несколько статей (Булатов 1963; 1967; 1969; 1971). Под руководством Н. Ф. Калинина Г. В. Юсуповым была написана диссертационная работа о булгаро-татарской эпиграфике, которая позже вышла в виде монографии (Юсупов 1960).

1.7. Работы Г. В. Юсупова в булгароведении занимают особое место. Появился в печати он с публикациями некоторых памятников Заказанья (Юсупов и Хисамутдинов, 1951), Куйбышевской и Ульяновской областей (Юсупов 1953), Башкирии (Юсупов 1959), затем издал монографию, ставшую одной из основных работ в данной области. Здесь он проанализировал булгарские и татарские эпиграфические памятники по хронологическому, типологическому и, частично, языковедческому принципам, дал их классификацию. Его работы характеризуются строгой документированностью источников, оригинальной интерпретацией некоторых явлений и введением в научный оборот совершенно новых надписей. Даже не будучи лингвистом, Г. В. Юсупов тонко подметил в своей монографии некоторые новые и уточнил ранее известные черты, присущие языку эпитафий II стиля: употребление анлаутного ǯ-, своеобразие некоторых глагольных форм, функции числительных, диалектальную неоднородность надписей, спирантизацию древнего q, переход d > r и др. (подробнее см. в специальных разделах настоящей работы).

В монографии Г. В. Юсупов развил идею Н. Ф. Калинина о преемственности языка эпитафий I стиля с современным татарским, отметив при этом, что примерно в X—XI вв. древнебулгарский язык потерял функцию разговорного языка и сохранился лишь в эпитафиях в пережиточном состоянии. Совершенное исчезновение надгробий II стиля он справедливо связывал с изменением традиции писать эпитафии на этом архаичном языке. Однако его выводы о генетической связи казанских татар с булгарами не очень убедительны. Несомненно, в сложении татарского языка известную роль, но не определяющую, сыграли и булгарские племенные языки, что проявляется в виде диалектных элементов.

В ходе последующих исследований Г. В. Юсупов еще не раз возвращался к выяснению языковой принадлежности памятников: язык надписей I стиля он стал считать тождественным говору нукратских татар, который, по его мнению, когда-то был языком печенежских тюрок. В то же время он писал, что «язык глазов-

ских татар — это то же, что и современный татарский язык после смешения болгар и печенегов-тюрок. Нукратский говор — образец законсервированной стадии развития этого языка» (Юсупов 1963). Хотя эти записи и не публиковались, они показывают ошибочность примененного им метода соотнесения языка памятников с каким-нибудь конкретным языком или говором без анализа всего языкового материала самих памятников, что характерно работам и некоторых других авторов.

1.8. Публикации М. Р. Федотова в части, касающейся языка эпитафий, явились констатацией известных фактов с более широким привлечением сравнительного материала, но почти все они страдали известной односторонностью (Федотов 1963; 1968а; 1969, 5—14; 1972 и др.). Целью своих исследований он считал нахождение «наиболее существенных особенностей чувашского языка, которые с достаточной уверенностью показали бы, как чувашский и булгарский (т. е. язык эпитафий. — *Ф. Х.*) отличаются от других языков, в том числе и татарского» (Федотов 1968б, 32—83) и стремился это осуществить, привлекая всевозможные исторические и лингвистические данные.

От других работ несколько отличается его рецензия на книгу венгерских авторов А. Рона-Таша и Ш. Фодора (Федотов 1974, 105-108), где он отмечает сочетание وى=ö, ü; соответственно, слово بلوىك, ʿнадмогильный знак, памятникʾ он предлагает читать не bälüwi kü ʿэто его памятникʾ, а bälük-ü ʿего памятникʾ, написание بلطوى — читать не bältüwi или «бултавый», а boltü или böl-tö ʿон былʾ.

Сочетание وا, опираясь на точку зрения Н. Ф. Катанова, он предлагает читать как o, а не üw или ū, как делали венгерские ученые (Федотов 1974, 107).

Тем самым М. Р. Федотов совершенно справедливо отверг чтение К. Томсена (Tomsen 1962), который слово bälük расчленял на следующие морфемы: bäl ʿпамятник, знакʾ + посессивный афф. 3-го лица ед. числа -i- + указательное местоимение kü ʿэтотʾ. Толкование К. Томсена было поддержано и Г. Дерфером (Doerfer 1963, 217).

1.9. С конца 50-х годов исследования волжско-булгарских памятников начали принимать чисто лингвистический характер. Здесь следует отметить две работы Б. А. Серебренникова. В первой он подверг критике сторонников теории булгарского происхождения татар и высказал весьма ценные замечания о фонетических особенностях надписей (Серебренников 1956а). По его мнению, в булгарском языке не было перехода a- > o- ~ u-, спирантизации аффрикаты ǯ, соноризации интервокальных согласных [4].

[4] Положение автора, что в языке булгар не было перехода t ~ d > č перед гласными переднего ряда, последующими находками памятников, в которых зафиксировано указанное явление, было опровергнуто. То же самое можно сказать и в вопросе геминат: зафиксировано слово ällü ʿпятьдесятʾ.

На основе этих соображений он считал булгарский и чувашский языки самостоятельными языками булгаро-хазарской группы. В то же время Б. А. Серебренников приписывал волжско-булгарскому языку свойства, присущие чувашскому языку, а именно — расширение некоторых гласных, спорадический переход а > ӳ. Эти положения не подтверждаются фактическим материалом.

Во второй статье, в связи с историей звуков чувашского языка, он снова возвращается к фактам булгарских эпитафий и к вышеприведенным фонетическим признакам языка волжских булгар добавляет протетический w- (кстати, эта проблема все еще не нашла окончательного решения) и возможность звонкого начала (Серебренников 1956б, 82, 84).

1.10. В своей работе конструктивного характера Й. Бенцинг отмечает ряд важных особенностей в области консонантизма и вокализма языка надписей. Особенно ценны его чтения с точки зрения вокализма, например ġal 'год', ayïχ 'месяц', altï 'шесть', однако сочетания -ـوا-, -ـيا- он принимает за дифтонги, а не монофтонги. Неизвестно, откуда он взял форму اول ïwlï 'его сын' (об этом слове будет сказано ниже); кроме того, неясен приведенный им аффикс порядкового числительного -niš (Benzing, 1959, 694—696). Й. Бенцинг указывает на огромную важность дальнейших исследований в этой области для всей алтайской филологии.

1.11. Двумя крупными трудами обогатил булгароведение О. Прицак. Первая его работа, посвященная булгарскому списку князей и языку протобулгар, по замыслу автора, должна была состоять из двух частей: в первой части предполагалось дать критическое издание некоторых дунайско-булгарских памятников [5], а во второй — волжско-булгарских надписей с очерком их языка. К сожалению, второй части исследования по ряду причин не было суждено появиться на свет. Тем не менее и в первой части представлен довольно обширный материал по языку булгар. Однако наши представления о языке эпитафий XIII—XIV вв. и взгляды О. Прицака по данному вопросу в корне различны. О. Прицак считает его языком общения собственно булгарского племени в XI—XIV вв. (Pritsak 1955, предисловие и прим. 2, с. 43), а мы — функциональным языком, употребленным лишь в надписях надмогильных плит.

При чтении дунайско-булгарских текстов О. Прицак постоянно держит в поле зрения и волжско-булгарские формы, однако принимает их без должной критики. Например, дун.-булг. *читемъ* 'седьмой' он сравнивает с волж.-булг. جيبات и пишет, что здесь налицо соответствие -i- ~ -ija- (Pritsak 1955, 55) [6], между тем сам же признает неоднозначность отдельных графем (Pritsak 1955, 71).

---

[5] Она издавалась дважды (Pritsak 1954; 1955). Мы пользуемся работой, изданной в 1955 г.

[6] Хотя написание -ـيا- следовало бы читать как -ë-.

Вторая работа О. Прицака, несомненно, явилась большим успехом автора и значительным шагом вперед в изучении языка надмогильных текстов волжских булгар: он восстановил деепричастную форму, доказал наличие некоторых глагольных форм и постпозитивного слова и т. д. (Pritsak 1959a). Правда, некоторые его положения о графических особенностях эпитафий спорны.

Еще одну работу, на наш взгляд, не совсем удачную, он посвятил этимологии слова بُيَوَار, которое выводил из названия племени «кавар». Однако его гипотеза не совсем убедительна, главным образом с фонетической точки зрения (Pritsak 1965).

1.12. К публикациям, в которых освещаются частные вопросы языка памятников, относятся работы Н. А. Андреева (1956) о порядковых числительных, Т. М. Гарипова (1972) в связи с изучением старотюркских письменных памятников Башкирии, А. Т. Тагирджанова (1970, 46—61; Tahirǰanov 1975, 151—153), затрагивающего проблемы языка эпитафий II стиля и причин их исчезновения, Г. Е. Корнилова (1963), посвященная булгаро-чувашской топонимике, Г. Ф. Саттарова (1973) в связи с рассмотрением антропотопонимов ТАССР и др.

Много внимания уделено фонетическим явлениям, имевшим место в текстах памятников, в диссертационной работе Л. С. Левитской (1966). Она дает реконструкцию некоторых древнечувашских форм, например *bəl ‘пять’, *ǰəti ‘семь’, *ǰerim ‘двадцать’, *ǰal ‘год’, *otur ‘тридцать’ и т. д., а также отмечает, что язык волжских булгар был а-диалектом и у них преобладал š-элемент (Левитская 1966, 19—22). В ходе реконструкции отдельных чувашских звуков и их диахронического описания, автором учитываются и данные памятников волжских булгар.

В связи с классификацией тюркских языков Н. А. Баскаков перечисляет характерные черты булгарской группы языков (булгарского, хазарского и чувашского). Так как известны лишь отличительные признаки современного чувашского языка, по мнению автора, не будет ошибкой, если их сделать общими для всей булгарской группы (Баскаков 1969, 232—234).

В последние годы в области булгароведения активно работает венгерский ученый А. Рона-Таш. Выше уже была упомянута его совместная работа с Ш. Фодором. Хотя авторы и не ввели в научный оборот новых памятников, их работа выполнена на высоком научном уровне. Они внесли некоторые исправления в воспроизводимые тексты, уточнили даты их составления. Разумеется, нельзя согласиться со всеми исправлениями, ведь авторы в лучшем случае имели под рукой лишь фотоотпечатки надгробий, тексты которых не всегда просматриваются. Но именно многократными разысканиями достигается высокий уровень лингвистического и культурно-исторического исследования.

Как видно из вышеприведенного краткого обзора, язык эпитафий волжских булгар не выступал объектом специального иссле-

дования. Исключение составляют работа О. Прицака (Pritsak 1959a), объединившего под названием «Болгаро-чувашика» восемь грамматических и лексических миниатюр, и статья А. Рона-Таша, в которой дается грамматический очерк исследуемого памятника 1307 г. из с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР в сравнении с данными современных тюркских языков и исторических письменных источников (Róna-Tas 1976, 153—186).

1.16. За последние годы было опубликовано несколько статей и автором настоящей работы (Хакимзянов 1974а; 1974в; 1975; 1976а и др.), в которых рассмотрены отдельные аспекты изучения булгарских эпитафий и дан анализ некоторых микросистем.

Транскрипция

Слова, начертанные на камнях арабскими буквами, в настоящей работе приводятся без каких-либо изменений и снабжены транскрипцией, построенной на латинской основе. При этом долгота звуков графически не отмечается, так как, на наш взгляд, она не имеет фонематического значения.

Формы слов из различных источников, привлеченные для сравнения, даны в написании источников.

Транскрипционный алфавит

a — ـَ ا
ä — ـَ ا
b — ب
č — چ
d — د
ḍ — ض
ė — ـَيَا ـَ ـَيَ
f — ف
g — ع
γ — غ
h — ه
x — ح
χ — خ
i — ـِ ـِيـ ـِي
ï — ـِ ـِيـ ـِي
j — ـِيَ ـِيـَ ـِيْ
k — ك
l — ل
m — م
n — ن
ŋ — نك
o — ـُ ـُو او وا ا وَ
ö — ـُ ـُو او وا ا وَ
p — ب
q — ق
r — ر
s — س
ṣ — ص
s̱ — ش
š — ش
t — ت
ṭ — ط
u — ـُ ـُو ا و اُ
ü — ـُ ـُو ا و اُ
w — و
z — ز
ẓ — ظ
ẕ — ذ
ǯ — ج

Глава I

СЛЕДЫ ДИАЛЕКТОВ В ЯЗЫКЕ НАДПИСЕЙ

2.1. С давних времен волжско-булгарский язык считался не единым целым, а разделенным на отдельные диалекты. Уже у Махмуда Кашгари (XI в.) мы находим выделение самостоятельных булгарского и суварского языков. Однако, по мнению О. Прицака, такое деление было сделано на основе говоров отдельных информаторов (=купцов) из городов Булгар и Сувар, поэтому оно не дает полного представления о булгарском языке (Pritsak 1959б, 101). Тем более при перечислении тюркских народностей, подмечает О. Прицак, не говорится ни о булгарах, ни о суварах, а на карте приведены лишь города Булгар и Сувар (Pritsak 1959б, 106). Далее он устанавливает, что сам Махмуд Кашгари в Волжской Булгарии не был и его сведения о языке народов этого государства не достоверны, соответственно не могут дать нам представления о фонетике, морфологии и лексике булгарского языка (Pritsak 1959б, 103).

Касаясь вопроса диалектов булгарского языка, О. Прицак пишет, что в Волжской Булгарии должно было быть минимум три племенных диалекта (Pritsak 1959б, 105) [1]. Несколько раньше он выдвигал тезис о существовавнии в XI—XIV вв. двух «булгарских» языков, один из которых (по терминологии автора, «гунно-болгарский») был языком общения собственно волжских булгар, прибывших из кубано-азовских областей, а второй — «мусульманско-булгарский» язык огузо-кыпчакской чеканки, применявшийся в духовной и культурной сферах общества (Pritsak, 1955, 9). Говоря о диалектах, О. Прицак, видимо, имел в виду «гунно-болгарский» язык.

2.2. Язык эпиграфических надписей волжских булгар иногда отождествляли с их разговорным языком. Смешение этих двух языков приводит к явно ошибочным выводам. Так, В. Ф. Каховский (1969, 83), выводя верховой диалект современного чувашского языка из булгарского, а низовой — из сувазского (суварского), утверждает, что булгарский язык был государственным и литературным языком Волжской Булгарии. Таким образом, получается, что в данном государстве верховой диалект чуваш-

[1] Здесь он опирается на сведения восточных авторов о трех основных племенах булгарского государства: берсула, эсегель и булгары.

ского языка выступал в качестве государственного и литературного языка. Такой ничем не доказанный вывод был сделан, исходя из подъемного материала археологических раскопок, но в большей степени на основании так называемых «чувашизмов» в эпитафиях XIII—XIV вв.

Однако подобная методика работы никак не может себя оправдать и считаться приемлемой. На бесплодность и неоправданность попыток «привязывания» фактов исторических памятников к какому-нибудь современному языку без достаточного изучения самих памятников в свое время было указано Э. В. Севортяном (1961, 20), что в полной мере относится и к некоторым булгароведческим работам.

2.3. Данные эпиграфических памятников булгар не позволяют говорить ни о булгарском, ни о суварском диалектах. Еще Н. И. Ашмарин, который с лингвистической позиции обосновал теорию булгарского происхождения чувашей, обратив внимание на несвойственный чувашскому языку аффикс порядкового числительного -nč в надписях, осторожно заметил, что «в болгарском языке того времени существовали местные говоры, отличавшиеся один от другого некоторыми особенностями» (Ашмарин 1902, 90). Однако от дальнейшего развития этой идеи он воздержался.

В дальнейшем исследователи, указывая на существование диалектов в булгарском языке, при их выделении в основном исходили из наличия или отсутствия z- и r-признаков. По другому пути пошел Р. Г. Ахметьянов (1976, 33), который на основе изменения звуков *n* и *уə* в булгаро-татарской языковой области, пришел к выводу о существовании в позднебулгарском языке (?) трех диалектов: в первом *n* → *n*, *уə* → *ə*; во втором *n* → *n*, *уə* → *ёвe*, *евə*; в третьем *n* → *б*, *уə* → *у*; последний (III) диалект, по мнению Р. Г. Ахметьянова, был близок к древнетатарскому языку, и на нем написаны булгарские эпитафии. Однако исходная позиция автора и последующий ход его суждений недостаточно аргументированы.

Насколько нам известно, современная классификация языка булгарских памятников на I и II стили впервые была предложена Н. Ф. Калининым (1948, 104) [2]. Вопреки мнению некоторых ученых, утверждавших, что рельефные надписи являются казанско-татарскими и относятся к XV—XVI столетиям, а куфические врезные надписи с «чувашизмами» — булгарские, он указал на одновременное существование двух диалектов (или стилей), нашедших отражение в этих памятниках. Так как Н. Ф. Калинин высказал данный тезис на специальной сессии по этногенезу казанских татар, он не мог пройти стороной и вопрос о происхождении тюркоязычных народов Среднего Поволжья. По его мнению, памятники II стиля, возможно, принадлежали к тюрко-чувашской

[2] Не все положения Н. Ф. Калинина нашли поддержку у исследователей (Юсупов 1956, 50).

или суварской этнической группе. В таком случае, эпитафии I стиля оказывались собственно булгарскими.

Точно такого же мнения придерживался и Л. З. Заляй (1955, 12).

2.5. Г. В. Юсупов, вначале деливший язык булгарских эпиграфических памятников на I и II диалекты, впоследствии стал пользоваться, на наш взгляд, весьма неудачными терминами «древнебулгарский» и «новобулгарский» (Юсупов 1960, 36—42). Язык эпитафий — это функциональный язык, для которого характерны устойчивые традиции, стандартные формулы и конструкции. Поэтому, констатируя на примерах одновременность существования разнодиалектных единиц, и в то же время, хотя бы даже в терминологии, пытаясь установить их хронологическую последовательность, исследователь невольно создает противоречие.

2.6. Перейдем непосредственно к рассмотрению текстов булгарских надгробий.

В графо-фонетической системе языка надписей прежде всего обращает на себя внимание джеканье и йоканье, например: جَال žа°l, جل žïl ~ يل jïl 'год'; جُوُر žür, جَوَر žör, جوز žüz ~ يوز jüz 'сто'; جِيَاتِ žèti, جِيَاچ žèči, جتى žeti, جت žete, جتا žetâ, جاچ žâče, جچ žeče, ججا žečâ ~ يتى jeti 'семь'; جرم žerme, جِيرُ žirme, جِيَارم žerme, جِيرَم žirem ~ يكرمى jekerme 'двадцать'. В современных тюркских языках Поволжья — татарском и чувашском — эти слова звучат как *ел* (*йы°л*), диал. *җыл* и *çул* 'год'; *йөз*, диал. *җөз* и *çĕр* 'сто'; *йегерме*, диал. *җегерме* // *җерме* и *çирĕм* 'двадцать'; *җиде* и *çичĕ* 'семь'.

В большинстве памятников вспомогательный глагол «быть» представлен в форме اَتِ äti 'было'. Как известно, древние t и d перед гласными переднего ряда имеют тенденцию к палатализации и переходу в č (в текстах — چ). Соответствие t ~ ž (графическое) в вышеприведенном примере (см. جِيَاتِ žèti, جِيَاچ žèči 'семь' и др.) указывает на системность данного явления в одном из диалектов булгарского языка. Сюда же относятся пары:

اَتِ	äti ~	اَچ	äči	'было';
زيارتى	zèräti ~	زياراچ	zèrači	'его место погребения';
اَلتِ	älti ~	الچى	älči	'госпожа';
بلطوى	bolṭï ~	بلچى	bolči	'было'.

Очень распространенное явление — соответствие r ~ z. Данный процесс в основном выявляется в написании числительных:

جۆر	žür,	جۇر	žör	~ جوز	žüz,	يوز	jüz	‘сто’;
طحور	ṭoχur,	طحر	ṭoχur	~ توقوز	tuquz			‘девять’;
سكر	säker	~ سكز	säkez,	سكيز	säkiz			‘восемь’;
وطر	oṭur,	وتر	oṭur	~ اوتوز	utuz			‘тридцать’.

Помимо всего этого в памятниках встречается форма هير hir ‘дочь’, восходящая к древнетюркской qïz ‘девушка, дочь’. Общетюркская форма этого слова пока зафиксирована лишь на одном памятнике из с. Н. Демкино Аксубаевского р-на ТАССР в виде قيز qïz.

Многие исследователи считали ротацизм отличительной особенностью чувашского языка и поэтому находили в языке памятников волжских булгар черты современного чувашского языка или отождествляли их. В то же время, найдя z-признак, они рекомендовали эпиграфистам более требовательнее относится к датировке таких памятников (Серебренников 1956а, 73) или же ставили вопрос о том, что резчик мог быть кыпчаком (Федотов 1963, 439). Другая группа ученых, как уже отмечалось, считала r- и z-признаки основным критерием выделения диалектов. Одновременное существование этих двух признаков подтверждается и историческим материалом.

В сведениях Ахмеда Ибн-Фадлана (922 г.) одна и та же небольшая речка называется то جاوشير žaušïr, то جاوشيز žaušïz. В свое время А. Х. Халиков (1973, 94) [3] предлагал следующую интерпретацию данного явления: по его предположению, «Джаушыр» — это Малый Черемшан, а «Джаушыз» — Малая Бахта. Однако исследователь сочинения Ахмеда Ибн-Фадлана А. П. Ковалевский (1954, 19) вполне убедительно, по нашему мнению, доказывает их тождественность. Как указывает Ибн-Фадлан, название речки «Джаушыз» он впервые услышал в местности Трех Озер, т. е. в ставке царя булгар. После своего пребывания на съезде племен, проходившем поблизости от этой речки, он произносит ее уже с конечным -r. Такое двоякое произношение может свидетельствовать лишь о диалектном различии.

Наши наблюдения также не противоречат данному факту. Памятники с текстами на ž-диалекте в основном локализованы в той местности, где проходил съезд племен, а ауслаутный -r для указанного диалекта является характерным показателем. На территории обитания племени «булгар» [4] имеется большое количество надгробных надписей с z-признаком.

В памятниках зафиксированы четыре разновидности числительного «пять»: بيالم bėlim ‘пятый’, بلج belči — то же; они образованы

---

[3] Кстати, в беседе с нами автор сказал, что он уже не придерживается такого разделения.

[4] См. карту, приведенную в работе А. Х. Халикова (1973).

от основы bel + афф. -im и -či; см. также формы بش beš 'пять', بيش biš — то же.

Перебой š//l наблюдается также в словах جال žål 'год' и ياش jaš 'год (о возрасте)'. Из современных тюркских языков Поволжья ламбдаизм свойствен чувашскому языку, а в татарском проявляется спорадически или сохраняется лишь в диалектах: ср. тат. лит. *кашык* 'ложка', но в мамадышском, мензелинском, эчкенском говорах среднего диалекта *калак* — 'столовая ложка', а в лаешовском, камышлинском говорах *калак* — 'чайная ложка'.

Соответствие q ~ χ ~ h наблюдается в написании слов هير hir ~ قيز qïz 'дочь', خرخ χïrïχ ~ قرق qïrïq 'сорок', طحور toχur ~ توقوز tuquz 'девять'. Любопытно, что это явление отмечается без позиционных исключений. В свое время Л. З. Заляй (Җәлой 1954, 75) приписывал χ-признак суварскому диалекту, а q-признак — диалекту основного булгарского племени. Деление на суварский и булгарский языки, как уже отмечалось, имеется у Махмуда Кашгари, но это пока не нашло подтверждения ни в историческом, ни в лингвистическом планах.

2.7. Кроме вышеуказанных явлений иногда встречаются и другие различия в написании отдельных слов, однако большая часть этих вариантов скорее всего возникла в результате неграмотности оформителя надгробья, хотя отдельные вкрапления могут быть и следами говоров. Естественно, в силу различных причин, и прежде всего из-за зарождения функционального языка надмогильных эпитафий с нормами начавшей складываться письменной традиции, говоры в текстах не нашли своего полного отражения. Однако наиболее значительные различия оказались зафиксированными в эпиграфических надписях, и эти основные признаки, носящие системный характер, были положены нами в основу выделения диалектов. Предлагая обозначения диалектов, мы исходили из графического выражения отдельных звуков, поэтому в какой-то мере они являются условными. Так, например, графема «джим» в надписях применена и для звука ǯ, и для звука č.

К характерным признакам диалектов мы относим:

для ǯ-диалекта:
1) графо-фонему ǯ- в начале слова;
2) глагольную форму 3-го лица прош. времени äčі 'было';
3) графо-фонему -ǯ- в середине слова;
4) глагольную форму 3-го лица прош. времени bolčі 'было';
5) ротацизм;

для j-диалекта:
1) графо-фонему j- в начале слова;
2) глагольную форму 3-го лица прош. времени ärdi 'было';
3) графо-фонему -j- в середине слова;
4) глагольную форму 3-го лица прош. времени buldï 'было';
5) z-признак;

для t-диалекта:
1) графо-фонему ǯ- в начале слова;
2) глагольную форму 3-го лица прош. времени äti ‘было’;
3) графо-фонему -t- в середине слова;
4) глагольную форму 3-го лица прош. времени bolţï ‘было’;
5) ротацизм.

К ǯ-диалекту мы относим ряд памятников XIV в., обнаруженных на территории ТАССР в селах Татарский Толкиш [5], Чувашский Елтань (Юсупов 1963, 79) [6], Исляйкино [7] Чистопольского р-на, а также четыре камня из с. Старое Ромашкино [8] того же Чистопольского р-на, камни из городского музея г. Чистополя [9], из с. Старые Атрясы Апастовского р-на (Юсупов 1960, табл. 23) [10], из с. Тяжбердино Алькеевского р-на (Rónа-Tas 1976, 185) [11], из с. Нижние Яки Мамадышского р-на (Юсупов 1960, табл. 47) [12]. Как показывают места находок указанных памятников, вероятные носители отраженного в них диалекта в основном жили вблизи устья р. Шешма и несколько севернее ее, т. е. в б. Жукотинском округе.

К j-диалекту мы относим следующие памятники: из с. Булгары Куйбышевского р-на ТАССР (Юсупов 1960, табл. 10) [13], и три недатированных памятника оттуда же [14], из с. Иске-Рязяп Куйбышевского р-на ТАССР (آخمارف, ۱۹۰۸) [15], из с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР (Булатов 1967, 211) [16], из Государственного музея ТАССР (Юсупов 1960, табл. 27) [17], из с. Мавлютово Кушнаренковского р-на БАССР (Юсупов 1959, 121) [18] и др.

К t-диалекту мы относим большинство памятников, обнаруживаемых почти по всей территории бывшего государства волжских булгар.

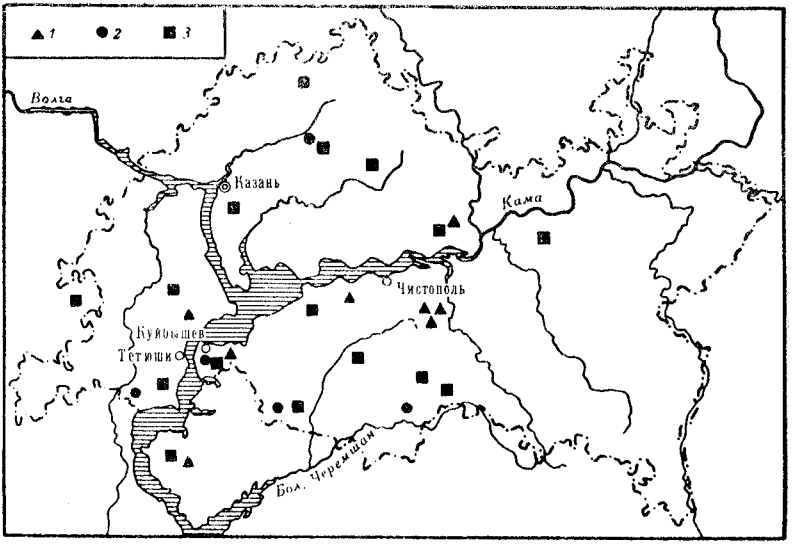
2.8. Естественно, не все могут согласиться с предложенным делением на диалекты языка эпиграфических надписей волжских булгар. Возможно, будет проведено сравнение с руническими памятниками, в которых И. А. Батманов (1964, 116—126; 1971, 23—26) допускал выделение диалектных единиц, чему возражал ряд тюркологов (Щербак 1970а, 130—131; Тенишев 1976б, 28—30).

---

[5] Памятник 1348 г. (см. рис. 21 настоящей работы).
[6] Памятник не датирован.
[7] Памятник не датирован.
[8] Памятник 1333 г. приведен на рис. 15 настоящей работы, остальные не датированы и не опубликованы.
[9] Памятник 1335 г. (см. рис. 17 настоящей работы).
[10] Памятник 1303 г.
[11] Памятник 1307 г.
[12] Памятник 1345 г.
[13] Памятник 1311—1312 гг.
[14] См. копию надписей из ЦГАДА (ф. 192, оп. 1, ед. хр. 4/4), тексты № 7, 26, 32.
[15] Памятник 1345 г.
[16] Памятник 1357 г.
[17] Памятник 1328 г.
[18] Памятник 1342—1343 гг.

Места находок памятников

1 — памятники на ǯ-диалекте; *2* — памятники на j-диалекте; *3* — памятники на t-диалекте

Основой языка рунических надписей служило сложившееся, нормированное устное койнэ, выработанное задолго до руни-ческого письма и, которое, естественно, не допускало диалектных включений, хотя в енисейских памятниках можно увидеть заметную примесь диалектизмов (Тенишев 1976а, 170-172). Язык же волжско-булгарских памятников лишь в Среднем Поволжье стал функционировать в качестве особого языка надмогильных плит. Образцы бывшего разговорного языка в зависимости от этнической принадлежности мастера-резчика по-различному закрепились на письме, затем продолжали жить и у их преемников. А в отдельные эпитафии, главным образом выполненные неспециалистами, точно так же, как и в енисейские памятники руни-ческого письма, вносились извне диалектные черты.

2.8.1. Если рассматривать эпитафии с точки зрения языковых явлений, то нетрудно заметить, что надписи на j-диалекте довольно-таки отличаются от остальных групп памятников. Это и понятно, ведь в текстах на ǯ- и t-диалектах отражен булгарский язык какого-то определенного периода, берущий начало от языка приазовских булгар. Вполне возможно, что язык древних булгар, кстати, состоящий из различных диалектных единиц (Ковалевский, 1954, 20—21), в начальные периоды сложения государства на новой территории — в Среднем Поволжье — мог употребляться и в коммуникативных целях. Однако дальнейшее развитие классового общества, рост городов и производственных отношений

вызвали территориальное деление народов, что служило благоприятной почвой для возникновения наддиалектного койнэ. А древнебулгарский язык стал своеобразным функциональным языком для оформления надмогильных плит, и его особенности — даже хронологически разграничиваемые — оказались зафиксированными на камне.

Памятники, относящиеся к j-диалекту, естественно, не отражают состояния древнебулгарского языка, но в них могут быть зафиксированы некоторые слова и личные имена, отдельные явления или весь фонетический облик которых были свойственны языку булгарских племен. Ведь j-диалект, на наш взгляд, является письменной формой общезначимого койнэ, хотя и нельзя считать, что они во всем тождественны.

2.8.2. Койнэ, как правило, создается тогда, когда возникает практическая потребность в нем. При скрещивании четко отличающихся друг от друга r- и z-языков возникшее в начальные годы сложения государства двуязычие, очевидно, сменилось господством z-языка.

Почему же койнэ создалось на базе данного языка? Археологи утверждают, что определяющей основой государственного объединения тюркоязычных народов Среднего Поволжья был небулгарский элемент. Пришлые булгарские племена не превосходили другие ни по численности, ни в экономическом отношении и, по-видимому, лишь в военной и социальной организации занимали ведущее положение (Генинг, Халиков 1964, 162—176). Надо полагать, что наряду с влиянием языков других этнических групп на язык собственно булгарского племени не менее важную роль сыграло распространение и переписывание книг на огузо-кыпчакском литературном языке. Ведь кроме разговорного булгарского языка даже на месте прежней локализации, в Приазовье, у них должен был существовать и литературный язык в какой-либо форме. Первым литературным вариантом языка тюркских племен был язык рунических надписей, которым пользовались различные тюркские племена или союзы племен, а он, как известно, представлял собой сплав огузских и уйгурских элементов (Тенишев 1976а, 164—165). Впоследствии создался и древнеуйгурский литературный язык, который сыграл огромную роль в формировании других тюркских литературных языков. Несомненно, у булгар был и свой вариант этого тюркского книжно-письменного койнэ, куда могли влиться и другие элементы иных этнических групп на новой территории.

2.8.3. Таким образом, можно постулировать наличие двух начал: литературного языка смешанного огузо-уйгурского (возможно, огузо-кыпчакского) типа и разговорного языка племен, где отсутствовали ротацизм и другие признаки, свойственные древнебулгарскому языку. В такой сложной языковой ситуации могли возникнуть условия для создания общезначимого койнэ кыпчакизированного типа.

В силу этого сведения Махмуда Кашгари (XI в.), приведенные с пометами «суварский» и «булгарский», в которых нет схожих явлений с текстами эпиграфических памятников более позднего происхождения, нельзя считать почерпнутыми от информаторов-кыпчаков.

Исторические источники свидетельствуют о весьма тесной связи булгарских купцов со Средней Азией и странами Востока. Каждый состоятельный мусульманин старался совершить паломничество в Мекку, на восточных базарах продавались рабы — булгары и булгарки. Современник Махмуда Кашгари, таджикский поэт Насири Хосров, пишет:

Привозят тюрков из Булгара,
Чтобы соблазнять людей.
Губы и зубы этих луноподобных красавиц
Такой красоты, что не следовало бы подобных сотворять,
Ибо из-за любви к губам и зубам их
Нужно зубами кусать губы[19].

При такой этнической пестроте населения у М. Кашгари была возможность встретиться с настоящим булгаром, в речи которого сохранились бы ротацизм, ламбдаизм и другие архаичные черты. Но таких фактов М. Кашгари не приводит. Видимо, архаичный древнебулгарский язык уже в XI в. не применялся в целях коммуникации, а лишь у мастеров по традиции передавался из поколения в поколение.

2.9. В истории человечества известно много случаев, когда живой язык, утратив свои функции разговорного, начинал применяться в совершенно иной сфере или же предавался полному забвению. Так, своеобразный шумерский язык, родственные связи которого до сих пор не установлены, вышел из употребления как живой язык вскоре после правления Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.), и только вавилонские жрецы продолжали пользоваться им как языком культа (Фридрих 1961, 79).

Для мусульманского населения Волжской Булгарии в качестве культового языка выступал арабский — этот священный язык корана — подобно тому, как старославянский для православных и т. д. Однако для оформления эпитафий у булгар применялся и древнебулгарский язык. Видимо, выбор стиля надгробия и текста зависели в большей степени от финансового состояния заказчика.

Выбор текста на каком-нибудь диалекте, по нашему мнению, нисколько не связан с этнической принадлежностью заказчика, потому что на одном и том же кладбище можно встретить надписи на разных диалектах, имеются также и билингвы. Зафиксированы камни, надписи на которых выполнены на двух сторонах и на

[19] Приводится по работе А. Т. Тагирджанова (1970, 54—55).

двух диалектах, нередки и надписи, где в тексте употреблены разнодиалектные элементы. Особенно показательны в этом отношении надгробия членов одной семьи — отца и сына [20]. Текст эпитафии Бу-хаджи написан на t- или ǯ-диалекте (на каком именно — определить трудно), а для его отца, Хасана, была заказана плита с надписью на j-диалекте.

2.10. Стандартный текст, сходство оформлений и шрифт дают возможность говорить о наличии специалистов и особых мастерских по изготовлению надгробий (Тагирджанов 1970, 56). А исчезновение булгарских надгробий на t- и ǯ-диалектах в XV в. скорее всего объясняется вымиранием специалистов-оформителей каменных плит, а не изменением булгарского языка, ведь уже в некоторых эпитафиях наблюдалось смешанное употребление элементов разных диалектов.

[20] Надгробья найдены в с. Иске-Рязяп Куйбышевского р-на ТАССР.

Глава II

ГРАФО-ФОНЕТИКА

ГРАФИКА НАДПИСЕЙ

3.0. Всякое исследование старописьменных текстов, будь они написаны на бумаге, бересте или на камне, начинается с определения характера отдельных знаков или комбинаторных вариантов. Поэтому те исследователи, которые занимались и занимаются изучением надмогильных надписей, историей булгар, историей тюркских языков урало-поволжского региона, в своих работах в той или иной мере затрагивали эту проблему. Однако, что вполне естественно, их выводы не всегда были идентичны.

3.1. Известно, что булгарские надгробья оформлены арабским письмом, так называемым «булгарским куфи» [1] и «сульсом». Кроме практических навыков чтения указанных почерков, при разборе и трактовке надписей от исследователя требуется разрешение целого ряда проблем, в первую очередь по теории графики, особенно при приспособлении алфавита одного языка к нуждам другого (чужого) языка. В таких случаях приходится учитывать следующие важные положения.

Во-первых, заимствуя алфавит чужого языка, писцы обычно исходят из фонологической системы своего родного языка и, опираясь на звуковые ассоциации, выбирают отдельные графемы. Однако эти графемы не соответствуют фонемному составу, так как главнейшей задачей графики является отражение звуковой стороны языка (Зиндер 1960, 308). Отсюда следует, что один знак может означать несколько графо-фонем.

Во-вторых, фонетический принцип письма предполагает обозначение одной фонемы сочетанием двух или нескольких графем для более адекватной передачи звуков (Зиндер 1960, 311).

В XIII—XIV вв., когда были воздвигнуты надгробные памятники, у булгар, кроме арабского, очевидно, применялась еще и уйгурская письменность. Правда, мы не располагаем документами булгар, написанными уйгурскими буквами, однако косвенные данные позволяют предполагать, что они были. Так, например, Чингиз-хан лично интересовался распространением уйгур-

[1] Невыдержанность линий букв следует объяснить характером надписей, их предназначенностью для общего употребления. О классификации монументальных надписей см. работу В. А. Крачковской (1952, 71).

ской письменности и она считалась официальной в канцеляриях ханов. В Золотой Орде даже до начала XV в. не переставали издавать ярлыки, написанные уйгурскими буквами. Ярлык Токтамыша Ягайло, например, написан уйгурским шрифтом, а ярлык Темир-Кутлуга — уйгурским и арабским (Радлов 1888, 1—3). Правда, ярлык Темир-Кутлуга является лишь копией, однако из поздних документов ярлык турецкого султана Мехмеда Завоевателя (1451—1481), послание султана-тимурида Абу-Саида (1427—1469) Узун-Хасану также снабжены арабской транскрипцией (Гузев 1972, 240).

На наш взгляд, имя Бахши, зафиксированное на надгробьи из с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР, тесно связано с термином *бахши*, означающим секретаря, переписчика и т. д. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с уйгурскими *бахши*, которые в разных канцеляриях занимались составлением и перепиской ярлыков, деловых бумаг, литературных произведений и др.[2]

Применение арабской графики для оформления текстов надмогильных плит главным образом связано с культовым характером арабского языка, подобно тому, как для эпитафий тюрок-несториан Семиречья культовым являлся сирийский алфавит. До официального принятия ислама в 922 г. волжские булгары вряд ли употребляли арабский алфавит, хотя, бесспорно, они с ним были знакомы. То, что имеются булгарские дирхемы с датами чеканки 306 года хиджри (918—919 гг. н. э.), на которые ссылался Г. В. Юсупов (1960, 44—45), утверждая появление арабской письменности у булгар до 922 г., еще не могут быть бесспорными доказательствами этого положения. Микаил ибн Джа'фар, чье имя стоит на монетах, видимо, был сыном булгарского царя Алмуша, принявшего по совету Ибн-Фадлана мусульманское имя Джа'фар, а в таком случае он должен был править после смерти своего отца, т. е. не раньше 922 г. По мнению Р. Р. Фасмера (1925, 44 и 51), при копировании саманидских дирхемов, булгары могли оставить легенды без изменений и изготовить штемпель лишь с именем своего царя.

Как бы то ни было, арабскими буквами никак нельзя было передать всех особенностей тюркской речи, особенно многообразие вокализма: «арабский алфавит весьма мало пригоден для изображения звуков турецкого (тюркского. — *Ф. Х.*) языка, — писал в свое время П. М. Мелиоранский (1900, II—III) [3], — и это обстоятельство всегда было и будет большой помехой для лингвистического исследования дошедших до нас памятников турец-

---

[2] Подробнее о роли «бахши» в формировании среднеазиатского литературного языка см. работу Э. Наджипа (Нэджип 1957, 78).

[3] Следуя орфографической традиции арабского письма, знаки для гласных очень часто не пишут и опускают диакритику, а иногда не ставят над и подбуквенные точки, в результате чего слово превращается в своеобразное собрание согласных (*Ф. Х.*).

кого (тюркского. — *Ф. Х.*) языка, особенно со стороны фонетики и этимологии». Видимо, для более или менее точной передачи тюркских звуков булгарские резчики при выборе знаков, кроме традиций ритуального арабского языка, опирались и на правила уйгурской письменности. Например, в уйгурских текстах серединный -ü- передавался как сочетание звуков u+i (Малов 1927, 5 и рис. 1; Федотов 1974, 106—107) и точно такой же способ применен булгарскими резчиками: ср. بلوی ک bälük 'надмогильный знак, памятник'.

Таким образом, предшественником языка булгарских эпитафий мог быть уйгурографичный тюркский язык, в котором впоследствии уйгурские буквы заменялись арабскими. Естественно, данный процесс происходил гораздо раньше, а не только в XIII или XIV в. К этому времени уже сложились некоторые правила, точнее, традиции письма, которых в основном придерживались все резчики.

3.2. Мы не будем описывать здесь систему обозначения тюркских звуков арабскими буквами, это будет вестись синкретно с реконструкцией отдельных звуков. Выделим лишь вопрос о точках, поставленных под некоторыми буквами. По мнению Н. И. Ашмарина (1902, 82 и 104), точка под ط указывает на звонкость этой буквы или же является отличительным знаком от куфического ک. Г. В. Юсупов же (1949) пишет, что наличие диакритических точек под د ر س является булгарской традицией. Точки позволяют отличать эти буквы от ذ ز ش. Кроме указанных букв точки встречаются и под ع و ص. Видимо, эти точки действительно поставлены для поддержания правильного чтения булгарских слов, ведь в выдержках из корана они приводятся весьма редко. Иногда можно заметить даже бессистемность в применении точек: в одном и том же тексте точка ставится то наверху, то внизу буквы (это касается буквы вав).

Кроме булгарских эпитафий, точки под s и r наблюдаются в тексте глиняного кувшина из Сарайчика (Самойлович 1913, 040), в надписи на золотом ковше из Эрмитажа (Крамаровский 1975, 70—79) [4], s с точками встречается в рукописи средневекового письменного памятника «Кисек баш китабы», в тексте бронзового кувшина XV—XVI вв. из Государственного музея ТАССР (инвентарный номер 16081) [5], в рукописи XVI в. «Шейбани-намэ» Мухаммед Салиха (1908) [6], в арабской транскрипции ярлыка

[4] По мнению автора, надпись откуда-то скопирована, а сам сосуд относится к концу XIII—началу XIV вв. Из-за наличия точек под «сином» Л. Ю. Тугушева (1975, 80) относит надпись к поволжскому ареалу, а в написании يور она предполагает не пропуск точки у ز, а влияние булгарского ротацизма.

[5] А. Х. Халиков считает, что кувшин сделан в первой половине XVI в. в Казани (1974, 84).

[6] В перечислении особенностей орфографии s с точками не упоминается, но на приведенном факсимиле она имеется. См. также работу А. Н. Са-

Темир-Кутлуга (Радлов 1888, приложение между с. 40 и 41). По мнению В. Г. Гузева (1972, 241—242), по некоторым графическим признакам — среди которых он упоминает и троеточие под сином — копия ярлыка Темир-Кутлуга, возможно, изготовлена рукой бахши Шейх-заде Абду-р-Реззака, который является переписчиком одного из списков XV в. «Хибат ул-Хакаик», писцом ярлыка Мехмеда II. Все эти документы относятся к XIII—XVI вв., а более раннее начертание ﭘس зафиксировано в эпитафии 1212 г. из Средней Азии (Юсупов 1960, 59).

Такое обозначение буквы син применялось и в более поздних белорусских текстах XVII—XX вв., писанных арабским письмом. Исследователь этих текстов А. К. Антонович указывает, что знаки س и ﭘس употребляются в одних и тех же лексемах и в совершенно тождественных фонетических условиях (Антонович 1968, 243).

СОГЛАСНЫЕ

3. 3. **В** — губно-губной звонкий смычный согласный. В булгароязычных надписях он встречается во всех позициях. Хотя особенности графики не позволяют определить качество графемы ب, в анлауте, по всей видимости, мы имеем звонкую графо-фонему, например: بلغ Bälaχ [ž, 173][7] — имя собств., ارن باش ärnä baš͡ı [š, 11] 'начало недели (понедельник)', بو bu [j, 153] 'это', بطيك biṭik [t, 97] 'надпись'.

3.3.1. Среди исследователей нет единого мнения относительно звуковой значимости этой графемы. Н. И. Ашмарин (1902, 103), например, исходя из гипотезы о тождестве языков чувашей и волжских булгар, всецело ориентировался на материал современного чувашского языка и, защищая свою теорию глухого начала, отрицал наличие анлаутного b- в булгарских надписях.

Аналогичной точки зрения придерживался и О. Прицак (Pritsak 1959a, 306), который писал, что «для волжско-булгарского языка глухой смычный согласный был принят уже в X столетии». Однако его доказательства строились на весьма шаткой основе. Опираясь на эстампажи Х. Фаезханова (1863, табл. I—III), слово بَلطُوي он читал как پَلطُوي, т. е. с начальным p- (в табл. II), надбуквенную черту принимал за специальный знак для передачи глухости, а не за фатху только потому, что одна подбуквенная точка и черта над буквой были несколько жирнее, чем остальмойловича (1910б). Рукопись переписана двумя бахши и у обоих есть ﭘس. Видимо, она была и у автора сочинения.

[7] Буква в квадратных скобках показывает диалектную принадлежность памятника (если стоит знак вопроса, значит нельзя определить принадлежность к диалектам или надпись на арабском языке), а цифра означает порядковый номер по нашей картотеке. Указатель мест находок или хранений эпитафий приведен в приложении.

ные. Однако при эстампировании врезанных надписей никогда нельзя получить более или менее точной копии для палеографического анализа, тем более что в таблице III у Х. Фаезханова же данное слово имеет графему ба с одной точкой.

3.3.2. Если графика не позволяет выявить качественное состояние начального звука, то косвенные данные других языков могут внести некоторую ясность в разрешение этой проблемы. Так, например, наличие тюркских заимствований в языках удмуртов, коми и венгров с некоторыми булгарскими фонетическими признаками и звонким звуком в начальной позиции дает возможность говорить об их булгарском происхождении: ср. удм. *бултыр* 'свояченица, вторая жена (после смерти первой)', чув. *пултăр* 'младшие братья и сестры жены (или мужа)', тат. *балдыз* 'младшая сестра жены' ~ др.-тюрк. baldïz 'младшая сестра жены' (ДТС, 80) и baltïr 'младшая родственница, невестка?' (ДТС, 81); венг. borjú 'теленок', чув. *пăру*, тат. *бозау* 'то же'; венг. bélyeg 'знак, марка, клеймо', дун.-булг. *белѣгъ* // *билѣгъ* // *бѣлѣгъ* (Pritsak 1955, 71), волж.-булг. bälük 'надмогильный знак, памятник', чув. *палăк* // *паллă* 'памятник, знак, клеймо, метка, примета', тат. *билге* 'знак, отметина, признак, клеймо' и т. д.

3.3.3. Проникновение тюркского слова *бурый* 'масть лошади' в русский язык относится к XII в. Оно считается заимствованным из языка волжских булгар: ср. чув. *пăвăрлă* 'бурый', тат. *бурлы* 'чалый, гнедочалый, каурый' (Аракин 1974, 140—141; Добродомов 1974а, 46—48 и 252—253).

3.3.4. К этим доказательствам следует добавить числительное *бехти* 'пятый', название рода *бихтун*, имена болгарского князя *Безмера* из «Именника» (Pritsak 1955, 58 и 64) и *Зоапана Буйла*, *Зоапана Бутаул* на золотой чаше с греческой надписью, найденной в Надь-Сент Миклоше (Малов 1921, 70).

Наличие начального b- в дунайско-булгарском языке наиболее убедительно показывает, что в начале слова языку древних булгар не был свойствен процесс приглушения указанного звука. Между тем некоторые исследователи выдвигают тезис о наличии в позднеболгарском (сам по себе данный термин хронологически не выяснен) языке диалектов, различающихся употреблением звуков b- и p-, а в древнебулгарском, выходит, применялся лишь p- (Ахметьянов 1976, 32—33).

3.3.5. Как известно, волжские булгары были знатными мастерами по обработке кожи и особенно славилась булгарская юфть. Несомненно, слова со звонким b-, как калм. bulγar 'юфть, дубленая кожа', тибет. bul-ha-ri, чаг. bulγar 'кожа', тув. bulgār 'дубленая кожа' [8], бурят. *булгайр* 'юфть, кожаный', монг. *булигаар* 'юфть', узб. *булғори* 'юфть', уйг. *булгари* 'подошвенная кожа', венг. bagaria (bör) 'юфть', были заимствованы из языка волжских булгар.

[8] Примеры приведены по работе М. Рясянена (Räsänen 1959, 316).

3.3.6. Сам этноним *булгар // болгар*, зафиксированный в разноязычных источниках со звонким инициальным согласным, и булгарский пласт, сохранившийся в топонимии ТАССР, подтверждают данное положение (Ковалевский 1954, 17; Саттаров 1973). К тому же в орхоно-енисейских надписях в начальной позиции удерживается b-, его приглушение исследователями не было замечено.

3.3.7. Булгарские слова в надмогильных надписях с графическим -b- в середине, например جبا ق ǰabaq [ǰ, 175], طباج Ṭabač [?, 192], ابرك Äbräk [t, 21] — все имена собств., видимо, произносились звонко. Трудно что-либо утверждать в отношении тех слов, в которых -b- находится в слабой позиции, например: ابت Äbtä [t, 48], اسبل Isbäl [t, 10] — имена собств. В современных тюркских языках Поволжья, например в чувашском, в интервокальной позиции и после сонорных звуков -р- принимает полузвонкий характер, например др.-тюрк. čabaq, тат. *чабак* ~ чув. *çупах* (чит. *çубах*) 'мелкая рыба', а в татарском языке интервокальный -b- имеет тенденцию к спирантизации, -р- в данной позиции переходит в -b-, например: *чүп* 'мусор' → *чүбек* 'стружка', однако ср. *апа* 'старшая сестра, тетя', *ипи* 'хлеб', где глухость удерживается.

3.4. **Р** — губно-губной глухой смычный согласный. В начале слова, видимо, он не применялся. На вероятность наличия -р- в языке надписей указывает женское имя افخ Afaχ [?, 193], в котором -f-, как нам кажется, является субститутом тюркского глухого звука р. Как известно, в то время всякое собственное имя имело какое-нибудь реальное значение. Данное имя можно было бы сопоставить с араб. أُفُق 'горизонт' или أَفَّاق 'авантюрист, путешественник', что явно не подходит для имени девушки. Такое же имя носила и первая жена великого поэта Низами, которое Е. А. Бертельс (1953, 66) выводил из кыпчакского *аппак* (<*ап-ак*) 'очень белая, белолицая, белешенькая' и это должно было прозвучать комплиментом для смуглых кипчашек. Видимо, желая «облагородить» имя своей жены, поэт арабизировал его, т. е. *Аппак* превратил в *Афах*. Булгары же это имя могли получить через литературные произведения, поступившие из Средней Азии или, из-за отсутствия графемы р в арабском языке, имя *Аппак* вынуждены были писать через f [9].

3.4.1. В татарском языке явление b//p//f признается одним из характерных признаков татарских диалектов, например: *туфрак // тупрак // туфрак* 'почва'. Имя *Абак* с озвончением в интервокальной позиции мы встречаем и в надгробии XVI в.

[9] Передача звука р графемой ف наблюдается и в арабографических текстах других ареалов, см., например, у А. Самойловича (1910а, прим. 3 на с. 079).

(Юсупов 1960, с. 108) [10], что может служить подтверждением данной гипотезы.

Имя *Абак* известно и у казахов. Согласно преданию, у Сары-Уйгуня был внук *Абак*, от которого пошел род абак-кереев. В другой легенде *Абак* также называется родоначальником керейского рода. И если Грум-Гржимайло предполагал, что *абак* возник из родового названия *аба*, то С. Аманжолов (1959, 46—50) считал *абак* < *аппак* 'светло-белый'.

3.4.2. Что касается ауслаутного -р, то, учитывая общий процесс оглушения конечных звуков в языках данного региона, можно вполне определенно говорить о его наличии, например: رجب Räǯäp [t, 10, 19, 161, 162] — имя собств., ср. с татарским именем *Рәҗәп* и названиями сел *Иске Рәҗәп* и *Яңа Рәҗәп*, первое из которых возникло в булгарскую эпоху (Фәхретдинов 1967, 142); ايوب Ajup [j, 90] — имя собств., ср. с татарскими именами *Аюп*, *Әюп*; اليب Alïp [?, 120] — имя собств., ср. с именами *Алп*, *Алпамша*, *Алпамыш* и других героев тюркских эпосов, а также с др.-тюрк. Alp (ДТС, 36).

В дунайско-булгарском языке в данной позиции также был глухой звук, например: *капь* 'изображение, портрет, идол' (Pritsak 1955, 72), ср. др.-тюрк. keb // kep 'форма' (ДТС, 290, 298), якут. *киэп* 'форма, вид', венг. kép 'картина, портрет, облик, вид, образ, зрелище'.

3.5. **M** — губно-губной смычный согласный. Встречается во всех позициях, например: مسكين mesken [j, 153] 'несчастный' < араб. مِسْكِينٌ 'бедный, жалкий, несчастный', ممك Mämäk [t, ?, 25, 110, 151], ارماش Armaš [?, 203], امات Amat [t, 103], الامر بلم Äl-Ämir Belem [?, 41] — все имена собств.

3.6. **W** — губно-губной щелевой согласный. Графически от гласного u ничем не отличается, и это вызывает определенные трудности. Данный согласный в орхонских и енисейских надписях не имел специального обозначения и довольно неопределенно передавался в текстах уйгурской письменности (Щербак 1961, 46). В «Диване» Махмуда Кашгари, кроме междометия wa, инициальный w- не встречается (Боровкова 1966, 26).

3.6.1. Проблеме w-протезы посвящено довольно много работ [11] и мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, а лишь заметим, что в родственном волжско-булгарскому — чувашском — на месте тюркских начальных u-, ü-, o-, ö- всегда появляется w-

---

[10] Фамилия *Аппаков* у татар имеет довольно широкое распространение. В основе названия с. Аппакаево Пестречинского р-на ТАССР, расположенного недалеко от с. Татарское Ходяшево, где был найден памятник с этим именем, также лежит личное имя *Аппак*.

[11] Отдельные точки зрения рассматриваются в работах М. Палло (Pallό 1959, 240—243; 1961б, 31—44), Л. С. Левитской (1966, 381—382), Н. А. Баскакова (1974).

протеза. По мнению М. Р. Федотова, тюркизмы с w-протезой в марийском, удмуртском и коми языках также булгаро-чувашского происхождения (Федотов 1969, 6). Однако Д. В. Бубрих (1948, 82, 84 и 105) считает, что древняя пермская речь знала протетический w-, развитие которого было связано с определенными фонетическими условиями, например с ударяемостью или неударяемостью.

Б. А. Серебренников (1956б, 82) также полагает, что протетический w- в чувашском и волжско-булгарском языках возник под влиянием восточных финно-угорских языков, главным образом пермских. «Очевидно, что протетическое „в“, — замечает он, — возникло только в языке камских булгар на территории их расселения в Камской Булгарии» (Серебренников 1956б, 82).

Л. С. Левитская (1966, 382), специально исследовавшая чувашские звуки в историческом аспекте, также приходит к выводу, что «в-протеза была признаком какого-то диалекта или нескольких диалектов».

3.6.2. За последние годы данная проблема вышла за пределы тюркских языков, и хронологические рамки булгарской протезы начали пересматриваться. Однако метод внешнего сравнения данных в пределах ностратических языков или выделения булгарских заимствований из общего числа тюркизмов в других языковых группах имеет свои трудности. Двоякость полученных результатов (инициальный w- может быть и этимологическим, и протетическим) еще более усугубляет неопределенность положения (Добродомов 1974в, 34—43). Видимо, прежде всего следует разграничить чувашизмы и булгаризмы; кроме того, неясен характер хунского и хазарского языков, нет единого мнения о волжско-булгарском языке.

3.6.3. Еще Н. И. Ашмарин (1902, 51—55) проводил параллель между хунским названием Var, обозначением Днепра Иорданом, и чувашским *вар* ‘долина, середина, чрево’, ср. тюрк. Özü [12]. Последние исследования показывают невозможность с фонетической точки зрения развития öz > var в VI в., и, возможно, это наименование является древнеиранским заимствованием, ср. vār(i) ‘вода’, которое хунны переняли у соседей (Doerfer 1973, 19—20).

3.6.4. Тюркские лексические заимствования венгерского языка также показывают двоякое соответствие, например: венг. ökör, др.-тюрк. öküz // ögüz (ДТС, 382-383) ‘бык, вол’ ~ чув. *ĕйкăр*; венг. vályú // valú, др.-тюрк. oluq ‘корыто’ (ДТС, 366) ~ чув. *валăк* ‘желоб’.

3.6.5. В булгарских эпиграфических памятниках слов, в которых можно было бы подразумевать начальный w-, весьма мало. Это числительные وُچ // وَچ ‘три’, وان // وَن ‘десять’, وطر // وتر ‘трид-

---

[12] Этимологию слова öz > özän см. у Э. В. Севортяна (1974, 510).

цать', а также сложные числительные, образованные с их помощью. В эту же группу слов следует отнести имя собственное وُرُم [t, 216], глагольную форму وَلت [ǯ, 18] 'он умер'. Однако данные древнетюркских и среднетюркских текстов, современных языков, а также сопоставление графических особенностей в самих булгарских надгробьях убеждают нас в обратном (подробнее см. в разделе о гласном u).

3.6.6. Графический вав, находящийся в середине слова, также истолковывался по-разному. Тахаллус и имя собственное سوار, например, исследователи читали как *Сувар* (Березин 1852, 101), *Суар* (Жуколой 1954, 75), *Сäвäр* или *Сауар* (Ашмарин 1902, 71). Принимая во внимание имя дунайско-булгарского князя Севара, можно было бы принять вариант Н. И. Ашмарина.

Наличие серединного -w- в слове جلوى Čalwi [t, 162] — имя собств., очевидно, связано с утратой билабиальности -b-, ср. с языческими именами Чолбай и Челбай, приведенных В. К. Магницким (1905, 91 и 93), и с волжско-булгарским جلبى Čälbi [t, 107].

Не совсем ясна качественная характеристика интервокальной графемы вав в числительном توآتم 'четвертый', хотя многие исследователи читали его с губно-губным или губно-зубным звуком. Если посмотреть данные дунайско-булгарского языка (VII в.), то можно заметить, что после выпадения серединного -r- долгий гласный трансформировался в дифтонг, ср. *тоутомъ* // $m\ddot{v}m\omega^{M}$ < *тоут-омъ* 'четвертый'. По мнению О. Прицака, оно должно читаться как töu̯tëm′ или tütëm (Pritsak 1955, 70 и 73).

Варианты написания данного числительного в волжско-булгарских эпитафиях, которые, кстати, переданы без серединного алифа, позволяют его читать без трифтонга, возможно, и без дифтонга.

3.6.7. Появление графемы вав в конце слова شو [ǯ, 18] 'вода' можно объяснить двояко: ее появление является результатом изменения древнего γ, как, например, чув. *шыв*, башк. *һыу*, тат. диал. *сыу*, или же, что вероятнее всего, здесь отпал конечный согласный, однако в таком случае, при вхождении в изафетную конструкцию, как у нас в тексте — Čärimsän šïwna 'в воду Черемшана', где šïwna < šïw-na < šïwï-na и т. д., — между двумя гласными разного качества появляется вставочный звук, который при фонетическом принципе письма обязательно находит свое графическое выражение: šu-i (šu^{w}ï) 'его вода' > šu-wï-na > > šïwna 'в его воду'.

3.7. **F** — губно-зубной щелевой согласный. Встречается во всех позициях и только в заимствованных словах, например: فطمة Faṭïjma [j, 90; t, 28] — имя собств. < араб. فَاطِمَةُ; وفات wafat

[ǯ, j, t, 9, 10, 25 и др.] < араб. وَفَاةٌ ‘кончина, смерть’; يوسف Jusuf [t, 25, 108, 151 и др.] — имя собств. < араб. يُوسُفُ — то же.

3.8. **T** — переднеязычный глухой смычный согласный. На письме обозначается простым ت и эмфатическим ط. Применение той или иной графемы обусловлено исключительно небно-велярной гармонией. Так, например, в написании арабского заимствования وفات ‘смерть, кончина’ резчики в большинстве случаев использовали та мамдуду (ت) вместо та марбуту и писали وفات, однако это существенной роли не играло, так как оба знака являются графическими вариантами и та марбута в конце слов применяется только в именах существительных. Лишь один раз зафиксированное написание وفط [?, 37] показывает применение эмфатического звука для показа заднерядности гласных.

Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что в языке эпитафий в применении согласного t позиционных и диалектных ограничений не существовало: طراى Ṭoraj [t, 77], حَلْمُطش Hälmüṭaš [t, 45], بُلَط Bulaṭ [t, 54] — имена собств., تنكرى täŋri [j, 112, 127] ‘всевышний, бог’ и др.

3.9. **D** — переднеязычный звонкий смычный согласный. Употребление звонкого d- в начале слова нами зафиксировано только в заимствовании دنيا dön'ja [ǯ, t, j, 84, 96, 186, 178 и др.] < араб. دُنْيَا ‘мир, свет’. В других позициях встречается довольно часто, например: ممدُح Mämdux [t, 178], تودەيجا Tüdäjǯa [j, 213] — имена собств., ياشندا jašïnda [j, 164, 181, 182] ‘в возрасте’.

Как известно, в исходе собственно тюркских слов d не типичен. В эпитафиях, хотя слова с конечным -d являются заимствованными, зафиксирована звонкая графема, например: اَحْمَدُ Äxmäd [?, 66; t, 93, 121, 132, 134; j, 62] — имя собств. < араб. أَحْمَدُ ‘похвальный’, образовано от حَمِدَ ‘хвалить’; от того же корня образованы и имена الحمد Äl-Xämäd [?, 197; t, 35], حماد Xämad [t, 35], محمود Mäxmüd [ǯ, 22; t, 70, 110, 111, 113], محمد Möxammäd [j, 90; t, 71, 87, 116].

Особо выделяется чередование d ~ t. Например, глагольной форме j-диалекта ärdi ‘было’ в памятниках t-диалекта соответствует äti — то же. Зафиксировано два примера, которые показывают, что при заимствовании слова иногда приводятся в соответствие с фонетическими закономерностями языка надписей, например: سبيتَSöbäjtä [?, 83] — имя собств. < араб. زبيد ‘сливки’, т. е. ‘лучшее, дородная’ или перс. زبيد ‘бессмертник’ и سَيِتَ Säjtä [?, 149] — имя собств. < араб. سيدة ‘госпожа, женщина, божья коровка’.

Общим палеографическим признаком для языка эпитафий и орхонских, древнеуйгурских текстов является отсутствие ассими-

ляции согласных по глухости-звонкости. Даже после основ на глухой согласный присоединяется звонкий аффикс: بيشده biš-dä [j, 80] 'в пять', اوچ öč-dä [j, 175] 'в три'. Это характерно для надписей на j-диалекте.

3.10. **Š** — переднеязычный глухой шипящий щелевой согласный. В тюркских языках в начале слова встречается редко. В текстах эпитафий, не считая заимствований из арабского языка, в данной позиции š зафиксирован лишь один раз в памятнике, относящемся к ǯ-диалекту: شِوِنَ šïwna [ǯ, 18] 'в его воду', где š < s, ср. с др.-тюрк. sub // suγ // suv, чув. *шыв* и т. д. Однако это пока единичный случай, и говорить о явлении s > š как о закономерности вряд ли будет правомерно [13].

В других позициях š встречается довольно часто, например: باشِ bašï [ǯ, 11] 'его начало', اشلى Ašlï [t, 26], بلمشق Belemšaq [j, 127] — имена собств., وكوش üküš [j, 153] 'много'.

3.11. **Z** — переднеязычный звонкий свистящий щелевой согласный. В древнетюркском языке в начале слова z- не применялся. В булгарских надгробьях он зафиксирован в двух случаях, но и они являются не собственно тюркскими: زيارت zërät 'место погребения, могила' < араб. زيارة 'посещение, визит, паломничество' и زهرش Zöhräš — имя собств. < перс. زهره 'цветок, Венера (планета), храбрость, отвага и др.' + тюрк. اش // ايش 'пара, товарищ, подобный'.

Что касается имени собственного ذاسب Ẕäsbi [ǯ, 59], прочтенного Г. В. Юсуповым (1963, 25) как *Засби*, то такое чтение в данном случае является ошибочным. Наше обследование памятника в поле показало, что графему ذ нужно читать как ت, и она будет не первой, а последней буквой слова سيموت, перенесенной из верхней строчки. Отсутствие верхней части камня и сильная попорченность не позволяют точно восстановить начало текста, но следы слова سيمو на левом краю памятника хорошо заметны. Следовательно, имя погребенной будет Äsbi. Такое имя есть также в памятнике 1307—1308 гг. из д. Старые Челны Алькеевского р-на ТАССР.

Примеры употребления z в других позициях: اوُرَاز Ouraz [t, 216], اضنب Aḍnap [t, 81] — имена собств., يوز jüz [j, 116, 127 и др.] 'сто'.

---

[13] Мужское имя *Шабганъ* в копии из ЦГАДА (ф. 192, оп. 1, ед. хр. 4/4), приведенное у И. Лепехина (Дневные 1771, № 28) как *Шамгак*, у Ф. И. Эрдмана (1832, № 14) — *Шабаа*, у Свечина (Дело 1767, № 25) — *Шагман*, следует принять за ошибочное чтение переписчиков, хотя его можно было бы сопоставить с тюркским титулом *йабгу* (на булгарской почве j > ǯ, а в памятнике t-диалекта имеется графический перебой ǯ//š).

3.12. **S** — переднеязычный глухой свистящий щелевой согласный. Как показывает собранный материал, он употреблялся во всех позициях и диалектных различий не замечено, например: سَنَچ Sänǯä [t, 54], صَبَرْ Ṣabar [ǯ, 85], إسُج Jsux [t, 180] — имена собств., سوكان sügän [j, 153] 'любивший' и т. д.

Как было указано выше, s факультативно мог перейти в š, а араб. z в начале слова — в s.

3.13. **L** — переднеязычный щелевой мягкий сонант. В начале слова l- в древнетюркском языке отсутствовал. В эпитафиях данный звук встречается в середине и конце слова, например, بُلَط Bulaṭ [t, 54], سلمان Sälman [t, 150], إسْبَلْ Jsbäl [t, 10] — имена собств., بلغارى bolγari [t, 49, 102, 112; j, 90] 'булгарский' и др.

3.14. **R** — переднеязычный дрожащий сонант. Как в древнетюркском языке, так и в языке волжско-булгарских надписей в начале слова r- отсутствовал. В серединной позиции применение данной графо-фонемы ничем не ограничено и она встречается во всех диалектах.

Особенностью булгарских эпитафий является диалектное различие в употреблении ауслаутного -r (об этом см. ниже).

3.15. **ǯ** — переднеязычная аффриката. В орхоно-енисейских надписях согласный ǯ не зафиксирован. О существовании его в текстах из Восточного Туркестана, и то лишь в диалектах карлукской подгруппы, весьма предположительно высказался А. М Щербак (1961, 24). В то же время М. Кашгари называл джекающими языки кыпчаков и огузов (Divānü 1939, 31 и 417).

3.15.1. В булгарских памятниках данный звук обозначен знаком ڃ, который в арабском языке передает передненебную звонкую аффрикату. Если учесть, что выбор знака для передачи какого-либо звука не может быть произвольным, то у нас нет оснований отрицать наличие ǯ в эпитафиях волжских булгар, ср. др.-тюрк. jïl 'год', волж.-булг. جَال // جل, тат. *ел* (*йыл*), тат. диал. *жыл* и *жа°л*, чув. *çул* — то же. Отсюда видно, что булгарскому графическому ڃ в современном татарском соответствуют фрикативный *ж* и щелевой *й*, а в чувашском — глухой спирант *ç*. Исходя из того, что субститутом древнетюркского j в чувашском языке выступает палатальный *ç*, некоторые ученые графеме ڃ приписывали указанный чувашский звук (Ашмарин 1902, 37 и 103; Федотов 1969, 10). Однако чувашский *ç* является относительно поздним явлением, возникшим в результате спирантизации древнетюркского j через промежуточную ступень ǯ (Серебренников 1956б, 82)[14].

Считая чувашский язык самостоятельным языком булгаро-хазарской группы, Б. А. Серебренников (1956а, 74) писал, что

[14] Несколько иную точку зрения в отношении инициального *ç-* высказал А. М. Щербак (1970б, 160).

«языку камских булгар, по-видимому, не был свойствен процесс спирантизации аффрикаты /дж/, ... не было этого процесса и в языке тех булгар, с которыми сталкивались венгры», ср. венг. gyertya (gy = d′) и чув. *çурта* 'свеча', венг. gyürü и чув. *çĕрĕ* 'кольцо', венг. gyümolcs и чув. *çимĕç* 'фрукт'.

3.15.2. Тюркские заимствования в венгерском языке показывают замещение древнетюркского j через ступень gy, sz, ø. Синхроническая и диахроническая связь отдельных ступеней этого звукового изменения (j- > d′- > ǯ- > s′-) в венгерской тюркологии все еще остается довольно проблематичной, и на достоверной основе не определен источник заимствований некоторых слов (Pallό 1959, 246—247). Предложенная З. Гомбоцем (Gombocz 1912, 208) рабочая гипотеза о двух источниках (языки или диалекты) венгерских заимствований имела и доныне имеет своих сторонников и противников. Так, например, Г. И. Рамстедт венг. szél 'ветер' считал иранским заимствованием, а не тюркским, и лишь слова с анлаутным gy-, по его мнению, взяты из тюркского языка, а именно из средней ступени чувашского звукового изменения *й-* > *ç-* (Pamstedt 1922, 10).

В последнее время была выдвинута еще одна гипотеза, которая предполагает, что слова с s′-признаком заимствованы в алтайскую эпоху, когда анлаутная звуковая группа n, n′, d, ǯ, j еще не совпала с пратюркским j- (Pallό 1961a, 133—135). В основном опираясь на труды З. Гомбоца и Л. Рашоньи, М. Палло пришла к выводу, что заимствования с s′-признаком относятся к более раннему пласту заимствований, чем слова с gy-признаком.

Против такой точки зрения М. Палло выступил И. Г. Добродомов (1976, 124), который считал более надежной старую трактовку З. Гомбоца.

Таким образом, отсутствие единого мнения в решении этой проблемы не позволяет считать наличие инициального s′- в чувашском и некоторых тюркских заимствованиях венгерского языка решающим критерием в определении булгаризмов венгерского языка.

В дунайско-булгарском языке анлаутный d- в некоторых случаях соответствует общетюркскому j-//ǯ-, например: дун.-булг. *диломъ* ~ общетюрк. jïlan // ǯïlan 'змея' (Pritsak 1955, 43).

3.15.3. Некоторые исследователи, отождествив языковые факты булгарских эпитафий и современного чувашского языка, данные памятников относили к явлениям древнечувашского языка. Соответственно на базе этих материалов они реконструировали древнее состояние чувашского языка. На наш взгляд, нельзя ставить знак равенства между древнечувашским и волжско-булгарским языками, тем более когда под волжско-булгарским понимаются факты эпиграфических памятников, которые не отражают разговорного языка того периода, а являются фактом языка функционального.

Если же принять, что чувашские заимствования в пермских и волжских финно-угорских языках «относятся еще ко времени создания булгарских эпитафий II стиля» (Федотов 1969, 10; 1968б, 51—52), и наличие в них начального ç служит верным критерием отделения чувашизмов от остальных тюркизмов (там же) [15], то, видимо, следовало бы ожидать и в памятниках отражения этого звука. Но в них ç не зафиксирован. В таком случае, предпосылки данного суждения оказываются ошибочными.

При допущении того положения, что графема ҫ = ç, мы встретим противоречие с точки зрения теории графики: при приспособлении алфавита одного языка к нуждам другого, употребление той или иной графемы не может быть абсолютно свободным (Зиндер 1963, 147). Для передачи палатального ç, как отмечали Х. Френ и А. П. Ковалевский (1954, 28 и 56), гораздо удобнее была бы арабская буква зайн, означающая сильно смягченный z, и акустически ç гораздо ближе стоит к нему, нежели к ǯ.

3.16. Č — переднеязычная глухая аффриката. Употребляется в любой позиции. В арабском алфавите, примененном булгарскими резчиками, для данного звука не было отдельного знака, поэтому тюркский č изображался по-разному.

В памятнике t-диалекта из с. Татарское Шанкино Алькеевского р-на ТАССР (см. рис. 29, 30) имя погребенной читается как جكر البت, а в арабской редакции с другой стороны — شكر الجى. Учитывая, что в волжско-булгарском языке заместителем древнетюркского č выступал звук, напоминающий š (Рясянен 1955, 157), в данном случае графо-фонему ش следует рассматривать корреспондентом древнетюркского č. Такое дублетное написание тюркской фонемы č позволяет внести некоторую ясность в ее характеристику.

Имя в булгарской редакции текста, графически переданное звонкой аффрикатой ǯ, которая, как указывалось выше, имела тенденцию к спирантизации, в арабской редакции никак не могло писаться через этот же согласный, имеющий в арабском языке взрывной характер. Видимо, поэтому резчики выбрали более или менее сходный звук с булгарским č, т. е. š, выражающий в арабском языке фрикативный шумный согласный. Такой выбор мог означать не что иное, как дезаффрикатизацию согласного č.

Другое чередование, имеющееся в памятниках, — t ~ č. Булгарский t в соединении с i, очевидно, сильно палатализовавшись, подвергся аффрикатизации, что и дало в других, не относящихся к t-диалекту памятниках, вторичный č. Этот фонетический процесс наблюдается в ряде примеров, например:

---

[15] Эти положения автор распространяет и на тюркские заимствования венгерского языка.

ات	äti	اچ	äči	‘было’
چیات	ǯêti	چیاچ	ǯêči	‘семь’
زیارت	zêrät	زیاراچ	zêrač	‘место погребения, могила’
بلطوی	bolṭï	بلنجی	bolči	‘было’
التی	ält i	الجی	älči	‘госпожа’

Таким образом, к трем словам, приведенным Г. В. Юсуповым (1960, 70), прибавилось еще два и всего стало 31 случай применения (в 20-ти памятниках) слов со вторичным č. Интересен тот факт, что не во всех памятниках замещение ti → č проходит системно, в некоторых наблюдается смешанное употребление разнодиалектных элементов; например, в эпитафии из с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР рядом с формой älči ‘госпожа’ высечены ǯeti ‘семь’ и bolṭï ‘было’. Аналогичное явление наблюдается и в другом памятнике из того же села [ǯ, 18], а также в тексте надгробья из с. Ст. Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР [ǯ, 37].

Возможность применения анлаутного č- в языке эпитафий можно проиллюстрировать на примере гидронима «Черемшан», зафиксированного в двух источниках: в сведениях Ибн-Фадлана (922 г.) в виде جرمسان (Ковалевский 1956, 131), в памятнике из с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР [ǯ, 18] в виде جرمپسن. В их написании нет существенной разницы и следует транскрибировать как Čerimsän или Čärimsän, ср. с русским летописным *Черемисан* (ПСРЛ 1856, 96) [16].

Вообще и у Ибн-Муханны, и у Абу-Хаййана тюркский звук č характеризуется как нечто среднее между артикуляцией шин и джим. Видимо, поэтому булгарские резчики для обозначения č выбрали графему ج, ср., например, написание числительного «три»: وج и اوج < др.-тюрк. üč; булгарские имена Mäčkä (Юсупов 1972, 50), Äträč (Юсупов 1960, табл. 14, 20) [17], Ṭabač (Юсупов 1960, табл. 34), возможно, возникшее из др.-тюрк. Tabγač, Čal ~ др.-тюрк. taš ‘камень’ [18], Čütäj (Юсупов 1963, 31) — ср. с названием д. Чутай Балтасинского р-на, Чути Апастовского и Ленино-

[16] В Воскресенской летописи написано: «В лето 6691 (1183 г. — *Ф. Х.*). Князь же великий Всеволод подумав с братьею и со всей дружиною, води их в роту Половецьскую, поем их с собою поиде к Великому городу; и перешед Черемисан, изрядив полки ста с дружиною».

[17] Ср. с названием с. Большие Атрясы (*Олы Әтрәч*) Апастовского р-на ТАССР, на кладбище которого найдено надгробье с именем Äträč.

[18] Процесс перехода др.-тюрк. taš > булг. *čal и чув. *чул* хорошо показан в работе Г. Е. Корнилова (1963, 82—89). Г. Ф. Саттаров (1971, 116—119) топонимы с компонентом *чаллы* (а их только на территории ТАССР несколько десятков) связывает с гидронимом *Чаллы* ‘каменистая’, а топоним *Чалпы* (<булг. *чал*+удм. *пы* ‘сын, племя’) соотносит с именем собств. *Чал* (Саттаров, 1973а).

горского р-нов ТАССР. Кроме того, есть фамилии Чутаев, Четаев, Чутиев.

Вышеперечисленные примеры показывают употребление č в разных позициях.

3.17. **N** — переднеязычный смычный согласный. Слов с начальным n- в текстах эпитафий не обнаружено. В конце и в середине слова употребляется довольно часто: كوان kön // كون kün // كن kön [j, ǯ, t, 11, 12, 32, 62, 64 и др.] 'день', الطن بو Altïn Bu [t, 97], اينوك Inük [ǯ, 170; j, 181] — имена собств., التنجى altïnčï [j, 90] 'золотых дел мастер', ارنى // ارن ärnä [ǯ, 11, 50; t, 147, 156] 'неделя, пятница' и т. д.

3.18. **J** — среднеязычный щелевой согласный. Может применяться в любой позиции, например: يُوَارى jöri [t, 25, 65, 95; ǯ, 22 и др.] 'дружинник', ياش jaš [j, 164, 181] 'возраст, год', يَخْمْ Jaχam [t, 160], يلبه Jälbä и اسيه Asija [t, 93], البطى Alptaj [t, 23] — имена собств. Кроме этого см. гидронимы у Ибн-Фадлана: جيغ ǯajïχ 'Яик', بايناخ Bajnaχ 'Майна', نياسنه Nijasna 'Неясловка' (Ковалевский 1956, 130—131).

3.19. **G** — заднеязычный звонкий щелевой согласный. В древнетюркском языке и в текстах из Восточного Туркестана в анлауте данный согласный не употреблялся.

В булгарских эпитафиях зафиксировано единственное женское имя с инициальным g-: عَاشُرَ Gašura [t, 154] 'Гашура'[19]. Пожалуй, оно также является заимствованием: < араб. عَاشِرٌ 'десятая' (ребенок может быть десятым по счету, как, например, *Сания* 'вторая', *Салиса* 'третья', *Рабига* 'четвертая' и т. д.) или же образовано от араб. عَاشُوراءُ 'день десятого числа месяца мухаррам', т. е. рожденная в тот день, а этот день считается религиозным праздником.

Другие слова с начальным g- являются явными заимствованиями: علم Galim [?, 41] — имя собств. < араб. عَالِمٌ 'знающий, ученый, знаток мусульманского права', عَلِى Gali [t, 84] — имя собств. < араб. عَلِيٌّ 'высокий, возвышенный'. Данное имя с компонентом الله 'бог' мы усматриваем и в памятнике из Тетюш[20].

[19] Данное имя Г. В. Юсупов (1961, 30) читал как عَاشَوَ, однако у А. Б. Булатова (1963, 58) дана форма عاشُرَ. Там на фотоснимке можно заметить точку под ра, что свидетельствует в пользу чтения Гашура.

[20] С. Е. Малов (1947, 44) предлагал его читать *Алай-Амат*, такое же чтение поддерживают и венгерские ученые А. Рона-Таш и Ш. Фодор (Róna-Tas—Fodor 1973, 126). Между тем Г. Ахмаров (آخمارف, ۱۹۰۸, ۱۲۰), Н. И. Ашмарин (1902, 93), Н. Ф. Катанов (1895а, 235) приводят форму علاى الله.

3.19.1. Что касается слов с серединным -g-, то они зафиксированы как в «Именнике», так и в эпитафиях волжских булгар: تَغْلِيمَن Täglimän [š, 37], اَجمَش Ägmäš [t, 176] — имена собств., تمغاجی tamγačï [j, 153] 'сборщик податей'; в «Именнике» — *шегоръ* 'корова' (Pritsak 1955, 44). В то же время ряд примеров показывает выпадение серединного -g-, например: اَوُل 'его сын' < др.-тюрк. oγul (ДТС, 364), جيرم 'двадцать' < др.-тюрк. jegirmä // jegirmi // jigirmä // jigirmi (ДТС, 253, 260).

3.19.2. Общеизвестным является положение, высказанное М. Рясяненом (Räsänen 1920, 26), что исчезновение ауслаутного -g и -k в тюркских заимствованиях венгерского и марийского языков можно рассматривать в качестве одного из важнейших критериев чувашского происхождения слова, хотя то же самое явление спорадически наблюдается и в других тюркских языках. Такого же мнения придерживался и Н. И. Ашмарин (1902, 37), который слова с конечным гортанным согласным не считал носящими признаки чувашизма. Некоторыми учеными слова с конечным -g все же причисляются к чувашским заимствованиям. Например, венгерское слово bélyeg 'знак, примета и др.' (ср. волж.-булг. bälük) М. Р. Федотовым (1968б, 49) и В. Г. Егоровым (1964, 142) рассматривается как древнечувашское заимствование.

3.19.3. Согласно точки зрения Й. Бенцинга (Benzing 1959, 693), для булгарского языка X в. было свойственно выпадение ауслаутного -g; например, название булгарского напитка سجو, приведенное у Ибн-Фадлана, он сопоставлял с тюркским süčig 'вино', что дало ему почву для высказывания тезиса об исчезновении -g или его переходе в -w в позднеболгарском (т. е. в языке эпитафий) языке. Однако имя вождя племени сувар (!) وبرغ Wïrïγ, гидронимы وتيغ Watïγ 'Утка', باجاغ Bačaγ 'Моча' (Ковалевский 1956, 130-131 и 139) позволяют утверждать обратное.

3.19.4. В надмогильных надписях слов с ауслаутным -g не зафиксировано. Правда, пока еще не совсем ясно качество графемы кяф. Если допустить, что звук g существовал в азовско-булгарском языке (Pritsak 1955, 71), затем имелся в дунайско-булгарском, что подтверждается именем булгарского князя Омуртага и наличием слов *бѣлѣгъ* ~ *белѣгъ* ~ *билѣгъ* 'знак', может быть, по причине архаичности языка эпитафий, он сохранился и в этом функциональном языке и графему ك следует принять за звук g, наподобие персидского گ. Ведь в ряде надгробий Волжской Булгарии, написанных на j-диалекте, звуки g и k имеют одинаковое обозначение. Например, в памятнике 1382 г. из с. Ямашурма Высокогорского р-на ТАССР (Юсупов 1960, табл. 44) есть такие строки:

ايليگ بيش ياشندا كاندا [كيل]. . .

в транскрипции: ilik biš jašïnda . . . [kil]gändä

перевод: 'пятидесяти пяти лет... приходя'

Здесь глагольную форму kil-gän-dä ср. с тат. *кил-гән-дә*, а числительное ilik (<др.-тюрк. ilig // elig) — ср. с тат., башк. *илле*, чув. *аллă* (где конечный согласный выпал).

3.20. **K** — заднеязычный глухой смычный согласный. В надписях для обозначения данного звука применяются два знака: с гласными твердого ряда употребляется ق (q), с гласными мягкого ряда ک (k).

Опираясь на разговорный язык представителей среднего диалекта татарского языка, где «господствует» увулярный q, Л. З. Заляй (1948, 85) причислял язык булгар к группе q, т. е. этим подчеркивал отсутствие в нем звука x [21]. В надписях, собранных у нас, зафиксировано два примера со звуком q, относящихся к t-диалекту (данные j-диалекта во внимание не берутся): القيپس Alqïs (Юсупов 1960, табл. 14), رقياچ Rïqjač (Юсупов 1960, табл. 27) — имена собств.[22]

Малочисленность слов на q следует объяснить существующей в тюркских языках тенденцией перехода q > χ, что весьма последовательно наблюдается в чувашском языке. Аналогичное явление имело место и в надписях «брахми» (Gabain 1950, 7), в текстах X—XIII вв. из Восточного Туркестана (Щербак 1961, 45) спирантизация q отмечена лишь для уйгуро-огузского диалекта.

Факты чувашского языка, наиболее близкого к языку надписей, показывают переход др.-тюрк. q в чув. *х*, *к*, *й*, *ç*, *ø*. Вышеприведенные примеры подтверждают в некоторых случаях сохранение увулярного q в языке булгарских надписей.

Палатальный вариант *к* встречается в текстах эпитафий без диалектных и позиционных исключений, например: كوان kön // كون kün // كن kön 'день', سكر säker // سكز säkez 'восемь', ممك Mämäk — имя собств. и т. д.

3.21. **X** — заднеязычный щелевой согласный. В языке рунических памятников данный звук отсутствовал. По свидетельству М. Кашгари, он имелся в языке огузов и кыпчаков (Divānü 1939, 219), а также был в текстах из Восточного Туркестана, написанных арабскими буквами, но встречался весьма редко (Щербак 1961, 45).

По наблюдению С. П. Толстова (1948, 139), в хазарском государстве, тесно связанном с булгарскими полукочевыми племенами, встречается последовательное чередование q//χ: qaχan // χaqan, qaγan // χaγan, что дало ему основание для разделения хазарского языка на q- (западный) и χ- (восточный) диалекты.

---

[21] Позже он признал ошибочность данного тезиса (Заляй, 1953).

[22] А. Рона-Таш и Ш. Фодор приводят еще два примера с серединным -q- из того же диалекта (Róna-Tas—Fodor 1973, 161—162). Это имена собственные Aqač и Taqač, однако мы не согласны с такой интерпретацией и читаем их как Afaχ и Ṭabač. Г. В. Юсупов (1960, табл. 30) приводит имя توقطار Tuqṭar, однако этого слова там нет. — См. рис. 23 нашей работы.

Кроме упомянутых в разделе о графо-фонеме q двух примеров, в текстах везде употребляется χ, ср.: خرخ χïrïχ [t, 7, 8, 63, 76; ǯ, 50, 173] ~ قرق qïrïq [j, 80, 175][23] < др.-тюрк. qïrïq // qïrq 'сорок' (ДТС, 446); خان كوان χan kön [ǯ, 50] 'день крови, т. е. среда' ~ др.-тюрк. qan 'кровь' (ДТС, 416); طحر toχur // طُحُور toχur [t, 84, 88, 175; ǯ, 50] 'девять' ~ др.-тюрк. toquz // toγuz — то же (ДТС, 572, 577); ايغ ajïχ 'месяц' ~ ای aj [j, 62, 80, 153] < др.-тюрк. aj — то же (ДТС, 24).

В памятнике из с. Ямбухтино Куйбышевского р-на ТАССР пока зафиксировано единственное написание слова «день» с анлаутным x-: حون. Г. В. Юсупов (1963, 49), описывая памятник, подметил, что «надпись выполнена весьма неграмотно и примитивным почерком». Однако такие памятники иногда бывают ценны именно тем, что они написаны не специалистом, а простым человеком, который зачастую за основу письма берет свою речь, свой говор, а не традиционный, «узаконенный».

У этого резчика в эпитафии наряду с явными ошибками, главным образом при написании арабских слов, имеются и другие отклонения, которые нельзя зачислить в разряд ошибок. Они носят системный характер: резчик вместо традиционных زيارت 'место погребения, могила', تاريخ 'дата', جيات 'семь', وطر 'тридцать', جال 'год' пишет زيرت, تريخ, جت, وتر, جل, т. е. ориентируется на свою речь. Таким образом, здесь выявляется еще одна особенность надписей — равнозначность алифа и фатхи, сочетания -يا- и фатхи.

3.22. **H** — фарингальный щелевой согласный. Главным образом встречается в заимствованиях, например: جوهر ǯäühär [?, 194, 199] — имя собств. < араб. جَوْهَرٌ 'сущность, вещество, драгоценные камни, драгоценности', شهم Šähim [t, 106, 110] — имя собств. < араб. شَهِمٌ 'неустрашимый, доблестный'.

Булгары, видимо, четко различали фарингальный h от x, хотя встречаются и единичные факты их параллельного употребления. Так, слово هير hir 'дочь' только два раза из 47 зафиксированных нами случаев передано через x- (Юсупов 1960, табл. 27)[24].

Ауслаутный -h употреблен в именах собственных, например سواه حاجى Soh xaǯi [t, 125], однако есть سح Sox [t, 59], ср.

---

[23] Г. В. Юсупов (1961, 35—36) приводит написание qïrïq и для памятника t-диалекта из с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР, А. Б. Булатов же (1953, 61) дает набор бессмысленных букв.

[24] Хотя А. Рона-Таш и Ш. Фодор (Róna-Tas—Fodor 1973, 86) читают здесь с начальным h-. Второй пример имеется в надписи из с. Ямбухтино Куйбышевского р-на ТАССР. Смещение артикуляции начального звука может быть объяснено лишь индивидуальными особенностями резчика.

с именем фольклорного героя *Сок* и гидронимом سوخ 'Сок' у Ибн-Фадлана (Ковалевский 1956, 130).

3.23. **ŋ** — заднеязычный смычный согласный. Употребляется в середине и конце слова j-диалекта, например: تنكرى täŋri [127, 164] 'бог, всевышний', كونكل küŋel [91] 'душа' и др.

3.24. Таким образом, в волжско-булгарских надмогильных надписях насчитывается 21 звук, а в t- и š-диалектах — 20 (так как нет ŋ).

ЧАСТНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

3.25. Согласный g (γ), как показывают примеры, в позиции перед согласным сохраняется, например: Ägmäš [t, 176], Jaγqut [?, 203], Jaγqup [t, 72, 87; š, 50; ?, 37] — имена собств. Он также удерживается после согласного, например: bolγari [t, 49, 102, 112; j, 90 и др.] 'булгарский', но см. Ṭabač < tabγač [?, 192] — имя собств.

Выпадение данного звука в интервокальной позиции явилось причиной появления вторичной долготы, которая не имела фонематического значения и поэтому не нашла обозначения в графике, например: širme // šerme // širem < др.-тюрк. jegirmä // jegirmi // jigirmä // jigirmi 'двадцать'. Другой пример показывает образование нисходящего дифтонга в результате выпадения -γ-: oul < др.-тюрк. oγul 'сын'.

Дунайско-булгарский *шегоръ* свидетельствует, однако, что еще в VII в. (время составления первого списка булгарских князей) и в IX в. (время составления чаталарской надписи) в их языке существовал интервокальный -γ-: *шегоръ* ~ др.-тюрк. sïγïr 'корова'.

Как известно, примерно в этот же период у другой части булгар, которые переселились в Среднее Поволжье и Прикамье, сохранялись древние особенности языка. Можно допустить, что примерно до X в. в разговорном языке волжских булгар наряду с ауслаутным -g употреблялся и интервокальный -g-, в то же время данные волжско-булгарских надписей XIII—XIV вв. показывают исчезновение ауслаутного -g, например: älü // äle ~ др.-тюрк. elig 'пятьдесят'.

3.26. Переход q > χ. Эта особенность в надписях прослеживается весьма последовательно, ср. Soχ < Soq — имя собств., ajïχ < *ajïq 'месяц', χïrïχ < qïrïq 'сорок', Afaχ < Apaq — имя собств. < ap-aq 'очень белая', toχur < toquz 'девять', χan < qan 'кровь' и т. д. Все же имеются несколько примеров, в которых зафиксирован древний гуттуральный q (примеры см. на стр. 42).

В отличие от дунайско-булгарского языка, где переднерядный k > x, в волжско-булгарских надписях он сохраняется, ср. дун.-булг. *шехтем* < *секиртим* 'восьмой' и волж.-булг. säker

'восемь'. По сведениям Ибн-Фадлана, процесс q > χ отмечался уже в разговорном языке волжских булгар: Soχ 'Сок', Ǯajïχ 'Яик' — гидронимы, saχraχ (Ковалевский 1956, 136) [25] 'ковш или мера жидкости'.

3.27. Выпадение r. Этот сонорный звук, имеющий тенденцию к выпадению, в текстах надписей чаще всего утрачивается в сочетании rt: töüt < tört 'четыре', äti < ärti 'было'. Он также может выпасть в конце слова и перед согласными, например: barsa < barsar 'пойдя, поехав', Aslan < arslan — имя собств. < 'лев'.

Аналогичный процесс происходил и в дунайско-булгарском языке, ср. *шехтемъ* < *секиртим* 'восьмой', *тоутомъ* < *тортым* 'четвертый'.

3.28. По мнению О. Прицака, в волжско-булгарской форме beš 'пять' следует видеть выпадение l перед š: beš < bel-š 'пятый'. Он пришел к такому выводу на основе сравнения с дунайско-булгарским языком, где *бехти (бех-ти)* < *белх-ти* < *белех-ти* < *белек-ти* 'пятый'. Однако, как нам кажется, такая аналогия не совсем убедительна и требует доказательств. Форма beš // biš в основном зафиксирована в памятниках j-диалекта, т. е. в группе памятников с ярко выраженным кыпчакским элементом, где š ~ булг. l. Тот пример, на который ссылался О. Прицак (Pritsak 1955, 60), вполне мог быть словом из родного диалекта резчика-кыпчака или же словом из литературного «тюрки» того периода. К тому же в волжско-булгарских надписях при датировке не всегда применяется порядковое числительное.

Вообще l сохранялся, например: ƀolti 'было', altï 'шесть', älti 'госпожа' и т. д.

3.29. Переход t > č происходил в текстах памятников, принадлежавших к ǯ-диалекту. Этот процесс наблюдался лишь в положении перед гласным i (примеры см. на с. 39).

3.30. Параллельное употребление n//m зафиксировано в двух памятниках из с. Иске-Рязяп Куйбышевского р-на ТАССР. Надгробья поставлены над отцом и сыном, а эпитафии составлены на двух разных (!) диалектах. Отцом хаджи Бу был Хасан, а его отцом — Анбал (надпись на j-диалекте), на другой каменной плите (принадлежность к какому-либо диалекту определить трудно, но это или t-, или ǯ-диалект) это имя написано как Амбал.

Видимо, данное явление нельзя назвать изменением n > m, так как здесь мы встречаемся, с одной стороны, пожалуй, с традиционной нормой письма и, с другой стороны, с нормой произношения, которая наблюдается в ряде языков. Так, перс. سنبل Sönböl 'гиацинт, имя собств.' обычно читается как Sömböl; ср. тат., башк. *унбер* 'одиннадцать', но читается *умбер* и т. д.

---

[25] Автор приводит ساخرج saχraǯ, а в примечании 515 на с. 211— ساخرخ saχraχ. Если учесть, что в некоторых тюркских источниках зафиксировано слово saγraq 'ковш' (Малов 1951, 419), надо признать γ > χ и q > χ.

Между тем, спорадически переход ауслаутного -n в -m наблюдается в дунайско-булгарском языке и как закономерность — в тюркских заимствованиях венгерского языка и в некоторых аффиксах порядковых числительных в волжско-булгарских надписях.

3.31. Наряду с сохранением древнего s, в отдельных словах он может перейти в š, например: šïu ~ др.-тюрк. sub // suγ // suv 'вода', Äšän < Xäsän — имя собств.

3.32. Особенностью консонантизма языка булгарских эпитафий является диалектное различие в употреблении ауслаутного -r: формам ṭoχur 'девять', hir 'дочь', säker 'восемь', ǯür 'сто' t- и ǯ-диалектов в j-диалекте соответствует tuquz, qïz, säkez, jüz.

3.33. Переход d > r наблюдается в слове ärnä 'пятница, неделя' < перс. آدینه 'пятница' и в аффиксах: 1) исходного падежа, где -dan > -ran, например dön'jaran 'из мира, со света'; 2) глагольной формы 3-го лица ед. числа прошедшего категорического времени -dï//-de > -rï//-re, например säfär ṭonrï 'переселился (досл.: сделал путешествие)'.

Исходя из состояния современного чувашского языка, после n, l, r согласный d не должен был переходить в r (Поппе 1925, 26—27). Однако вышеприведенный последний пример показывает возможность d > r после n в эпитафиях волжских булгар, а после l, как и в древнетюркском языке, d оглушается: ср. bolṭï 'было' и др.

Аналогичное явление зафиксировано и в дунайско-булгарском языке (Pritsak 1955, 75).

3.34. Несколько примеров показывает выпадение *x* в начале слова, перед широкой гласной мягкого ряда ä, например: Xärmäš [t, 201] ~ Ärmäs [?, 203], Xälmüš [t, 45] ~ Əlmüš [?, 23] ~ Älmüš [?, 198]. Учитывая написание имени царя волжских булгар Альмуша, зафиксированное в разных исторических источниках, возникает вопрос: а не является ли это протезой? Видимо, нет. Булгарское заимствованное имя Хасан (<араб. حَسَنٌ 'красивый, прекрасный, хороший, благой', также имя собств. Хасан) употреблено всего 15 раз и во всех диалектах, и лишь по одному разу Äšän [t, 4] и Äčän [j, 212]. Варьирование интервокального согласного объясняется, очевидно, попыткой резчиков выразить в графике отдельные нюансы своего говора.

3.35. Тюркская фонема č в языке волжско-булгарских надписей имела дезаффрикатизированный характер и для обозначения параллельно применялись графемы ج и ش. В вышеприведенном примере Xäsän ~ Äšän ~ Äčän, по всей видимости, наряду с s//š, мы также встречаемся с перебоем s//č, таким, каким он зафиксирован в некоторых словах говора каринских и глазовских татар (Бурганова 1962, 28).

ГЛАСНЫЕ

3.36. Система гласных графо-фонем надмогильных надписей является наименее исследованной из-за неясности передачи отдельных звуков. Примененный булгарскими резчиками арабский алфавит, имевший три полнозначных знака для гласных и добавочную диакритику, уже в своей основе предполагает различное толкование одних и тех же графем. Видимо, по этой весьма объективной причине у некоторых исследователей наблюдается механическая транслитерация или же чтение слов на базе одного из современных языков.

Хотя графика надписей и не дает полной картины вокализма, сопоставив варианты отдельных слов с косвенным материалом, и выявив причину того или иного явления, все же можно раскрыть характер отдельных графо-фонем и основных тенденций, существующих в области гласных звуков.

3.37. **А** — широкий нелабиализованный гласный заднего ряда. Неопределенность графического обозначения данной фонемы вызвала целую дискуссию об «акающем» или «окающем» характере булгарского языка. По мнению Н. Ф. Катанова (1920, 13), «диалект надписей есть окающий, а не укающий, т. е. тот самый диалект, на котором говорят ныне коренные чуваши уездов: Курмышского, Козмодемьянского, Ядринского, Чебоксарского и Цивильского» [26]. Как видим, здесь он держит ориентиром лишь материал чувашского языка и ставит задачу отнесения языковых данных к диалектам виръял или анатри.

Аналогичного взгляда придерживается и М. Р. Федотов (1968б, 69), который пишет, что «булгарский язык является окающим, каким является виръялский диалект чувашского языка», и далее на этой основе в разделе «Особенности булгарского языка в области гласных» прослеживает процесс перехода древнего а в чувашский о ~ u, т. е. для автора понятия «булгарский» и «чувашский» являются тождественными.

3.37.1. Относительная хронология др.-тюрк. а > чув. о ~ u, которая лишь опосредственно связана с языковыми фактами булгарских памятников, переходные стадии и борьба концепций по этому вопросу рассматриваются в ряде работ, поэтому мы приведем лишь некоторые выводы: язык волжских булгар был а-диалектом; в чувашском языке процесс а > о ~ u наступил сравнительно поздно, т. е. не ранее XIV в. (Левитская 1966, 21 и 70) [27].

3.37.2. Данные булгарских эпитафий показывают наличие древнего а в первом слоге[28], например: البا Alp // اليبا Alïp [?e

[26] Среди его доказательств имеются слова *çол* 'год', *ойх* 'месяц', *олтта* 'шесть', ср. с графическими جال // جل, ايغ, الط.

[27] К такому же выводу пришел Б. А. Серебренников (1956а, 74), который писал, что «переход древнего начального „а“ в „о“ и далее в „у“ (в низовом диалекте чувашского языка), языку камских булгар не был свойствен».

[28] Здесь и далее мы в основном будем говорить о гласном первого слога, находящемся в сильной позиции.

23, 120] — имя собств. < др.-тюрк. alp 'меткий стрелок, богатырь, витязь, герой' (ДТС, 36) > чув. *улăп*; بای‌قارا Baj qara [j, 210] — имя собств. < др.-тюрк. baj 'богатый, щедрый' (ДТС, 79) + компонент qara, входящий в состав древнетюркских имен Altïn qara, Tükäl qara и т. д. (ДТС, 424), اشلی Ašlï [t, 26] — имя собств.; ایج ajïχ [t, ǯ, 12, 18, 20 и т. д.] 'месяц' < др.-тюрк. aj 'то же' (ДТС, 25) > чув. *уйăх* и т. д. В указанных примерах гласный а в сильной позиции обозначен через алиф с фатхой или алиф «чистый».

Звук а может передаваться и лишь с помощью надстрочной фатхи. Это применяется тогда, когда в слове имеются велярные согласные, например; صَبَرْ Sabar [?, 85], ططر بَلتُك Ṭaṭar Bältük [?, 200] — имена собств. и др.

3.37.3. Состояние современных тюркских языков Поволжья позволяет предполагать некоторую лабиализацию гласного а в булгарском языке, возникшую на основе общетюркской тенденции и под влиянием финно-угорского субстрата. И. Г. Добродомов (1974б, 35) допускает возможность у каких-то булгар Северного Причерноморья явления а > u, однако происходил ли данный процесс в Среднем Поволжье — сказать трудно, так как в графике он не проявляется.

В записках Ибн-Фадлана (922 г.) признаки лабиализации также не отражены.

3.37. 4. Казалось бы, по звуковому переходу ti → č, имевшему место в определенной группе памятников, ǯ-диалект наиболее близко стоит к современному чувашскому языку, однако и в пределах надписей этого диалекта сохраняется общетюрк. а, например: ارن بَاش ärnä bašï [11] 'начало недели (понедельник)', ср. чув. *эрне пуçĕ*, тат. диал. *атна башы* — то же; خان كوان χan kön [50] 'день крови (среда)', ср. чув. *юпкун*, тат. диал. *кан көн* — то же.

3.37.5. Топонимы в Среднем Поволжье с компонентом *чаллы*, по мнению многих топонимистов, являются булгарскими, ср. общетюрк. taš ~ булг. *čal, чув. *чул* ~ *чол* (на территории современной Татарии, кстати, бывшей территории Волжской Булгарии, очевидно, имеют наиболее древнюю форму — *чал*, а в Чувашии — *чел*, *чул*, *чол* — Саттаров 1973, 127—128; Корнилов 1963, 82—84). Как видим, здесь также сохраняется общетюркский гласный а.

3.38. **Ӓ** — широкий нелабиализованный гласный мягкого ряда. Древнетюркскому ä начального слога основы в одних из современных языков (например, в уйгурском — почти последовательно, в азербайджанском — как правило, в туркменском — довольно редко) соответствует ä, в татарском, башкирском и хакасском,

как правило, — i, а в остальных (за исключением, может быть, лишь чувашского и якутского) — e (Исхаков 1955, 77—78) [29].

Графическое неразличение в древнетюркских текстах гласных ä и e давало возможность одни и те же слова интерпретировать по-разному. С. Е. Малов (1951), например, написание 𐰉𐰃𐰣 читал как bäg 'князь, правитель, начальник', а по мнению составителей «Древнетюркского словаря», принцип трансграммирования которого указан во Введении, данное слово следует читать beg (ДТС, XIV и 91). Таким образом, признается наличие девятой фонемы в языке рунических надписей, хотя исследователь языка древнетюркских памятников В. Г. Кондратьев (1970, 5), как и С. Е. Малов, исходит из восьмифонемного состава гласных, и для древнеуйгурского языка В. М. Насиловым (1963, 7) [30] также устанавливается восемь фонем.

3.38.1. Булгарские слова с начальным алифом или фатхой над палатальными согласными, которые не имеют дублетных вариантов с кесрой, видимо, читаются через ä, например:

1) أَجِكَ äčkä [t, 49] 'отец, глава большой семьи', ср. с формами äči 'старший родственник', aču 'отец' (подробнее см. в разделе лексики);

2) مَمْلِ Mämli (t, 102; ?; 46, 99, 191] — имя собств., ср. с названием населенного пункта *Мәмли Казак Чаллыгы* 'Челны Мамли Козяковы' Рыбнослободского р-на ТАССР (Чернышев 1971, 289);

3) أَتْرَاچ // أَتْرَج Äträč [t, 109, 120, 156; ?, 204] — имя собств., ср. с названиями сел *Олы Әтрәч* Апастовского и *Әтрәч* Пестречинского р-нов ТАССР;

4) حَجِمَ Хäčimä [?, 200] — имя собств., возможно, < араб. حَتَمَ 'вменить в обязанность, постановить, потребовать' или перс. حتم 'постановление, решение, приговор, уверенность, убеждение', ср. с арабским собственным именем حاتم и современным татарским *Хәтимә*. В таком случае, памятник относится к ǯ-диалекту, где t > č;

5) اَتِ äti // اَچِ äči [t, 12, 20, 27, 37 и т. д.; ǯ, 32, 33, 50 и т. д.] 'было'. Этот глагол в памятниках j-диалекта начертан в

---

[29] Мнение автора, что древнему ä в чувашском языке соответствует *а* или *и*, у некоторых ученых нашло лишь частичную поддержку. М. Р. Федотов (1971, 25) чувашский *и* считает отражением древнего е. Л. С. Левитская (1966, 77) по поводу появления в чувашском языке звука *и* предполагает: 1) *и* развился из *е*; 2) этот звук проник с заимствованиями из какого-то диалекта кыпчакского типа.

[30] Автор пишет, что «принадлежащий системе тюркского вокализма звук «е» остается под сомнением как реально существовавший, ибо его графическое выражение в алфавитной группе отсутствует».

виде اَرْدِی[31] и ایردی, притом вторую форму можно читать как с начальным i-, так и с начальным e-[32], тогда, соответственно, первую форму нужно читать ärdi. Учитывая графический перебой اِ//ای и тенденцию к сужению, начальный ä был, видимо, несколько закрытым. Такой звук сохранился в некоторых говорах татарского языка. В этом отношении особенно показательна система гласных каринских и глазовских татар, где наряду с широким ä сохранился закрытый â (*ə̂*), который значительно шире татарского узкого *и*, но длительнее краткого *ə* (Бурганова 1962, 21). Жители данного региона были тесно связаны с населением Волжской Булгарии, вернее, входили в его состав, и на нынешнее место жительства переселились примерно в конце XIII в.[33]

3.38.2. В отличие от форм j-диалекта, в t- и š-диалектах зафиксирована лишь одна форма с начальным ä-, а приведенный Г. В. Юсуповым (1960, 86)[34] вариант ایت является ошибочным.

3.39. Ė — полуузкий нелабиализованный гласный переднего ряда. Для его обозначения резчики применяли особый комплекс графем — соединение буквы йа с алифом. Этот прием наиболее ярко проявляется в написании слова كِيَالِ [t, 49] 'его жена'. Данное слово следует сопоставить с тюркскими kelin 'невеста, невестка' (ДТС, 296), käli // kälin // kelin 'невестка, сноха, невеста' (Радлов 1899, 1116), käläš 'невеста, любовница, молодая жена, замужняя женщина, жена' (Радлов 1899, 1114), كالين 'невеста' (Houtsma 1894, 95), чув. *кин* < *кил-ен* 'невестка, сноха', тат. *килен* 'сноха, невестка, молодуха', *кәләш* 'невеста, молодая жена' и т. д.

Как видно из вышеприведенных примеров, все они являются производными от глагола *кел-//кәл-//кил-* 'приходить' и так как жена была приходящей в дом мужа, волжские булгары, очевидно, словом kel называли и жену. В таком случае, написание كِيَالِ необходимо отнести к графическим особенностям надписей и его следует транскрибировать как kėl-i, а не kijäl-i.

3.39.1. Хотя еще Н. И. Ильминский в своем письме к В. Григорьеву писал, что соединение букв выражало, по-видимому,

---

[31] Этот вариант применен в эпитафиях из с. Иске-Рязяп Куйбышевского и Большие Тарханы Тетюшского р-нов ТАССР, также в памятнике из Гос. музея Татарии (место находки неизвестно).

[32] П. Мелиоранский (1900, XXIV) допускает даже чтение как анлаутного ä-.

[33] В с. Гордино Балезинского р-на Удмуртии найдено булгарское надгробье 1323 г. с надписью на t-диалекте, а жители этого села переселились сюда из с. Карино Слободского р-на Кировской обл. Степень распространения указанного фонетического явления наиболее сильна в речи каринских татар.

[34] Видимо, форму ایت он предполагал в памятнике из Гос. Исторического Музея (Юсупов, 1960, табл. 14), однако там под алифом нет кесры.

один звук, и его произносили «единичным звуком средним между «и» и «а», затем он еще раз повторил эту мысль на IV археологическом съезде в Казани, уже более конкретно: соединение *и*+*а*, как он полагал, должно было означать звук *е* (Ильминский 1865, 82; 1884, XIII). Однако его догадка осталась лишь гипотезой и не нашла широкой поддержки.

3.39.2. Несколько лет тому назад, уже на основе изучения влияния арабского языка на графику надписей, к такому же выводу пришел А. Т. Тагирджанов (1970, 57), который этот звук обозначил как *ə̄*. Следовательно, если -يا-читать как *-ė-* ~ *-ə̄-*, то и в чтение других волжско-булгарских слов, где в середине слова применено такое сочетание графем, следует ввести некоторые коррективы. Это — جِيَات 'семь', بِيَالِم 'пятый', جِيَارم 'двадцать', زِيَارَت 'его место погребения'.

Для сравнения можно привести написание числительного جِيَات 'семь' у различных авторов. Так, например, Н. И. Ашмарин (1902, 74 и 103) данное слово читал как *c'iaďi*, Н. И. Ильминский (1865, 82) *жъяти* и *жети*, А. Б. Булатов (1953, 60; 1967, 200-201) *жиати* ~ *жияти* ~ *жийати*, Н. И. Золотницкий (Катанов 1920, 6) *сьиччє*, Н. В. Никольский (1912, 222) *çиӌӌе*, Г. В. Юсупов (1960, 69) *джийати*, Н. Ф. Калинин (1948, 101) *джиати*, Н. А. Андреев (1956, 240) *джиат*, *джити*, А. Т. Тагирджанов (1970, 57) *джйəти*, Н. А. Баскаков (1969, 234) *ж(û)йэт*, Л. З. Заляй (Җәләй 1954, 9) *жиат*, Т. М. Гарипов (1972, 42) žijäti, А. Рона-Таш и Ш. Фодор (Róna-Tas — Fodor 1973, 153) ǰiyeti, Й. Бенцинг (Benzing 1959, 694) ǧiäti, Н. Б. Бурганова (1969, 38) *жиати* и т. д. Такое же положение наблюдалось и в отношении чтения других слов.

В памятниках древнетюркской письменности и в современных тюркских языках в середине данного слова применение дифтонга не наблюдается, что в полной мере относится и к тюркским языкам урало-поволжского региона: ср. чув. *çиччĕ*, тат. *жиде*, башк. *ете* (*йете*) 'семь'. Все это, а также варианты написания جاج // جاجا, جاتا // جتى дают возможность графему -يا- читать не *-иа-* или *-йа-*, а *-ė-*[35].

Этому звуку в дунайско-булгарском языке соответствует *-и-*, например *читемъ* 'седьмой' (в греческом шрифте ẑ и č обозначаются одинаково), но есть также примеры, где волж.-булг. *-ė-* = дун.-булг. *-е-*: ср. волж.-булг. بَل bel 'пять' и дун.-булг. *бех* — то же.

Вышеприведенные примеры написания числительных «пять» и «семь» показывают возможность обозначения звука -е- и с по-

[35] Когда этот звуковой комплекс следует за согласным, его необходимо читать как дифтонг, например: الياس Ilias — имя собств.

мощью фатхи или алифа, что объясняется индивидуальными приемами письма резчиков. Этот факт еще раз подтверждает ту мысль, что характеристики звуков ä и е были более или менее схожими, т. е. ä был несколько закрытым и продвинутым вперед.

Употребление фатхи для обозначения звука е встречается и в более позднее время. Так, в белорусских текстах XVII—XX вв., написанных арабским письмом, этот способ является правилом, которое не зависит от еканья или аканья писцов (Антонович 1968, 277—284).

В некоторых вариантах написания -е- передан алифом, ср. جات // جاج 'семь', однако его никак нельзя читать как -а-, потому что во всех тюркских языках переднерядность указанного числительного сохраняется; кроме того, ср. جتا // ججا 'семь', где ауслаутный алиф должен читаться также как -е, а не -а.

В одной из последних работ по булгароведению была высказана мысль, что «в древнебулгарском древнеобщетюркский *ə//e* переходил в *a*, в позднебулгарском, вероятно, в *ə* и *e*» (Ахметьянов 1976, 31). Данный тезис фактическим материалом по подтверждается.

3.40. **I** — полуузкий нелабиализованный гласный заднего ряда. Он может употребляться во всех положениях в слове, кроме анлаута, например: خرخ χïrïχ [t, 7, 8, 63, 76; ǯ, 50, 173] ~ قرق qïrïq [j, 80, 175] < др.-тюрк. qïrïq // qïrq 'сорок' (ДТС, 446); آلط alṭï [t, 86, 145, 147; ǯ, 11, 18; j, 153, 182] < др.-тюрк. altï 'шесть' (ДТС, 39); قيز qïz [j, 62] < др.-тюрк. qïz 'дочь' ДТС, 449).

В дунайско-булгарском языке гласный ï передан через полуузкий е (Pritsak 1955, 55 и 72), а в тюркских заимствованиях венгерского языка — узким i, более открытыми a, o (Gombocz 1912, 150—151).

3.41. **I** — узкий нелабиализованный гласный переднего ряда. В текстах встречается без диалектных и позиционных исключений: اينوك Inük [ǯ, 170; j, 181], اِسْبَلْ Isbäl [t, 10], تَمِر Tämir [t, 54] — имена собств., هِيرِ hiri [t, 20, 44; ?, 55 и др.] 'его дочь'.

3.42. **O** — полуширокий лабиальный гласный заднего ряда. Существование этого звука в булгарских надписях никем не отрицалось. Вопрос заключался в ином, а именно: какие графемы могли означать о? Н. Ф. Катанов (1920, 13), когда выдвигал свою гипотезу об окающем характере надписей, за данный звук принимал ا, اُو и «дамму» над согласными заднего ряда. В другой работе он предлагал читать как о и другое сочетание وا (Катанов 1895б, 36).

3.42.1. В современных тюркских языках Поволжья — в чувашском и татарском, — отдельные слова которых часто берутся

для сравнений с фактами надписей, общетюркский *о* не сохранился (Исхаков 1955, 87)[36]; а в булгарских словах он имеется, например -بل // -بال // -بَل 'быть'. Такой разнобой в написании данного слова, видимо, объясняется оформленностью его аффиксом прошедшего времени -tï//-čï (ср. بلطوی, بلت и т. д.), когда древний о, из-за перемещения ударения к концу слова, теряет долготу. А ударение на конечном слоге вызывает редукцию, иногда элизию гласного первого слога.

Эти фонетические условия необходимо также связать с общей тенденцией гласных к сужению, следы которого иногда наблюдаются в языке эпитафий.

Несомненно, большой интерес представляет здесь графическое решение данного фонетического явления. Так, в памятниках 1325 и 1333 гг. из с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР о передан алифом — بالطو и بالاج, в других — «фатхой», или надстрочные знаки отсутствуют, а в надгробье из с. Ошняк Алексеевского р-на ТАССР применена особая комбинация для обозначения специфического тюркского звука — фатха с даммой, ср. с похожим принципом обозначения о в древнеуйгурских текстах.

В некоторых примерах инлаутный *о* никак не обозначен и его приходится восстанавливать косвенным путем, например طراى Toraj [t, 77] — имя собств., ср. с названиями населенных пунктов Танай-Тураево (тат. *Танай-Торай*) Апастовского, Троицкий Урай (тат. *Торай-Урай*) Рыбнослободского, Тураево (тат. *Торай*) Елабужского р-нов ТАССР, Тораево (чув. *Торай*) Моргаушского р-на Чувашской АССР; سغ Soχ [t, 59], ср. سواه Soh [t, 125] — имена собств., однако см. سوخ — гидроним «Сок» у Ибн-Фадлана, ср. также с именем фольклорного героя *Сок*.

3.42.2. Числительное «девять» лишь в памятнике 1291 г. из Булгара (Юсупов 1960, табл. 3) огласовано полностью в виде طُحُور toχur, а написание طحر [t, 84[37]; 157; ǯ, 50[38]] отличается от первого варианта только отсутствием вав, ср. также с формой *твиремъ* < *товиремъ* 'девятый' из «Списка болгарских князей»

---

[36] Хотя в диалектах обоих языков есть примеры, показывающие сохранение общетюркского *о*, например: др.-тюрк. boγaz 'горло, глотка' (ДТС, 109) ~ нагайбакский говор крещеных татар boγozlau 'горло' (ТТДС, 190); др.-тюрк. qoj- 'класть, помещать, оставлять, бросать, покидать (ДТС, 453) ~ говоры уральских, мензелинских, мамадышских татар qoju 'ставить' (ТТДС, 200); др.-тюрк. ton 'платье, одежда' (ДТС, 574) ~ чув. ton // tom 'шуба' (Федотов 1971, 30).

[37] Г. В. Юсупов (1960, табл. 3) дает طحور, однако на фотоснимке вав отсутствует. Форма طحر приводится и в АБТЭ (Калинин 1942а, № 230).

[38] У Г. В. Юсупова (1972, 51) طحز, но другие формы показывают принадлежность памятника к ǯ-диалекту, которому характерен в данном слове ауслаутный -г.

(Pritsak 1955, 46), др.-тюрк. toquz (ДТС, 578), чув. *тăххăр* // *тăхăр*, тат. *тугыз*, тат. диал. *токыз*, башк. *тугыз*, а в остальных тюркских языках, кроме узбекского, где графический *ў* является средним между *о* и *у*, в первом слоге сохранился *о*.

Полифонность арабских гласных заставляла искать особые способы передачи тюркских звуков имеющимися знаками. В более ранние периоды и само слово «болгар» писалось иначе, чем в эпитафиях XIII—XIV вв., а именно بوالغار, т. е. -о- передавался диграммой -وا-. Это можно наблюдать в штемпеле монет, которые датируются XII в. Со временем его написание видоизменилось в بلغار, хотя прежний способ и продолжал существовать, что наблюдается в написании خواجه 'ходжа' на булгарских надгробьях, ср. с возможным остатком этой традиции в тексте кувшина из Сарайчика, где выцарапано بواوز bouz 'горло' (Самойлович 1913, 040).

3.42.3. Наличие в надписях инициального о- тесно связано с проблемой согласного w- (протезы или этимологического?) в абсолютном начале слова. Не вдаваясь в подробности вопроса (об этом см. в разделе о согласном w), приведем некоторые точки зрения исследователей.

Н. И. Ашмарин (1902, 71—72), акцентируя свое внимание на чтении И. Березиным формы اول как اوغلى, заметил, что «слово „сын" является в верховом наречии в форме *ул*, в низовом — *ывăл* (*ывăл*)». Есть и другие варианты этого слова, зафиксированные у чувашей: *івал* (Ашм. Сл. III, 46), *ыл* (Ашм. Сл. III, 51), *увăл* (Ашм. Сл. III, 204), *ăвăл* (Ашм. Сл. IV, 35), *улă* (Ашм. Сл. III, 211).

М. Р. Федотов существование в булгарских надписях формы اول связывает с чувашским фонетическим законом: древний -γ- > чув. -v- (Федотов 1972, 112), в другом месте он предполагает древний о- > чув. *ы-* (Федотов 1971, 31) или древний -γ- > Ø (Федотов 1971, 30) и сравнивает др.-тюрк. oγul ~ чув. *ул*, *ол* 'сын'.

Г. В. Юсупов (1960, 86—87) в слове اَوِل фатху над алифом предлагал считать особым знаком, обозначающим краткость произношения вав, т. е. краткий гласный, средний по качеству между *о* и *у*.

Й. Бенцинга (Benzing 1959, 694), как видно, несколько смутило написание اِوِل (кстати, неизвестно откуда, взятого, по крайней мере, мы такую форму не встретили), и он транскрибировал ее как *ïwïl].

А. Рона-Таш и Ш. Фодор (Róna-Tas—Fodor 1973, 157) считают волжско-булгарское awlï 'его сын', возникшим из протобулгарского oγul 'сын'.

Н. Ф. Калинин (1948, 101) данное слово предлагал читать *улы* 'его сын'.

3.42.4. Все более увеличивающееся количество находок булгарских надписей дает возможность разделить графические особенности написания слова «сын» на несколько групп: 1) اول // اولى; 2) اَولِ // اَولِى; 3) اَوُلِ; 4) اَوْلِ.

Хотя все варианты начинаются с алифа (с огласовкой или без нее), мы не можем это слово читать с анлаутным а-, как делали, например, А. Рона-Таш и Ш. Фодор, по той причине, что ни в древних источниках, ни в современных тюркских языках в указанном положении анлаутный а- не применяется. Алиф необходимо рассматривать в сочетании с последующим вав. Рассмотрим варианты, указанные в третьей и четвертой группах, а другие, из-за неоформленности второй графемы не совсем ясны.

Сочетание -اَوُ в третьей группе означает, как нам кажется, несколько суженный гласный о с оттенком u[39]. Этот звук следует сравнить с начальным звуком в слове وغلى oγlï [j, 153] 'его сын', так как в той же надписи числительное «десять» уже написано в характерном для данного диалекта виде — اون un.

Другое наиболее распространенное сочетание -اَوْ по сути дела также означает начальный о-. Однако слово «сын» во всех памятниках имеет форму принадлежности 3-го лица ед. числа. При присоединении аффикса гласный второго слога закономерно становится объектом элизии, и начальный о- принял, видимо, дифтонгоидный характер: oul 'сын' > oul-ï (o^{w}l-i) 'его сын'. Данный фонетический процесс нашел отражение в графике в виде -اَوْ.

Аналогичное графическое решение можно увидеть и в написании имени собственного اَوْرَاز Ouraz [t, 216], ср. чаг. اوُراز, тат. اوراض 'счастье, судьба', кирг. اوراز (в пословице)[40], названия деревень, образованные от антропонима *Ураз ~ Ораз*: Килдеураз Буинского, Уразбахты Мамадышского, Уразлы Зеленодольского р-нов ТАССР, Ораскилт // Ураскилт (с. Раскильдино бывшего Курмышского уезда Чувашии), Орасла (д. бывшей Цивильской волости и уезда Чувашии), Урасай — имя собств.[41], Oruz // Uruz — имя собств. (ДТС, 372 и 616).

Несколько другое сочетание применено в написании числительного «десять» — وان. Статистический подсчет не показал преобладания какой-либо формы. Так из 24 случаев фиксации этой формы в тринадцати слово «десять» написано как وان и وَان, а в десяти — ون и وَن, в одном — ان (в составе انوج 'тринадцать'), кроме того в надписях j-диалекта — اون.

---

[39] Ср. тат. диал. *оӯл* 'сын'.

[40] Приведены по словарю Л. З. Будагова (1869, 120).

[41] Чувашские примеры взяты из словаря Н. И. Ашмарина (1929$_2$ 273).

Единственным аргументом в пользу того, что в данном случае применен согласный звук, является наличие такового в современном чувашском языке, а в остальных тюркских языках это слово в анлауте имеет o ~ u. Но графическое изображение, примененное для передачи начального звука, показывает наличие гласного o или ö. Точно таким же звукосочетанием они передавались и в древнеуйгурских текстах.

Факты дунайско-булгарского языка показывают на сохранность древнего o, а в некоторых случаях его редукцию (Pritsak 1955, 72).

3.43. **Ö** — полуширокий лабиальный гласный заднего ряда. Вышеприведенные положения для графо-фонемы o полностью относятся и к ее мягкой паре ö. В анлаутной позиции этот звук постоянно передается комплексом وَ. Ср., например, глагольную форму وَلتِ ölti [ž, 18] 'он умер' с др.-тюрк. öl- 'умирать' и ее производными (см. ДТС, 383-384), монг. ölüs- 'умирать от голода', ölös- 'голодать'. Ссылаясь на Г. Вамбери, Э. В. Севортян (1974, 526) пишет, что в венгерском языке слово öl- наряду с «умереть» означало также и «убивать» и, следовательно, оно давно вошло в состав венгерского языка. В таком же значении это слово употребляется в пермских языках финно-угорской группы. Однако здесь в начале слова применен *в-*: ср. удм. *виыны*, коми *вины* 'убить', которые восходят в общепермскому *vij- (или ? *vej-), но из обско-угорских языков в хант. u̯èt-, u̯ə̀l-, манс. əl-, ə̈l- < доперм. *wə̈ðʒ- (Лыткин, Гуляев 1970, 57)[42].

Если буквально придерживаться начертания указанного слова в памятнике волжских булгар, то его следовало бы читать wälti, однако факты современных тюркских языков показывают в данном слове наряду с сохранением древнего ö-, его переход в o- ~ u- ~ ü- ~ ju- ~ jü- ~ jö-, а в чувашском ö- > vi-. Как нам кажется, утверждение, что долгие губные гласные ō, ȫ представлены в языке волжских булгар как va < u̯a, vä < ü̯a (Левитская 1966, 21), не подтверждается фактическим материалом. В отношении чувашского языка оно, может, и является верным, но еще для дунайско-булгарского языка О. Прицак (Pritsak 1955, 72) установил сохранение древнего ö, а в случае выпадения сонорного r, долгий ȫ > öü или ȫ > ü (?).

В волжско-булгарских надписях зафиксированы следующие три формы того же числительного «четыре»: تُوَات [t, 14, 28, 84; ž, 22], تُوت [t, 152], تُوتم [t, 161, 167]. Уже наличие даммы во второй форме свидетельствует в пользу того, что после инициального t- идет гласный -ö- (или -ü-) и в ауслауте остается -t. Здесь нет никаких следов дифтонга или трифтонга. В первой форме серединный звуковой комплекс -وا- означает гласный -ö-.

---

[42] Знак ə̈ здесь обозначает нелабиализованный гласный звук переднего ряда.

3.43.1. Чтение данного сочетания в слове كُوَانْ 'день' венгерскими учеными А. Рона-Ташем и Ш. Фодором с губным w вполне справедливо критиковалось М. Р. Федотовым (1974, 107), который отмечал, что «форма *küwēn трудно объяснима, поскольку подобный фонетический вариант нигде не обнаружен: кроме того, из формы *küwēn не может возникнуть чувашский kon ~ kun 'день'».

Само слово «день» в булгарских памятниках отражено в нескольких вариантах: 1) كوان, كُوَان, كُوان, كَوَان, كُوَانْ, كوانْ — их всех можно свести в одну форму كُوَانْ; 2) كَوَانْ; 3) كُوَنْ; 4) كون ~ كُون; 5) حُون; 6) كن.

Если же гласный четвертой и пятой групп тождествен с древнетюркским -ü-, то другие показывают его изменение. Такое расширение гласного наблюдается и в некоторых других словах, например üč // öč (графически: وچ // وچ < др.-тюрк. üc (ДТС, 621) 'три'.

3.43.2. Аналогичное звукосочетание вав+алиф употреблено и в слове يُوَارى, которое впервые было этимологизировано Х. Фаезхановым (1863, 397) как состоящее из ياو (ср. др.-тюрк. jaγï 'враг', jaγïčï 'воинственный' — ДТС, 224) + ارى (< др.-тюрк. er // ir 'муж, мужчина' — ДТС, 176, 221), т. е. 'военный муж, воин'.

О. Прицак (Pritsak 1965) возводит интересующее нас слово к этнониму Qawar (племя «кавар» являлось одним из племен хазарской конфедерации). Предложенную им этимологию вряд ли можно считать приемлемой, так как: 1) исторические источники не говорят о наличии такого крупного, когда-то управляющего кочевничьей степной конфедерацией, племени в составе Волжской Булгарии; 2) предполагаемый звуковой переход q- > j-, характерный для чувашского языка (Рясянен 1955, 132; Щербак 1970б, 167), в надмогильных надписях не зафиксирован; 3) общетюркский а еще не был преобразован в о ~ u, ср. др.-тюрк. qan 'кровь', чув. *йон // йун*, волж.-булг. χan — то же.

3.43.3. В одной из булгарских эпитафий из с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской области зафиксирована форма يور jör [t, 215], стоящая впереди имени Küč (др.-тюрк. küč 'сила' и имя собств. — ДТС, 322), где вместо общеупотребительного -وا- стоит лишь -و-. Таким образом, и в слове يُوارى это сочетание должно читаться как -ö-. Здесь может возникнуть вопрос: почему же анлаутный j- не перешел в ǯ-? Между тем, звук j- не был чужд булгарскому языку, в отдельных словах он сохранился и в начале слова, например: Jäxäm [t, 160], Jälbä [t, 98].

3. 44. **U** — узкий лабиализованный гласный заднего ряда. На основе колебания написания اُرم [t, 186] и وُرُم [t, 216] Urum[43] — имя собств., можно говорить о наличии узкого u- в начальной

[43] Начальную графему здесь никак нельзя читать как w-, так как в первом варианте стоит анлаутный алиф.

позиции. В первом случае это слово стоит впереди имени *Мухаммед*, и поэтому Г. В. Юсупов (1971, 224) рассматривал его в качестве лакаба Мухаммеда. Хотя такое предположение и не лишено основания, но ввиду неисследованности родоплеменных названий народов, входивших в состав Волжской Булгарии, мы данный вопрос оставляем открытым.

Названия с. Урюм Тетюшского, пос. Уремский Бугульминского, а может быть, с. Русский Урмат Высокогорского (там было найдено булгарское надгробье XIII в.) р-нов, очевидно, восходят к булгарскому *Урюм*.

Одним из косвенных аргументов, подтверждающих применение звука u в анлауте, могут послужить гидронимы اورم 'Урюм' и اورن 'Урень', приведенные у Ибн-Фадлана (Ковалевский 1956).

3.44.1. Написание شِوِنَ šïwna 'в его воду', очевидно, показывает на редукцию узкого u в первом слоге, ср. др.-тюрк. sub ~ suγ ~ suv 'вода', хотя его можно было бы прочесть и как šïu. Именно слова *шиу*, *шыв* являются, по мнению Г. Е. Корнилова (1964, 245), чувашско-булгарскими и их он сопоставляет, правда, лишь формально, с названиями притоков Дуная в Румынии Жиу и Шиу; ср. гидроним Шуширма, оттуда название населенного пункта Шушерма Анастовского р-на ТАССР.

3.44.2. Примеры употребления u в других позициях: بُلَط Bulat [t, 54], الطن بو Altïn Bu [t, 97], حاج بو xaǯi Bu [?, 82] — имена собств.

3.45. **Ü** — узкий лабиализованный гласный переднего ряда. Единственным отличительным признаком его от гласного u является соседство с палатальными согласными. Факты показывают возможность его употребления как в первом, так и в не-первом слоге, например: ططر بَلتُك Ṭaṭar Bältük [?, 200], بولارتای Bülärtaj [j, 127]; ср. с названием булгарского города *Биләр* // *Бүләр*, كوكَچ Kükäǯä [t, 7] — имена собств.

3.45. 1. Особенно разнообразно передается гласный ü второго слога в слове bälük 'надмогильный знак, памятник': ср. بَلمَوك [t, 45], بلوك [t, 58, 71; ǯ, 22 и др.], بَلوِيكُ [t, 186], بَلوِيكُ [t, 28, 59; ǯ, 11 и др.]. Некоторые написания показывают редуцирование этого гласного: بلىكُ [t, 57, 76; ǯ, 50, 173], بالگو [?, 40; ǯ, 33]. И, наконец, при наличии форманта принадлежности 3-го лица ед. числа -si гласный второго слога выпадает: بلكوسى [t, 106, 108, 131; j, 212].

Стремление гласного первого слога к редуцированию, как нам кажется, проявляется и на примере написания числительного «сто»: جُور ǯür [t, 7, 12, 54, 63 и др.], يوز jüz [j, 90, 116, 127 и др.], جُوز ǯüz [j, 62], جر ǯör [ǯ, 173], جَور ǯör [?, 37], ср. др.-тюрк. jüz (ДТС, 288), чув. *çĕр*, тат., башк. *йөз*, тат. диал. *җөз*.

Глава III

МОРФОЛОГИЯ

4.0. В языке надписей волжских булгар на основе учета морфологических, синтаксических и семантических признаков можно выделить следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, послелог и союз.

Имени существительному присущи грамматические категории склонения, лица и принадлежности.

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ

4.1. Основной падеж не имеет формального показателя и в предложении обычно выполняет функции подлежащего, например: χan kön äči [ǯ, 50] 'был день крови (т. е. среда)'.

Кроме этого, существительное, стоящее в форме основного падежа и не имеющее падежного аффикса, может войти в состав изафетной конструкции и выражать атрибутивные отношения, например: Šahid xaǯi bälükü [t, 158] 'надмогильный знак Шахида-хаджи', Jusuf xaǯi oulï Xösäjin zėräti [t, 166] 'место погребения Хусаина, сына Йусуфа-хаджи' и т. д.

Безаффиксальное существительное в предложении также может служить дополнением[1], например: Allah räxmät itïntïm [t, 197] 'Пусть бог сжалится'.

4.2. Направительный, точнее направительно-местный, падеж в языке волжско-булгарских надписей употребляется с аффиксом -a, например: Tariχa ǯėti ǯür toχur ǯa°l [t, 216] 'В семьсот девятом году' (досл. 'в дату семьсот девять лет'). По мнению О. Прицака (Pritsak 1959a, 291), показатель рассматриваемого падежа является дословным переводом арабского предлога فى fi 'в', который со словом tariχ 'дата, история' встречается в надмогильных надписях из Средней Азии, Крыма, Турции: فى تاريخ 'в дате, в году'. Однако в эпиграфических памятниках волжских булгар, составленных на арабском языке, такая конструкция не зафиксирована, и вряд ли будет правомерным наличие аффикса -a отнести за счет влияния арабского языка.

[1] Некоторыми учеными такая форма считается безаффиксальной формой винительного падежа или винительным падежом в нулевой форме, (см., например, Современный 1969, 142).

4.2.1. Употребление местного падежа вместо направительного (или дательного) падежа своими корнями уходит в далекое прошлое. Так, согласно Г. И. Рамстедту (1957, 39), в монгольском языке вместо направительного (дательного) падежа на -a уже очень рано стали пользоваться местным падежом на -du; соединение этого форманта с конечным согласным основы в диалекте монгор привело к образованию дательно-местного падежа на -re, а подобное развитие могло происходить уже на древнейшем этапе и в тюркском языке (Рамстедт 1957, 40). Старый дательный падеж в корейском языке имел значение как дательного, так и местного падежа (Рамстедт 1951, 66).

В тюркских языках дательный падеж также имеет смысл локальности. Так, например, обстоятельства места, ставящиеся в тюркских языках, как правило, в местном падеже, в тувинском языке в большинстве случаев оформляются аффиксом дательного падежа: ср. *Мен К ы з ы л д а чурттап тур мен* 'Я живу в Кызыле' и *Мен К ы з ы л г а чурттап турган мен* 'Я жил в Кызыле' или *Мен К ы з ы л г а чурттаар мен* 'Я буду жить в Кызыле' (Исхаков, Пальмбах 1961, 127—128).

Дательный падеж языка рунических памятников, оформляющий объект, который обозначает место, время и срок совершения действия, в современных языках передается местным падежом, например, Bir jïlqa tört jolï sünüšdim 'За один год я сразился четыре раза', ср. совр. тат. *Бер елда дурт тапкыр сугыштым* — то же.

Так что объяснение смешанного употребления направительного и местного падежей в тюркском булгарском языке лишь влиянием арабского языка будет не совсем верным. Слово tariχ 'дата, история' в булгарских эпитафиях, не считая случаев, когда последняя графема не огласована, имеет варианты تاريخ tariχa [t, 7, 20, 158, 186], تاريخُ tariχu [t, 12], может быть, tariχe?, تاريخقا tariχqa [j, 112], تأريخ ta'riχ [ǯ, 37]. Если не принимать во внимание различие диалектных элементов, конструкции предложений, где употреблены эти слова, почти однотипны:

а) в t-диалекте [7] — Wafatï bolţï tariχa ǯêti ǯür χïrïχ... 'Его смерть произошла в семьсот сорок...', досл. 'его смерть была в дату семьсот сорок...';

б) в ǯ-диалекте [37] — Wafatï bolţï ta'riχ ǯêti ǯör... ǯa°l äči 'Его смерть произошла в семьсот... году', досл. 'его смерть была: дата семьсот... год была';

в) в j-диалекте [112] — Wafatï buldï tariχqa jiti jüz jikirmi tuquzda ärdi 'Его смерть произошла в семьсот двадцать девятом', досл. 'его смерть была в дату: в семьсот двадцать девять'.

Применение формы именительного падежа в значении 'в дате' встречается в ярлыках, татарских баитах и т. д. Например, ср.

в ярлыке Сахипгерей-хана: Tarix tuquz jöz jikerme tuquzda ʿВ девятьсот двадцать девятом году', досл. ʿдата: в девятьсот двадцать девять' (Вахидов 1925, 92) или у татарского поэта эпохи Казанского ханства Мухамедьяра: Tarix tuquz jöz qïrïq sikezendä ʿВ девятьсот сорок восьмом году', досл. ʿдата: в девятьсот сорок восьмом' (Борынгы 1963, 359).

Употребление формы именительного падежа в значении направительно-местного нашло свое отражение и в современном татарском языке. Так, в разговорной речи в некоторых сочетаниях фразеологического характера аффикс направительно-местного падежа может не употребляться, ср. *тау мену* ~ *тауга мену* ʿподняться в гору', *ат мену* ~ *атка мену* ʿсесть верхом на коня'.

Таким образом, в надписях волжских булгар мы видим аффиксы дательно-направительного падежа и кыпчакского, и огузского типов. При всей обширности значений этого падежа, ограниченность лексического материала не позволяет проследить все функции и семантическое богатство рассматриваемого падежа в памятниках: зафиксировано лишь значение, указывающее на конечный пункт действия.

Возможно, в надписях t- и š-диалектов мы встречаемся с более древней формой этого падежа на -a, которая имела общее значение направления (Серебренников 1971, 282).

4.3. Исходный падеж, как правило, употребляется для обозначения какого-либо исходного пункта в связи с идеей удаления. В волжско-булгарских текстах этот падеж образован с помощью афф. -ran < -dan (в j-диалекте -dan ~ -din), например: fani dön'jaran [t, 178, 179, 186; š, 190] ʿиз мира бренного', hižrätran [t, 84, 86, 88] ʿпо хиджре', досл. ʿот хиджры', т. е. от начала летосчисления, с 622 г.

Употребление формы hižrät-dä [j, 90, 164] в местном падеже для памятников на других диалектах нехарактерно. Ее наличие в j-диалекте, очевидно, связано с семантическим переосмыслением, т. е. счет датам велся не от исходной точки — 622 г., а по понятию «мусульманского летосчисления».

4.4. До сих пор форма местно-временного падежа в надписях t- и š-диалектов не была зафиксирована. Лишь во время эпиграфической экспедиции 1976 г. в с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР (см. рис. 22) нами было обнаружено булгарское надгробье XIV в., где написано: وفات بلطوق تاريخ جيات جور الّ جالط Wafat bolṭï tarix žėti žür älle ža°lṭa ʿскончался в семьсот пятьдесятом году'. То, что в слове ža°lṭa 'в году' употреблен аффикс рассматриваемого нами падежа -ṭa, является бесспорным: это слово хорошо читается, и под графемой ط поставлена отличительная точка.

Факты древне- и средневековых текстов показывают многозначность и полифункциональность древнего местного падежа. В булгарских памятниках же пока зафиксировано выражение

с помощью данного падежа лишь временного значения; имеющиеся примеры показывают дифференцированность исходного и местного падежей.

Допустим и фонетический комплекс -lt- в разложимых корнях, что было характерно и для языка древнетюркских рунических памятников.

4.5. Посессивный тип склонения. В текстах зафиксирована только форма 3-го лица ед. числа с показателем направительно-местного падежа -a//-ä (в составе -na//-nä, например: شوڹ šïwna 'в его воду', ایشڹ išnä 'во внутрь'.

Афф. -na не является относительно новым образованием, он был зафиксирован и в древнетюркских текстах. В тюркологии нет единого мнения в отношении элемента -n-. Обычно его считают вставочным звуком, служащим для устранения зияния (Серебренников 1971, 283), или же выводят из аффикса принадлежности монгольского языка (Котвич 1962, 324). Образование -na из аффикса принадлежности и дательного падежа, по-видимому, связано с дифференциацией, происходившей между аффиксами дательно-направительного падежа (Томанов 1975, 62).

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

4.6. Ввиду специфичности надписей, в памятниках употреблены лишь аффиксы принадлежности 3-го лица ед. числа. Они следующие:

-i//-ï: oulï 'его сын', hiri 'его дочь', kėli 'его жена', ärnä baši 'начало недели (понедельник)';

-u//-ü: bälükü 'его надмогильный знак, памятник';

-si: bälküsi 'его надмогильный знак, памятник'.

Все перечисленные аффиксы зафиксированы в определительных группах и по своему грамматическому значению несколько не соответствуют понятию «принадлежности». А других групп в текстах не зафиксировано.

Происхождение аффиксов 3-го лица еще окончательно не выяснено, но почти все исследователи придерживаются мнения, что эти аффиксы местоименного генезиса и появились в глубокой древности.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

4.7. Структура надписей не позволяет что-либо говорить о категории мн. числа, так как все имена существительные употреблены только в форме ед. числа, например: Gosman-äčkä hirï Xösäjin kėli 'Усмана-отца дочь, жена Хусаина'.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

4.8. Из словообразующих способов в языке волжско-булгарских надписей широко представлена аффиксация, т. е. морфологический способ. Судя по фактам памятников, все аффиксы, образующие существительные, можно разделить на отглагольные и отыменные.

К отглагольным относятся следующие аффиксы:

-ük — присоединяясь к глаголу, этот аффикс образует имя существительное, обозначающее результат действия, например: bälük ʻнадмогильный знак, памятникʼ <bäl- ʻзнатьʼ+афф. -ük;

-k — очевидно, он является вариантом вышеприведенного аффикса, также образует имена существительные, обозначающие результат действия, например: bitik ʻнадписьʼ < biti- ʻписатьʼ+афф. -k.

Из отыменных аффиксов можно указать следующие:

-ïχ — образует уменьшительную форму от имен существительных, хотя уменьшительное значение уже и не проявляется, например: ajïχ ʻмесяцʼ < aj ʻмесяцʼ+афф. -ïχ;

-kä — новообразования с этим аффиксом обычно также имеют уменьшительную семантику, например: äčkä ʻотец, глава большой семьиʼ < äčä ʻотецʼ+афф. -kä, хотя значение уменьшительности уже утрачено.

При синтаксико-морфологическом способе образования имен существительных два слова входят в синтаксическую связь и образуют новое понятие. Этот способ в основном применен при образовании булгарских личных имен, например: Äträč < äträ ʻхудой, очень худойʼ+äč ʻребенокʼ (Саттаров 1966, 241), Temräč < tämir ʻжелезоʼ+äč ʻребенокʼ и т. д.

К сложному слову, состоящему из двух компонентов, которое подверглось фонетическому изменению, относится термин jöri ʻдружинникʼ < jau ʻвойнаʼ+äri ʻего муж, мужчинаʼ.

В памятниках зафиксирован тип словосочетания, где компоненты связаны между собой без участия притяжательного аффикса χan kön ʻдень крови, т. е. средаʼ, ärnä kön ʻпятницаʼ и ʻнеделяʼ.

При лексико-синтаксическом способе образования имен существительных происходит переход различных частей речи в существительные, например: Afaχ — имя собств. < имя прилагательное *ap-aq* ʻочень белаяʼ, Tuqtar — имя собств. < глагол «останóвится» (это имя взято, пожалуй, из-за желания родителей остановить смертность детей), kël ʻженаʼ < глагол kel- ʻприходитьʼ и т. д.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

4.9. Имя прилагательное по своим значениям и синтаксическим функциям уже в языке древнетюркских памятников выступало как вполне оформившаяся часть речи. Бесспорно, оно и

в языке древних булгар должно было быть отграниченным от имени существительного и именных форм глагола.

В эпитафиях волжских булгар можно найти лишь единичные примеры употребления прилагательного, что объясняется специфичностью надписей. Так, в одном памятнике из Булгар [t, 109] при имени дружинника Сираджа приводится эпитет خبراتلو χäjratlu 'смелый, мужественный'. Хотя переписчики первой копии приняли это слово за خير الوّ 'милостивая рука'[2], у Ф. И. Эрдмана приводится خيراتلو[3]. По всей видимости, следует придерживаться написания, приведенного у Ф. И. Эрдмана, по той причине, что, во-первых, при переписывании двоеточие над t легко спутать с надстрочным знаком ташдид (особенно, когда текст написан скорописью — как в рассматриваемом нами примере); во-вторых, эпитетом Сирадж-йори, который, кстати, был седьмым поколением этой семьи — членов княжеской дружины, по роду службы могло быть что-то связанное с храбростью, бесстрашием, а не милостью, ср. волж.-булг. خيراتلو < перс. غيرت 'рвение, усердие, энергия и т. д.', араб. غَيْرَةٌ 'рвение, усердие, пыл и т. д.'. Как известно, в текстах эпитафий и в разговорном языке волжских булгар γ- > χ-.

В памятнике из с. Тат. Толкиш Чистопольского р-на ТАССР [ǯ, 50] употреблено и качественное прилагательное كچى kičі 'маленький', которое в сочетании со словом ärnä 'неделя' образует составное имя существительное, означающее 'маленькую неделю', т. е. четверг[4].

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

4.10. В надмогильных памятниках волжских булгар имена числительные являются наиболее употребительной частью речи. В них зафиксировано два разряда числительных: количественные и порядковые.

4.11. Количественные числительные. Этот разряд является основой для образования других разрядов имен числительных. Ниже приводятся основные названия количественных числительных.

1 : در [t, 209] ber, بر ber [j, 181], بير bir [j, 90][5].

---

[2] См. Надпись № 24 из ЦГАДА (ф. 192, оп. 1, ед. хр. 4/4).

[3] Ф. И. Эрдман (1832, 1225), как известно, опирался на публикацию Ю. Клапрота, которому сделали копию с казанского оригинала, позже сгоревшего во время пожара.

[4] См. рис. 21.

[5] Приведенная Г. В. Юсуповым (1960, табл. 47) форма برو 'первое' ошибочная, следует читать بلم 'пятый'.

2 : اكِ äki [t, 176], ايكي eki [j, 90, 182].

3 : وچ üč [j, 62] в составе انوچ 'тринадцать', وُچ üč [?, 149], وَچ öč [t, 19], اوچ üč [j, 116, 175].

4 : تورت türt [j, 127, 214], توروت türüt [j, 181].

5 : بش beš (!) [t, 58], بيش biš [j, 164, 181].

6 : الطِ altï [t, 86, 88, 145 и т. д.], التى altï [j, 182].

7 : جِيَات žèti [t, 19, 20, 63, 64 и т. д.], جِيَاچ žèči [ž, 11, 32, 68 и т. д.][6].

8 : سكر säker [t, 14, 31, 43, 63; ž, 68 и т. д.], سكيز säkiz [j, 164, 182], سكز säkez [j, 62].

9 : طُحُوزْ ṭoχur [t, 88], طحر ṭoχur [t, 84, 157; ž, 50], يوقوز tuquz [j, 112, 213].

10: وَن on [t, 14, 25, 31 и т. д.], وَان on [ž, 68; t, 152 и т. д.], اون un [j, 94, 164 и т. д.], ان on [j, 62] — в составе انوچ 'тринадцать'.

11: اون بير unbir [j, 90].

13: انوچ onüč [j, 62].

15: اون بيش unbiš [j, 164].

18: ون سكر on säker [t, 43], وان سكر on säker [t, 179].

19: وان طحر on ṭoχur [t, 157].

20: جِيرمِ žirme [t, 93], جِيرمُ žirme [t, 45], جيريم žirim [t, 58], جرم žerme [t, 57, 92, 160; ž, 32].

30: وطر oṭur [t, 54, 95, 165, 166; ž, 11, 32], وتر oṭur [t, 27], اوتز utïz [j, 164], اوتوز utuz [j, 182].

40: خرخ χïrïχ [t, 7, 63, 173 и т. д.], قرق qïrïq [t, 174][7].

50: لا älä [t, 179], الُو älü [t, 56, 71, 180], الوّällü [ž, 68], اليك älik [j, 212, 214], ايليك elik [j, 181], الّ älle [t, 222].

90: طحر وان ṭoχur on [t, 84].

100: جُور žür [t, 7, 12, 54 и т. д.], جَور žör [ž, 18, 37], جر žör [ž, 32, 173] и т. д.

Из вышеприведенных примеров видно, что составные числительные, представляющие собой сочетание десятков с единицами, образуются по обычной схеме: вначале ставятся десятки, а затем единицы. Десятки же образуются путем сложения двух основ, где первый компонент представляет собой название единицы.

---

[6] Другие формы см. выше, на с. 51.

[7] Хотя наличие в памятнике t-диалекта данной формы несколько сомнительно, но она приведена Г. В. Юсуповым (1961, 35—36).

При обозначении составных числительных, состоящих из круглых сотен с десятками и единицами, также применяется известный в большинстве тюркских языках принцип: разряд единиц идет по нисходящей и связь между ними осуществляется порядком слов. Лишь иногда перед числительным «тридцать» появляется союз وَ wä 'и', заимствованный из арабского языка, например: جِيَاتِ جور وَوَ طر سِكر ǯêti ǯür wä oṭur säker [t, 54] 'семьсот тридцать восемь', досл. 'семьсот и тридцать восемь'. Такую же модель построения можно наблюдать и в арабском языке, например: مِئَتَانِ وَ خَمْسَةٌ وَ تِيسْعُونَ Mi'ätani wä xämsätün wä tisgunä 'двести девяносто пять', досл. 'двести и пять и девяносто'. Классический арабский язык, очевидно, оказал влияние и на строение булгарских составных числительных свыше ста. Однако почему оно проявляется только перед числительным «тридцать», а не систематически? — этот вопрос пока остается открытым. Хотя можно было бы это связать с индивидуальностью резчика.

4.12. Порядковые числительные. По мнению О. Прицака (Pritsak 1955, 59), в языке волжских булгар было шесть аффиксов, образующих порядковые числительные: -im, -nč, -nči, -nš, -nši, -š, которые, кроме -im, являются формами общетюркского -nč (-nč ~ -nči > -nš ~ -nši > -š).

Н. А. Андреев (1956, 243) же предполагает три форманта, которые могли образовать порядковые числительные, это — *-м, -ш, -ниш (-миш)*.

Данные эпиграфических памятников показывают, что в их языке афф. -nš отсутствовал [8], а наличие -nši требует доказательств [9].

Исходя из наличия в древнетюркском языке афф. -nč, его применение в булгарских эпитафиях можно лишь предполагать, но пока случаев его употребления не зафиксировано (мы здесь не учитываем эпитафии, относящиеся к j-диалекту). Форма بلنج в памятнике из с. Демкино Аксубаевского р-на ТАССР С. Е. Маловым (1948, 44) прочтена ошибочно, на самом деле это — بلنج 'пятый'.

---

[8] Приводя этот факт, О. Прицак (Pritsak 1955, 59) ссылается на неправильное чтение Н. И. Ашмарина (1902, 85), который, в свою очередь, приводит ошибочное чтение Х. Фаезханова (1863, 403). Исправленный вариант см. у Г. В. Юсупова (1960, 17).

И второй пример О. Прицака со ссылкой на Н. И. Ашмарина (1902, 96), который исправил Г. Ахмарова (آخمارف, ۱۹۰۸ ۱۲۳) неверен. Эта форма написана не как الطنش, а اَلطِنش 'шестой' [ʒ, 18]. Н. А. Андреев, при установлении формантов порядковых числительных, также ссылается на некоторые ошибочно реконструированные Н. И. Ашмариным формы.

[9] Есть лишь один пример, где возможна данная форма [t, 158].

Приведенную Г. В. Юсуповым (1960, табл. 47) форму جرنج 'первый' мы также считаем неверной. По палеографическим признакам вторую графему следует читать как «лам», а «нун» на фотоснимке не видно. Таким образом, данное слово примет форму جلج, что означает числительное 'пятый'. В текстах ясно видно употребление афф. -ši для образования числительных от определенного разряда. Однако и этот аффикс нельзя считать аффиксом порядкового числительного. Как известно, общетюркский формант принадлежности 3-го лица ед. числа -sï//-si на почве булгарского языка, хотя и не всегда, может перейти в -šï//-ši. Когда количественное числительное употребляется без конкретного примера, оно субстантивируется и может иметь аффиксы принадлежности и падежа. В таком случае его определение оформляется показателем родительного (притяжательного) падежа. Так как в памятниках притяжательный падеж не употребляется, здесь связь между словами осуществляется притяжательным аффиксом или примыканием, например: Wafatï bolţï tariχ ǯėti ǯür on alţïšï ǯa°l möxärräm ajχï ǯermiši ärnä kön äti [t, 156] 'Он умер в семьсот шестнадцатом году двадцатого (дня) месяца мухаррам, в пятницу', досл. 'Его смерть произошла: по летосчислению семьсот шестнадцать лет, его двадцать (дней) месяца мухаррам, пятница была'.

В данном примере дважды употреблено количественное числительное с притяжательным аффиксом: alţï-šï и ǯermi-ši. В контексте предложения первое числительное означает конкретный год, т. е. о т р е з о к в р е м е н и, а не его порядковое число от определенной точки отсчета.

Второе числительное, нумератив которого восстанавливается исходя из контекста (здесь — день), также является субстантивированным количественным числительным и означает, что к моменту кончины прошло двадцать дней месяца мухаррам; таким образом передается значение не порядкового числительного, а количественного, хотя на русский язык обычно переводится как порядковое числительное.

4.12.1. В чувашском языке порядковое числительное оформляется с помощью афф. *-мĕш//-мăш*, *-ĕмĕш//-ăмăш*, которые, по мнению Н. И. Ашмарина (1898, 181—182), состоят из древнего аффикса порядкового числительного *-м* и аффикса принадлежности 3-го лица *-ĕш*, а Н. А. Андреев (1956, 239) считал оба компонента старыми аффиксами порядкового числительного.

Последние изыскания в данной области показывают, что афф. *-м* нельзя называть порядковым, он придавал слову собирательное или собирательно-разделительное значения, а элемент *-ĕш* является выделительным аффиксом, генетически тождественным общетюркскому показателю принадлежности 3-го лица (Левитская 1976, 47—49).

В булгарских памятниках мы также встречаемся с формантом -ši, который нельзя считать аффиксом порядкового числительного.

4.12.2. При выяснении принципа отсчета времени необходимо иметь в виду и другое обстоятельство: в начале предложения, которое означало дату смерти, стоит слово tariχ 'дата, история' в именительном или направительно-местном падеже, а слово hiǯrät 'хиджра' — в исходном падеже. Именительный падеж в данном случае выполняет функции местного (возможно, исходного) падежа, потому что событие описывается в летосчислении по хиджре и можно предполагать лишь: 1) смерть произошла, когда от хиджры, т. е. от дня переселения Мухаммеда в Медину из Мекки, прошло столько-то лет; 2) смерть произошла, когда по хиджре, т. е. по мусульманскому летосчислению, прошло столько-то лет.

Аффикс направительно-местного падежа в текстах выступает как бы эквивалентом арабского предлога فى fi 'в'. В данном конкретном случае, когда предлог употребляется со словом tariχ, его семантика предполагает отнесение процесса в прошлое [10] и отсчет времени идет в количественном измерении. Пожалуй, такое же значение будет характерным и для аффикса направительно-местного падежа.

Когда слово tariχ в памятниках стоит в именительном падеже, иногда появляется вспомогательное слово اشنى išna 'в, во внутрь', например: Tariχ ǯêti ǯör... zulqagidä ajχï išnä äči [ǯ, 18] 'по летосчислению семьсот... в месяце зулькагида было'. Слово išnä < iš 'внутренность'+-nä 'во внутрь', можно сравнить с общетюрк. ič 'внутренность', чув. *ăш* — то же.

Применение этого вспомогательного слова в качестве постпозиции еще раз убеждает, что отсчет времени велся в количественном измерении и, возможно, точкой отсчета брался день кончины, и указывалось количество лет, прошедших от этого дня до 26 июля 622 г. Хотя на первый взгляд это кажется несколько странноватым, но семантика аффикса направительно-местного падежа и постпозитивного слова išnä позволяют допустить возможность такой системы.

4.12.3. Что касается -š, который применен в числительных ايكشى ekiš [t, 70] и اكشى äkeš [t, 92, 148, 166] 'второй' [11], то его можно возвести к вышеупомянутому афф. -šï//-ši или же здесь резчики пропустили кесру того же самого форманта شِ-.

4.12.4. Таким образом, по нашему мнению, в памятниках имеются два аффикса, которые без всякого сомнения можно считать образующими порядковые числительные, это — -im//-em//-ïm и -čï//-či. Первый аффикс зафиксирован в следующих числитель-

---

[10] Как было упомянуто выше, слово tariχ с предлогом fi в арабоязычных надписях волжских булгар не встречается.

[11] Написание الطشى мы считаем формой اَلطِشى, где опущены диакритические знаки.

ных: وَنِم onïm [t, 88, 151] 'десятый', وُجم üčem [?, 149] 'третий', وَجم öčem [t, 160] — то же[12], توانم tötim [t, 28] 'четвертый', توتم tütim [t, 152] — то же[13], بِيَالِم bèlim [t, 19, 20, 45 и т. д.] 'пятый', بلم belim [ξ, 173] — то же. А второй аффикс применен в образовании числительного «пятый»: بلچ belči [ξ, 11; t, 63, 88, 158 и т. д.].

4.12.5. Если проанализировать образование порядковых числительных в дунайско-булгарском языке, то можно увидеть, тождество его некоторых аффиксов с волжско-булгарскими. Так, например, в «Списке булгарских князей» (Pritsak 1955, 70) зафиксированы порядковые числительные *ал-емъ* 'первый', *веч-емъ* 'третий', *тоут-омъ* 'четвертый', *бех-ти*[14] 'пятый', *алт-омъ* 'шестой', *чит-емъ* 'седьмой', *шех-т-емъ* 'восьмой', *твир-емъ* 'девятый'.

Образование порядковых числительных с помощью афф. *-ăм// -ĕм* в чувашском языке также считается одним из наиболее древних способов (Ашмарин 1898, 181), хотя и существует мнение (Левитская 1976, 49), что его нельзя считать формантом порядкового числительного (об этом см. выше).

ГЛАГОЛ

4.13. В эпиграфических памятниках волжских булгар глагол как лексическая и грамматическая категория не нашел четкого выражения в формах спряжения, отношения действия к познаваемой действительности. Все глагольные формы фактически не выходят за рамки 3-го лица ед. числа, что не позволяет говорить более или менее подробно о личных и неличных формах глагола.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

4.14. Деепричастие. В надмогильных памятниках волжских булгар зафиксированы деепричастные формы на -sa: برسس [ξ, 18] barsa 'пойдя, поехав'; -ṣar: كولجصار kölčṣar [t, 31, 179] 'переселившись' (Хакимзянов 1976б)[15]. Насколько нам известно, ни в одном

[12] В большинстве случаев это числительное не огласовано. Неясно написание وَجم [t, 19] öčmi, которое может быть и ошибкой резчика, ср. с дун.-булг. *вечемъ* 'третий'.

[13] Остальные формы не огласованы.

[14] Афф. -n-ti встречается и в языке рунических памятников, например: äkinti 'второй' (Кондратьев 1970, 21).

[15] Венгерские ученые А. Рона-Таш и Ш. Фодор данный аффикс реконструируют как -san (Róna-Tas—Fodor 1973, 94). Аналогичный показатель

современном тюркском языке, кроме чувашского, таких деепричастных аффиксов нет. В современном чувашском языке (наиболее близком к волжско-булгарскому) употребляется показатель *-са//-се*, функции которого в основном совпадают с функциями общетюркского деепричастного форманта -ïр//-ер и только в отрицательной форме, по мнению И. П. Павлова (1957, 242), применяется более древний афф. *-сăр//-сĕр*, например: *вула-са* 'читая, прочитав', *вула-ма-сăр* 'не читая, не прочитав'. Однако возможность отождествления отрицательного деепричастия на *-масăр* с положительной формой на *-са//-се* не является бесспорной (Левитская 1976, 102—103).

Деепричастная форма на -sar//-sär зафиксирована и в древнетюркских надписях [16]. Она могли выражать условие с оттенком возможности, желательности, и также уступительные, обобщающие определительно-объяснительные, временны́е отношения (Кондратьев 1970, 44—46; Мелиоранский 1899, 84—85).

Если посмотреть путь развития этого форманта, то можно заметить, что в конце уйгурского периода (X—XI вв.) наблюдается тенденция к отпадению конечного согласного звука, в караханидско-уйгурском периоде появляется условная форма без -r, а полный вариант -sar//-sär можно встретить лишь в составе связанных сочетаний (Тенишев 1971, 446—447).

Язык волжско-булгарских надписей показывает сохранность этой аффиксальной формы в наиболее древнем виде с деепричастным значением.

Что касается другого афф. -sa, то он является усеченным вариантом вышеупомянутого деепричастного форманта -sar без конечного -r. Как известно, современный условный формант -sa — результат эволюции древнетюркского -sar (лишь в якутском языке сохранился закрытый слог с конечным -r). Видимо, процесс выпадения конечного согласного в родственных чувашском и волжско-булгарском языках развивался параллельно с другими тюркскими языками, однако из-за особенностей применения, в первых двух языках эта форма сохранила древний специфичный характер: «условное деепричастие» (термин П. М. Мелиоранского) не стало

имеется и в чувашском языке, где он выражает условие или время и где конечный -n является более поздним образованием (Павлов 1956, 254 и 275). По данному вопросу см. также работу Л. С. Левитской (1976, 105—106).

Восстанавливая последнюю графему в слове كوالجصر, венгерские ученые, очевидно, держали в поле зрения именно этот специфичный чувашский аффикс. Однако, ввиду неустойчивости приемов письма резчика, палеографический анализ мало что дает для определения характера ауслаутной графемы, но все же конечный знак больше тяготеет к ра, чем к нун.

[16] В отношении этой формы существуют различные точки зрения. Некоторые ученые считают ее аффиксом причастия или условного наклонения. Об этом см. работу Э. Р. Тенишева (1971, 441—449).

условным наклонением. Тогда закономерно возникает вопрос: а чем же выражалась условная форма в волжско-булгарском языке? Скудость фактического материала пока не позволяет говорить о всех глагольных формах и грамматических категориях, поэтому этот вопрос остается открытым.

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что в языке волжско-булгарских эпиграфических надписей две деепричастные формы: полная -ṣar//-sär и усеченная -sa//-sä.

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

4.15. Изъявительное наклонение. Глаголам этого наклонения свойственна категория времени. И временны́е формы, как правило, рассматриваются в качестве показателей изъявительного наклонения.

В языке эпиграфических надписей волжских булгар формы времени представлены не полностью, точнее, употреблены прошедшее категорическое и настоящее-будущее времена.

4.15.1. Генезис прошедшего категорического времени все еще остается не полностью выясненным. В отношении его в основном существуют четыре гипотезы:

1) -dï возник из древнего варианта аффикса принадлежности 3-го лица (Кононов 1951, 112);

2) в основе этой формы лежит архаичное глагольное существительное на t, которое в дальнейшем приняло аффиксы принадлежности и в предложении реализовалось с помощью специфических слов «бар» и «юк». Затем произошло отбрасывание этих слов;

3) в основе прошедшего категорического времени лежит причастие на -dï < -dïγ (Баскаков 1951, 207—210);

4) временная основа на -dï ни что иное, как временная основа на -dïq, утратившая конечный согласный (Кузнецов 1960, 49—71).

Видимо, такое различие мнений в определении истоков происхождения аффикса прошедшего категорического времени на -dï вызвало также различные толкования волжско-булгарской формы с формантом طوى- // روى-.

С одной стороны, Н. И. Ашмарин (1902, 81—82), а затем Й. Бенцинг (Benzing 1959, 695) объясняли его как показатель причастной формы. А с другой стороны, О. Прицак (Pritsak 1959a, 294—295) весьма убедительно доказал, что здесь мы имеем дело с финитной формой, а именно — с глаголом, оформленным аффиксом 3-го лица ед. числа прошедшего времени. Однако мы не можем согласиться с расшифровкой написания طوى-[17] как -tuvi. Некоторые явления, зафиксированные в памятниках, являются весьма серьез-

[17] Аффикс с начальным r- присоединяется к основам, оканчивающимся на n- и -č.

ными аргументами, с которыми никак нельзя не считаться, против такой распространенной точки зрения. Так, например, глагольная форма bol- 'быть' в 3-м лице ед. числа прошедшего категорического времени имеет следующие варианты:

1) بَلطوی [t, 7, 8, 10, 25 и т. д.], بلطُوی [t, 59], очевидно, наиболее полная форма بَلطُوی [t, 12, 156, 158, 159 и т. д.] bolṭï;

2) بلطوُی [t, 45] bolṭï;

3) بَلطَوُی [t, 9] boltï[18];

4) بلطی [t, 57] bolṭï;

5) بَلطُتی [š, 37] bolṭu^{i}[19];

6) بالطو [t, 30] bolṭu;

7) بلجي [š, 22] и بالچ [š, 32] bolči.

Для сравнения приведем формы из памятников, относящихся к j-диалекту: بولدی [62, 90, 164] buldï, بولمش [112] bulmïš, بولغان [153] bulγan.

Правда, можно предположить, что в основе прошедшего категорического времени лежит форма на -duq и к ней присоединялись аффиксы принадлежности, ср. bol-duq-ï > bol-du-ï (где -q- закономерно выпал) > bol-du-wi 'было'. Однако уже в языке орхоно-енисейских надписей значения форм на -duq и -dï четко различались и их дифференциация произошла в весьма отдаленный период.

В древнеуйгурском языке рассматриваемое время образовывалось при помощи афф. -dï. Парадигма спряжения глагола в прошедшем объективном (категорическом) времени позволила В. М. Насилову (1963, 71) сделать вывод о возникновении данной формы при помощи форманта -d//-t и личных аффиксов притяжательности.

Таким образом, в древнеуйгурском языке имелись следующие показатели прошедшего категорического времени: -t-ïm, -t-ïŋ, -t-ï и др.

4.15.5. Любопытны данные Махмуда Кашгари (Divānü 1940, 61) об употреблении этой формы, по которым огузы, сувары и кыпчаки применяли форму прошедшего времени на -duq//-dük, например ol käldük 'он пришел', а уйгуры, аргу, чигили, тухси, ягма — на -dï//-di.

---

[18] Видимо, при написании этой формы резчик строго придерживался своего говора и пытался отразить его особенности.

[19] Г. В. Юсупов (1963, 22) предлагает здесь читать boltï-dä (?). Однако так получается бессмыслица. Поэтому нужно читать как bolṭu^{i}, где звуковой комплекс طُی- читается как -ṭu^{i}. А применение [форм с -t- встречается и в некоторых других памятниках š-диалекта, что еще раз показывает иногда встречающееся смешанное употребление разнодиалектных элементов.

4.15.6. Глагольные формы на -tüg и -rug в качестве показателей прошедшего категорического времени мы встречаем и в надписи Бойла из Надь-Сент Миклоша. Как раз на основе данных этой надписи О. Прицак и строил свою гипотезу о характере волжско-булгарского прошедшего категорического времени, хотя эта надпись и относится к печенежско-куманскому языку (Németh 1932).

4.15.7. Большинство вариантов глагольной формы «быть» в волжско-булгарских надписях показывают, что в них прошедшее категорическое время образовано по формуле: основа (или корень) + формант прошедшего времени -t- + аффикс притяжательности. Написание афф. طوی- мы читаем как -tï, где ауслаутная буква «йа», возможно, показывает на дифтонгоидность гласного, вроде -ïⁱ, хотя можно и предположить, что она является «алифом максурой».

Другие глагольные формы, зафиксированные в памятниках, подтверждают образование прошедшего категорического времени с помощью афф. -tï ~ -ti ~ -či и т. д., например: اَتْ äti [t, 12, 20, 27, 45 и т. д.] 'было' ~ اَچ äči [ǯ, 18, 31, 50] — то же; وَلِتْ ölti [ǯ, 18] 'он умер'.

4.16. Настоящее-будущее время. В основе данного времени лежит причастие будущего времени на -r. Такая форма глагола зафиксирована лишь в 3-ем лице ед. числа, и в памятниках она обозначает действие с оттенком достоверности, которое совершается в момент речи и после него. Других стилистических окрасок не замечено, например: ابو بكر يواری اول ممل يواری زيارتی تروور Äbübäker-jöri oulï Mämli-jöri zêräti turur [t, 102] '(Это) есть место погребения Мамлия-йори, сына Абубакира-йори'.

Конструкция предложения, где в качестве сказуемого применена глагольная форма «турур», в основном характерна для памятников j-диалекта. Наличие данной формы в памятниках t-диалекта может быть связано с деятельностью первых переводчиков булгарских надписей Ю. Ишбулатова и ахуна К. Сунчалеева. Вполне возможно, что при переписывании эпитафий они несколько модернизировали их тексты, т. е. после слов zêräti 'его место погребения' и bälküsi 'его надмогильный знак', с целью придания законченности предложения, добавляли указанную глагольную форму. Хотя и не исключено, что она могла быть и в самих памятниках t-диалекта.

Применение глагольной формы на -r пока наблюдается лишь в нескольких памятниках из с. Булгары, с. Иске-Рязяп Куйбышевского р-на ТАССР и с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской обл. Из них к t-диалекту относятся некоторые надписи из с. Булгары. Г. В. Юсупов (1960, табл. 7) находит указанную глагольную форму и в памятнике из Булгар, который сохранился доныне и принадлежит к t-диалекту. Однако его чте-

ние данного слова является весьма сомнительным. Это место в памятнике не читается. Кроме того, мнимая глагольная форма приведена Г. В. Юсуповым после «жалобной формы» (термин О. Прицака), т. е. после прошения милости у аллаха, а не после слова زيارت ‘его место погребения’, как употреблено в других эпитафиях.

4.17. Повелительно-желательное наклонение. В волжско-булгарских надписях в качестве показателя повелительно-желательного наклонения 3-го лица ед. числа выступает форма на -tïm, например: الله رحمة اطلظم Allah räxmät iṭïnṭïm [?, 197] ‘Пусть бог сжалится!’. В основе глагольной формы iṭïnṭïm лежит iṭ- ‘делать, совершать, исполнять, быть и т. д.’ + элемент возвратного залога -ïn- + аффикс повелительно-желательного наклонения -ṭïm (Рамстедт 1957, 83). Общим для тюркских (шире — алтайских) языков показателем желательного наклонения является -sun, только в якутском применяется -tïn, а чувашским данная форма утрачена.

В языке булгарских надписей переход s в t не был зафиксирован. Очевидно, булг. -ṭïm и общетюрк. -sun — это разные морфемы.

По мнению О. Прицака (Pritsak 1959a, 284), интересующая нас глагольная форма зафиксирована и в памятнике 1291 г. из с. Булгары (Юсупов 1960, табл. 3), где она имеет несколько иное написание — طنطرم. Здесь основой слова несомненно, является -طن ton- (об этом глаголе подробнее см. в разделе «Лексика»). Несколько неясен третий знак, хотя условно его можно принять за -ṭ-. Таким образом, данный глагол транскрибируется как ṭonṭïrma. Его, видимо, следует расчленить на следующие морфемы: ton- ‘уходить’ + аффикс понудительного залога -ṭïr- + -ma (?). Не совсем понятен формант -ma, он может быть показателем прилагательного или же архаичным окончанием 2-го лица ед. числа повелительного наклонения (Рамстедт 1957, 101—102).

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

4.18. Категория залога выражает отношение действия к его субъекту, и типология образования форм с залоговым значением в языке надписей от других тюркских языков ничем не отличается.

Основной залог специального показателя не имеет.

Возвратный залог в надписях образуется при помощи афф. -ïn, например: iṭ-ïn-ṭïm ‘пусть сделает’ < it- ‘делать, совершать, быть и т. д.’ + залоговый афф. -ïn- + аффикс наклонения -ṭïm. В этом примере наиболее полно проявляется значение залога: если бы была применена форма iṭ-ṭïm, то она означала бы повеление богу, что никогда не допускается. Употребление залогового форматива -ïn направляет действие на объект, в роли которого

выступает сам субъект. Таким образом, применение залоговой формы придало действию оттенок желательности.

О. Прицак (Pritsak 1959a, 278—279) считал -il формантом возвратно-медиального залога.

Например, глагольную форму كولجصر kölcṣar 'переселившись', он читал как kövälčiṣär (с метатезой čl > lč: kövăč-il-sär). Однако здесь корень глагола — kölč-, который, пожалуй, являлся архаичным и для эпохи булгарских надгробий. Исходя из состояния современного чувашского языка и других тюркских языков, где выпал первый элемент звукового сочетания -lč-, можно восстановить протобулгарскую форму kölč-, ср. венг. gyümölcs 'плод' ~ др.-тюрк. jemiš 'фрукт, плод' (ДТС, 255), уйг. *йемиш* 'плод'; венг. bulczu, bolcsú 'отпущение грехов', boczat 'отпускать, освобождать' ~ др.-тюрк. boša- 'освобождаться, покидать' (ДТС, 113), уйг. *бошан-* 'освобождаться от грехов'.

Понудительному залогу обычно свойственно «как бы вмешательство одного субъекта в действие другого» (Дмитриев 1948, 181). В единственном примере, где можно предполагать наличие формы понудительного залога, его показатель стоит впереди пока невыясненного форманта: ṭonṭïrma.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

4.19. К словообразовательным формам в памятниках можно отнести форманты залогов (о них см. выше). Других морфологических типов словообразования в эпитафиях не зафиксировано. В них больше применено непроизводных основ, чем производных, например: ä- 'быть', öl- 'умереть', bol // bul- 'быть', köc- // kölč- 'переходить, переселяться', bar- 'идти, двигаться' и др.

Сложные глаголы, представляющие собой лексикализованные словосочетания, в надписях в основном образованы по типу: «именная часть + вспомогательный глагол», например:

а) сложный глагол, образованный при помощи вспомогательного глагола bol-, в именной части имеет арабское заимствование: وفات بل- wafat bol- 'умереть, скончаться' < араб. وَفَاة 'кончина, смерть' + bol- 'быть';

б) сложные глаголы, образованные при помощи вспомогательного глагола ṭon-, в именной части также имеют арабские заимствования: سفر طن- säfär ṭon- 'переселяться, уходить' < араб. سَفَر 'путешествие, экскурсия' + ṭon- 'уходить' и др.;

в) сложный глагол, образованный при помощи вспомогательного глагола iṭ- по той же схеме: رحمة ا- räxmät iṭ- 'сжалиться, смилостивиться' < араб. رَحْمَة 'милосердие, сострадание, милость' + iṭ- 'делать, быть и т. д.';

г) сложные глаголы с компонентом qïl- 'делать' применены лишь в памятниках j-диалекта: -تربيه قيل tärbijä qïl- 'воспитать'< араб. تَرْبِيَةٌ 'развитие, воспитание, образование' + qïl-.

ПОСЛЕЛОГ

4.20. Зафиксированное в ряде памятников слово اِشنَ išnä< iš-nä относится к разряду послелогов-служебных имен, так как оно выступает в функции послелога, хотя и не потеряло своего материального значения. Его древнейшими значениями являются «внутренность, внутренняя часть, потроха, требуха» (Севортян 1974, 389), а в памятниках оно употреблено в качестве эквивалента арабского предлога فى fi 'в', например: Möxärräm aǰχï išnä... [t, 155] 'В месяце мухаррам...'; Tariχ ǯètï ǯör on ṭoχur ǯa°l išnä [t, 157] 'По летосчислению в семьсот девятнадцатом году'.

Отсюда видно, что слово išnä, находясь в постпозиции, с относящимся к нему именем существительным составляет изафетную конструкцию и принимает аффикс направительно-местного падежа: iš-nä < iš-i-nä.

СОЮЗ

4.21. В булгароязычных эпиграфических надписях, как правило, союзы не употребляются, за исключением четырех случаев, когда в составе сложного числительного перед словом «тридцать» поставлено арабское заимствование و wä 'и', например: Tariχ ǯètï ǯür wä oṭur öčim ʒa°l ätï [t, 27] 'Был семьсот тридцать третий год', досл. 'Дата семьсот и тридцать третий год была'. Это, пожалуй, является результатом стремления резчика приблизить тюркский текст к арабскому образцу. Для большинства эпитафий такая конструкция не характерна.

Глава IV

ЛЕКСИКА

5.0. В эпиграфических текстах волжских булгар содержится не так уж много слов, но тем не менее они не подвергались системному исследованию. Слова, рассмотренные некоторыми авторами, были связаны, главным образом, с процессом расшифровки текстов, с их филологическим толкованием, и эти исследования в большинстве случаев носили этюдный характер.

Несмотря на сильное влияние арабоязычной литературы и канонов ислама, насаждавшихся в течение ряда веков многочисленными служителями религии, основой лексики языка памятников оставался общетюркский словарный фонд. Арабо-персидские заимствования в основном являются наименованиями, связанными с культом захоронения, и титулами людей высшего сословия.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА

5.1. اَچكَا äčkä ʻотец, глава большой семьи'. На основе арабской редакции одного текста, где имеется данное слово (Šäkärälči bințe Goşman äl-Bolγari [t, 49] ʻШекер-елчи, дочь Османа Булгарского'), оно переводится как ʻотец, глава большой семьи'. Г. В. Юсупов (1972, 53) допускал здесь чтение ätkä, что в татарском языке означает ʻотца'.

5.1.1. В большинстве тюркских языков в данном значении выступает общетюркское ata в различных фонетических модификациях, в том числе и в чувашском: *атте*, диал. *ати* ʻотец'.

В современном татарском языке, как известно, производную форму *эткә* (<*эти*+уменьшительно-ласкательный афф. *-кә*) [1] можно встретить лишь с притяжательными, а также с притяжательными+падежными аффиксами, например: *И, туган тел! И, матур тел! Әткәм-әнкәмнең теле. . .* (Г. Тукай, Родной язык) ʻРодной язык — святой язык, отца и матери язык. . .' (Пер. С. Липкина). Однако в данном случае это может быть и резуль-

[1] В татарском языке имеются формы: лит. *ата* ~ *эти*, диал. *атай*, *этәй*, *әзи*. Слово *эткә* в ТТДС (1969) не приводится, однако оно есть у Л. З. Будагова (1869, 9). Афф. *-ка*//*-га* < *-кай*//*-гай* обычно образует слова с уменьшительными значениями, ср., например, тат. *арка* ʻспина' < *ару-кай* < монг. *ару* ʻспина, тыльная сторона, север' (Рамстедт 1957, 184—185).

татом стяжения: *эти-кәй* > *эткәй*, и далее: *эткәй-ем* > *эткәем* > *эткәм*.

В словаре В. В. Радлова (1888, 733) есть формы и с афф. *-кä//-гä*, например: *äнäкä* 'бабушка, матушка (при обращении)', *äнäгä* 'мать, матушка, мачеха, кормилица'; у Л. З. Будагова (1869, 9) зафиксирована форма с аналогичным аффиксом: اتاكه и اتكه 'батюшка, воспитатель, дядька, дедушка, отец'.

5.1.2. Имеющаяся в памятнике форма äčkä, по нашему мнению, все же не возникла на почве волжско-булгарского языка в результате известного звукового перехода ti → č [2]; она, возможно, существовала еще в эпоху урало-алтайской общности. Формы с элементами -č- и -ǯ- зафиксированы в древне- и средневековых памятниках, например: aǯu 'отец' (ДТС, 74), ača 'родственник' (ДТС, 4), ačч 'отец — при обращении к богу' (ДТС, 6), eči 'старший брат' (ДТС, 162), äči 'старший родственник' (Малов 1951, 363), اجغى 'брат отца' (Houtsma 1894, 45), которая, очевидно, была заимствована из монгольского اچكا 'отец'.

Семантические значения по мужской линии этой формы представлены также у В. В. Радлова (1888, 502): *ача* 'старший брат, дядя, батюшка', здесь же даются и параллельные «женские» значения 'старуха, мать'; у Л. З. Будагова (1869, 13): اجى 'старший брат'.

Волжско-булгарскую форму äčkä из регионально близких современных тюркских языков можно сопоставить с чув. *аҫа* 'самец', *ача* 'ребенок', диал. *еҫкей* 'старший брат мужа', которая считается заимствованной из финских (пермских) языков (Егоров 1964, 66), тат. диал. *әзи* 'отец'.

5.1.3. В различных тюркских языках все значения термина *ача // еҗе* в совокупности по мужской линии охватывают понятие «старшего родственника», туда же входит и понятие «отца» [3].

С этой же корневой морфемой связаны монг. *эцэг*, бурят. *эсэгэ* 'отец', монг. *ечиге* 'то же', нан. *эчэ*, *эчэкэ*, *эксэ* 'дядя', ма. *эчигэ*, *эчикэ*, *эсхэн* 'то же' [4], удм. *иськан* 'близкий родственник: брат, живущий отдельно, подружка', мар. *ача* 'отец', венг. *ős* 'предок, старый, древний' и т. д.[5]

Ввиду неисследованности вопроса, мы не знаем структуру семейных отношений в государстве волжских булгар, но вполне можно предположить, что зафиксированный в памятнике термин

---

[2] В пользу того, что č-показатель в слове äčkä не является результатом перехода ti → č, свидетельствует и форма älti 'госпожа', высеченная через -t-, характерный признак t-диалекта.

[3] О модификациях данной формы и их разделении по признаку пола подробнее см.в работе Л. А. Покровской (1961, 24—29).

[4] Н. Поппе (Poppe 1960, 51—53, 103) выводит эти формы из прамонгольской *etikē.

[5] Финно-угорские параллели см. в работе Б. Коллиндера (Collinder 1955, 16).

äčkä означал не просто члена родственной номенклатуры, каким является родитель, а имел и социальный характер. Так как дочь Османа Булгарского именуется госпожой, он сам должен быть представителем аристократического круга — главой «большой семьи» или предводителем какого-нибудь рода-племени.

5.2. اول oul 'сын'[6]. В памятниках, относящихся к j-диалекту, это слово начертано — как и в древнетюркских текстах — с интервокальным -γ-: uγlï < uγïlï 'его сын' < oγïl < oγul 'сын'. Естественно, по сохранности данного элемента, указанную форму следует считать более древней, чем ту, что применена в надписях других диалектов. В большинстве памятников употребленную форму oul 'сын' (в составе oulï 'его сын') можно сопоставить с якут. *уол*, кирг., ккалп., алт., тат. *ул*, тат. диал. *оул*, *ыл*, караим. *увул*, ног. *увыл*, чув. *ывăл*, чув. диал. *ул*, *ыл*, *улă*, *ивăл* и др.

5.3. هير hir 'дочь'. Эту волжско-булгарскую форму можно сопоставить лишь с современным чувашским словом *хĕр* 'девочка, девушка, дочь', в остальных тюркских языках употребляется общетюркское qïz. Определенный интерес представляет выражение *кыз-кыркын*. Г. В. Юсупов (1960, 78—79) связывал элемент *кыр-* второго слова с *кыз* и отмечал перебой *з//р*.

5.4. كيال kèl 'жена'. Корневая морфема kèl лежит в основе таких терминов родства, как kelin < kel-in 'невеста, невестка' (ДТС, 296), كال-ين > كالين 'невеста' (Houtsma 1894, 95), *käli* < *käl-i*, *kälin* < *käl-in* (Радлов 1899, 1116—1117) 'невестка, сноха', *käläш* < *käl-äш* 'невестка, любовница, молодая жена, замужняя женщина, жена' (Радлов 1899, 1114), чув. *кин* < *кил-ен* 'невестка, сноха', тат. *килен* < *кил-ен* 'сноха, невестка, молодуха', *кәләш* < *кәл-әш* 'невеста, молодая жена', сар.-юг. kelin < kel-in 'невеста, жена'. Эта же форма встречается и в некоторых финно-угорских языках (Collinder 1955, 144).

5.4.1. Судя по сохранившимся значениям в современных языках, волжско-булгарскую форму kèl можно было бы перевести как 'сноха, невеста', однако модель построения текстов надмогильных надписей противоречит этому. В надгробьях, как правило, указывается, чьей дочерью или сыном является погребенный или погребенная, а применение формы kèl пока зафиксировано только в одном единственном памятнике (см. рис. 28).

Из текста данного надгробья можно понять, что отцом умершей был знатный человек по имени Осман Булгарский, а Хусаином мог быть только ее муж, не такой знатный и именитый, так как он не упомянут в арабской редакции текста, и, возможно, не булгарин — не указана его нисба. Правда, исследователи отмечали, что для обозначения «жены» у тюркских народов издавна

---

[6] Об этом слове см. также выше, на с. 54—55. Данный термин в некоторых кыпчакских языках описан в работе К. М. Мусаева (1975, 262).

применялись термины χatun, qatun, χotun, refikä, evdeš и др.[7] Заимствованный термин χatun встречается и в памятниках j-диалекта, а kėl, видимо, является наиболее древним обозначением «жены», потому что он еще сохраняет форму глагола kel- 'приходить', откуда образовался сам термин.

5.4.2. Общетюркский глагол kel- в чувашском языке имеет и значение «выходить замуж», что показывает его тесную связь с именем существительным kel. Татарское слово *келә-*, которое употребляется в сергачском говоре западного диалекта в составе идиомы *кыз келәту* 'послать сватов, сватать девушку' [8], на первый взгляд происходит от того же корня. Однако это лишь омонимы, и глагольная форма *келә-* имеет ряд параллелей со значением «желать, хотеть и т. д.» во многих языках урало-алтайской группы.

ТЕРМИН КУЛЬТУРНОГО ОБИХОДА

5.5. بطيك bitik 'надпись'. Это слово употреблено в единственном памятнике [t, 97], написанном по вертикали (пережиток древнеуйгурского письма) и, видимо, заимствовано из древнеуйгурского языка: ср. bitig 'книга, надпись, документ' < кит. bi 'палочка для письма'. Из языков урало-поволжского региона оно сохранилось в башкирском и татарском в формах *бетеү* и *бәти* 'амулет, талисман', т. е. выдержка из религиозных писаний, которую хранят при себе для предотвращения порчи, болезней и т. д.

ТЕРМИН, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ВОЕННОМУ ДЕЛУ

5.6. يُوَارى jöri 'дружинник'. Хотя волжские булгары и были относительно мирным народом, однако классовый характер общества, лежащий в основе Булгарского государства, породил и военный институт, столь необходимый для ведения внутригосударственной межфеодальной борьбы, организации оборонительных действий от внешних врагов, а также для походов и набегов. Для этих целей ополченческие или добровольческие отряды не годились, необходим был специальный отряд, находящийся в постоянной боевой готовности. Такой организацией являлась военная дружина.

Источники сообщают о существовании военной дружины у монгольских ханов: дружинники жили вместе со своим вождем

[7] См., например, специальное исследование С. Чагатай по данному вопросу (Çagataj 1961, 17—20).

[8] Ср. также с куманским *гелеш-* 'сватать'. Кроме того, С. Чагатай (Çagataj, 1961, 30) сообщает, что во многих местах Анатолии слово *келе* означало «девушка, прекрасное».

и были полностью на его иждивении. Имелись дружины и в Киевской Руси. Часть дружины была «думающей», правда, очень небольшая, а главная масса — это соратники князей и знати (Греков 1949, 334).

Упоминаемые Ибн-Фадланом (922 г.) «асхабы» у волжских булгар, что в переводе с арабского языка означает «друзья», по-видимому, являлись именно дружинниками, сподвижниками хана Альмуша. «Если же он (царь. — *Ф. Х.*) предложит отряду [войска], — пишет Ибн-Фадлан, — [совершить] набег на одну из стран, и он награбит, то он [царь] имеет долю вместе с ними» (Ковалевский 1956, 136). Правда, в отличие от первого издания (Путешествие 1939, прим. 513 на с. 211), где было написано «Если же он прикажет дружине. . .», в данной работе автор «дружину» заменяет «отрядом», однако таким отрядом могла быть лишь постоянная дружина, находящаяся на службе у царя.

О дружинном строе у булгар говорят и русские летописи: 1160 г.—«а князь их (т. е. булгар. — *Ф. Х.*) едва утече с малою дружиною» (ПСРЛ 1862, 230); 1220 г. — «князь же Болгарьский выбеже инеми ворота и утече на конях в мале дружине» (ПСРЛ 1856, 128).

Исторические данные о существовании дружин в Волжской Булгарии (Мухамедьяров 1973, 203) подтверждаются и археологическими материалами (Смирнов 1955, 87—103).

5.6.1. Ввиду того, что дружинники — сподвижники князя — были также знатной группой общества [9], после их гибели или смерти рядом с именем писался и их титул جوارى. По объяснению Х. Фаезханова (1863, 403), данный термин состоит из ياو 'война' + ارى 'его муж, мужчина' = 'мужчина войны, т. е. воин'.

О. Прицаком (Pritsak 1965) была предложена иная трактовка этого слова. По его мнению, при правильности этимологии Х. Фаезханова в булгарском языке следовало бы ожидать в анлауте ǯ-, а не j-, поэтому данное слово скорее всего означает нисбу — название племени или клана, каковым, по всей вероятности, являлось племя «кавары».

При всей оригинальности эта гипотеза противоречива, в первую очередь, с фонетической точки зрения. Как показывают данные эпитафий XIII—XIV вв., в их языке начальный q- не переходил в j-, также сохранялся и *-a-* первого слога. К тому же в исторических источниках среди названий племен, упомянутых в составе волжско-булгарского государства, «кавары» не значатся — они были в составе хазарской конфедерации, затем часть их перекочевала к мадьярам. Есть предположение, что их потомками являются современные кабардинцы (Коков 1974, 189—190).

Если бы данное слово являлось нисбой, то указываясь при имени отца и деда, оно обязательно должно было быть и при

[9] Здесь речь идет, прежде всего, о «думающей» части дружины.

имени сына. Так, в одном памятнике из Булгар [t, 109] приводится генеалогия до седьмого поколения [10], и при всех именах, кроме имени погребенного, стоит титул يُوَارى. Видимо, когда-то данный род принадлежал к знатному сословию дружинников, которое впоследствии себя изжило. Поэтому самый младший член этого рода упоминается без титула.

5.6.2. На основе вышеупомянутых исторических данных мы вслед за Г. В. Юсуповым придерживаемся этимологии Х. Фаезханова. Что касается фонетической стороны вопроса, то, во-первых, инициальный j- не был для языка эпитафий чуждым элементом, во-вторых, даже при случае j- > ǯ-, этот термин мог сохраниться как диалектный реликт (ведь в памятниках j-диалекта его нет) и, в-третьих, сама семантика некоторых имен и эпитетов указывает на силу, мощь — столь необходимые качества для воина, например: χäjratlü Ars-Siraǯ [t, 109] 'мужественный Арс-Сираж', ср. γajrät 'смелость, мужество, энергия, рвение' и ars — подражание рычанию диких зверей, лай' [11]; Jörküč [t, 215] — имя собств. < jöri 'дружинник'+küč 'сила'. Пожалуй, вернее будет чтение jör(i) Küč 'дружинник Кюч'.

В тексте последний пример начертан арабскими буквами в виде يور, а в других случаях يُوَارى. Исходя из того, что сочетание -وا- в середине слова дает звуки -о-, -ö-, данное слово необходимо читать как jöri. Это подтверждается и написанием يور jör(i). Видимо, название Зюрейской дороги (тат. *Җөри юлы*) — военно-административной единицы бывшего Казанского ханства [12] — также связано с термином jöri.

НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРЯДОМ ЗАХОРОНЕНИЯ

5.7. بلوى‌ك bälük 'надмогильный знак, памятник'. Корневой морфемой данного слова является bäl-, ср. общетюрк. bel-//bil- 'знать, ведать'. Данное отглагольное имя существительное употреблялось волжскими булгарами для обозначения надмогильного знака, памятника. В языке современных татар это понятие реализуется сложными словами *каберташ* 'могильный камень' и *ташбилге* 'каменный знак', а у башкир — *һын таш* 'каменная баба'. Также ср. тат. *билге* 'знак, примета, метка, ориентир,

---

[10] У Г. В. Юсупова приведен со ссылкой на И. Березина текст лишь до четвертого поколения (Юсупов 1960, 103).

[11] Подробнее см. в работе Э. В. Севортяна (1974, 177—179). От данного слова образовано *арслан* 'лев'. При нападении на врага многие древние племена издавали звук, напоминающий звериный вой. Возможно, эпитет *арс* имеет связь с этой древней традицией.

[12] Эта дорога вела от столицы ханства в с. Старые Зюри.

признак и др.', башк. *билге* 'признак', *билдә* 'знак, метка, пометка', чув. *палăк* (уст.) 'памятник', *палă* // *паллă* 'знак, примета, показатель, обозначение'.

Венгерским языком это слово заимствовано в виде bélyeg 'марка, знак, клеймо'. З. Гомбоц (Gombocz 1912, 43) приводит и другие варианты его написания: bilük, Byleoh, byllőgh, billeg, bélyag, bilyog, bijog.

Слова *бѣлѣгъ* ~ *белѣгъ* ~ *билѣгъ* 'знак', зафиксированные в древнем церковнославянском языке, исследователи также считают заимствованными из того же самого тюркского языка, что был источником тюркских заимствований в венгерском языке (Pritsak 1955, 71; Добродомов 1974а, 252).

5.8. زيارت zërät 'место погребения, могила'. Согласно исследованию О. Прицака (Pritsak 1959a, 303), данное слово сохранилось лишь в языке тех народов, которые имели какое-либо отношение к древним булгарам, это — татары (*зыйрат* ~ *зэрэт* ~ *зират* 'кладбище', *зыярат итү* ~ *зират кылу* 'посещение'), караимы (*зерет* ~ *зерять* ~ *зэрет* ~ *зэрэт* 'кладбище' и *зийарэт* 'посещение, визит'), башкиры (*зыйрат* 'кладбище'), кумыки, балкарцы (*зийретлер* 'кладбище').

Заимствованное из арабского языка слово زِيَارَة в результате сужения семантики стало означать конкретное понятие «место погребения», ср. زِيَارَة 'посещение, визит, паломничество' > 'посещение святой могилы' (и сейчас древние могилы называют «могилами святых») > 'посещение могилы' > 'могила, место погребения' > 'кладбище'.

НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С КАЛЕНДАРЕМ

5.9. كوان kön // كون kün // كن kön 'день'. Возникшее из древнетюркского kün 'солнце, день' данное слово в волжско-булгарском языке закрепилось со вторым значением — 'день'. В эпитафиях оно употреблено: 1) при именах числительных, например belči kön [t, 168] 'пятый день'; 2) при названиях дней недели (см. ниже).

5. 10. خان كوان χan kön 'день крови, т. е. среда'. Несомненно, это народное название дня недели осталось от древнего языческого обычая жертвоприношения. Подобное название среды и доныне сохранилось у чувашей (*юнкун*), татар (*кан көн*) и башкир (*кан көн*) [13]. Аналогичное название среды употребляется у мордвы (*вержи*), марийцев (*вӱргече*) и удмуртов (*вирнунал*), они также означают «день крови». Однако эти совпадения не являются пере-

[13] О названиях дней недели см. работы М. Р. Федотова (1962), Е. А. Малова (1884, 52), Р. Ахметьянова (1973, 45—48), К. М. Мусаева (1975, 268—283).

водами с чувашского языка, как утверждает М. Р. Федотов (1965, 168), а объясняются наличием в Среднем Поволжье единого религиозно-мифологического воззрения и календаря. В свою очередь, и эти воззрения относятся к далекому прошлому, вероятно, к периоду хазарского каганата, к которому восходят караим. *кан // хан кӱн*, *хайын кӱн*, арм.-кып. *хан кӱн* ‘день крови’.

5.11. كچى ارن كون kičï ärnä kün ‘день малой пятницы, т. е. четверг’. Такое наименование четверга имеет ряд параллелей в языках, приведенных выше для сравнения, ср. тат. *кечатна* < *кече атна* ‘малая пятница (четверг)’, башк. *кесе аҙна*, чув. *кӗҫен ерне*, мар. *изарня* < *изи арня*, удм. *покчи арня*, караим. *кицайня // кичейнэ*, арм.-кып. *кичи айна* — то же. Они все состоят из двух компонентов: *кече* ~ *кесе* ~ *кӗҫен* ~ *кици* ~ *кичи* ~ *изи* ~ *покчи* ‘маленькая’+*атна* ~ *аҙна* ~ *ерне* ~ *арня* ~ *ейнэ* ~ *айна* ‘неделя, пятница’. Первый компонент следует сравнить с общетюркским *кичи* ‘маленький’, а второй, несомненно, является заимствованием из персидского آدینه ‘пятница’. Таким образом, в эпитафиях волжских булгар и в вышеупомянутых языках название четверга является производным от названия пятницы.

5.12. ارن كوان ärnä kön ‘пятница’. Персидское آدینه ‘пятница’ лежит в основе обозначения пятницы в ряде языков, ср. чув. *эрнекун* ‘пятница’, *мӑнарни кон* ‘день большой пятницы’, тат. диал. *атна ҡөн* ‘пятница’, *олы атна* ‘большая пятница’, мар. *кугу арня* ‘большая пятница’, тефсир. *адинӓ* ‘пятница’, караим. *айна кин // эйнэ кӱн* ‘пятница’, арм.-кып. *айна кӱн* ‘пятница’, уйг. *азна* ‘пятница’.

Отсюда можно сделать вывод, что в ареале, где когда-то существовали булгарское и хазарское царства, название пятницы является для всех одинаковым. А расширение семантики «пятница» → «неделя» — явление относительно позднее.

5.13. باش ارن ärnä bäšï ‘начало недели, т. е. понедельник’. Хотя для слова ärnä наиболее древним значением является «пятница», термины ärnä bašï, kičï ärnä, ärnä kön показывают, что данное слово волжскими булгарами применялось и для «недели», ср. чув. *эрне // арня*, тат. *атна*, башк. *аҙна*, удм., мар. *арня* ‘неделя’.

В некоторых западнокыпчакских языках «понедельник» обозначался как «начало недели», ср. караим. *йихбаскин // йехбашкюнь*, кар.-балк. *йухбашкӱн*, арм.-кып. *йихпашкӱн* (ср. кар.-балк. *ыйык* ‘неделя’). Аналогичная модель названия этого дня применялась и предками татар, башкир, чувашей, марийцев: ср. тат. диал. и башк. диал. *баш ҡөн* ‘главный, начальный день’, тат. диал. *туған ҡөн* ‘новорожденный день’, чув. *тунти кон* ‘новорожденный день’, мар. *шочмо кече* — то же.

5.14. جال ǰa^{ol} // جل ǰïl ‘год’. В памятниках j-диалекта это слово употреблено с начальным j-, а в других — с ǰ-. Современ-

ный чувашский язык показывает несколько иную форму — *çул*. И на ее основе выдвигалась теория об обозначении фонемы *ç* знаком джим в булгарских памятниках.

При определении звука, передаваемого знаком джим, нельзя не учитывать и данные татарского языка, носители которого локализованы на территории бывшего Волжско-Булгарского государства. Употребление звуков j и ǯ является одним из критериев выделения диалектов татарского языка. Именно носители среднего диалекта (с ǯ-показателем), по всей вероятности, находились в какой-либо связи с племенами, входившими в состав государства волжских булгар, в языке которых преобладал ǯ-элемент.

Относительно чтения написания جال есть и другое мнение. Так, например, А. Рона-Таш (Róna-Tas 1976, 162) предлагает читать его как ǯal. Он, видимо, придерживается здесь транслитерационного принципа и предполагает сохранение древнего -a- при изменении согласных звуков от первичного jaš 'год, возраст'. Между тем уже в древнетюркском языке наблюдается дифференциация понятий «возраст» и «год» (ДТС, 24, 266), хотя в некоторых языках, например в чувашском, подобного изменения не произошло, ср. *вăл çирĕм çулăй çитнĕ* 'ему двадцать лет' и *çул урлă* 'через год'.

Мы пока не знаем, одним или двумя словами обозначались в булгарском языке понятия «возраст» и «год» (в эпиграфических памятниках j-диалекта того же периода имеется самостоятельная лексическая единица jaš 'год' — в значении возраста). Однако слово جال, учитывая наличие варианта جل (без алифа), очевидно, следует читать как ǯa°l, где гласный ближе к -ï°-, нежели к -a-.

Факты современных языков показывают замещение древнетюркского инициального j- различными звуками, например: тат. диал. *җыл*, уйг. *жил*, кирг., казах., ккалп. *жыл*, карач. *джыл*, тув., хак. *чыл*, сар.-юг. *йыл* // *җыл* 'год' и т. д.

5.15. ايغ ajïχ 'месяц'. Зафиксированное в памятниках t- и ǯ-диалектов слово «айых» состоит из общетюрк. *ай* 'месяц' и афф. *-ых*. Из современных языков, насколько нам известно, такая форма сохранилась в чувашском языке: *уйăх* // *ойăх*, в других тюркских языках применяется безаффиксальная форма.

5.16. Названия месяцев. В текстах эпитафий волжских булгар для названий месяцев употребляются арабские заимствования möxärräm [t, 155] < араб. اَلْمُحَرَّم 'первый месяц лунного календаря', ǯumada-l-axïrä [t, 84] < араб. جُمَادَى الآخِرَة 'шестой месяц лунного календаря', räǯäb [t, 166] < араб. رَجَبٌ 'седьмой месяц лунного календаря', šägban [t, 88] < араб. شَعْبَانٌ 'восьмой месяц лунного календаря' и т. д.

Исследователями отмечено единственное новое название месяца — Сур, которое сопоставлялось с персидским названием ап-

реля ثور [14]. Однако такое чтение и толкование не совсем убедительны: в памятниках пока зафиксированы только арабские наименования календарных месяцев, а с другой стороны, написание سور легко спутать с شوال (возможно, سول) šäwwäl 'девятый месяц лунного календаря'.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН И ГИДРОНИМ

5.17. شو *šïu 'вода, река'. В древнетюркских надписях данное слово зафиксировано как sub ~ suγ ~ suv 'вода' (ДТС, 512, 513, 515), ср. также чув. *шыв*, чув. диал. *шу*, тат., уйг., азерб., казах. *су*, тат. диал. *сыш*, башк. *һыу*, узб., кум., ног. *сув* 'вода'. Однако, как видно из контекста [15], слово *šïu в булгарском памятнике означает не только воду в обычном понимании, но и реку, ср. Čärimsän šïwna barsa ölti 'Поехав (или пойдя) в Черемсан (досл. в воду Черемсана), умер'.

Здесь мы встречаемся с изменением значения слова в сочетании с определенным названием, в данном случае с названием реки. Так как его семантика не является чем-то весьма отдаленным от первого, происходит семантический сдвиг в сторону конкретизации понятия, хотя с доминантным значением и остается тесная связь. Таким образом, понятие «вода» дало понятие «река».

Само понятие «река» является относительно поздним. Это проявляется и на фактах тюркских языков урало-поволжского региона, в которых «река» и «вода» обозначаются одним словом (речь идет о разговорном языке), например: чув. *шыв* 'вода, река', *юханшыв* 'проточная вода, река', *çырма* 'река, овраг' [16], тат. *су* 'вода, река', *елга // җылга* [17] 'река', башк. *һыу* 'вода, река, озеро', *йылға* [18] 'река'.

5.18. جَرمِسَن Čärimsän 'Черемсан'. Данный гидроним, кроме булгарских эпиграфических памятников, зафиксирован еще в нескольких исторических источниках. У Ибн-Фадлана (922 г.) он передан как جرمسان Čärimsan или Čerimsan (Ковалевский 1956, 131), в русских летописях (1183 г.) — *Черемисан* (ПСРЛ 1856, 96), а в памятнике из с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР—

---

[14] См. работу С. Е. Малова (1947, 42). Здесь он приводит записи из сочинения Ш. Марджани (مرجانی ١٨٧٥, ٢٨).

[15] См. рис. 2.

[16] Это слово образовано от другого корня — от *çыр-* 'размывать' (Егоров 1964, 226).

[17] В разговорном языке оно почти не употребляется, а в говорах означает также «сухой овраг». Антропо- и этнотопонимы Татарии с компонентом *елга* Г. Ф. Саттаров (1975, 34—36) связывает с золотоордынским периодом.

[18] Башкиры, например, также говорят *Һакмар һыуы* 'река Сакмар', а не *Һакмар йылғаһы*, ср. еще: *һыу ташты* 'река разлилась'.

جرمسن Čärimsän (см. рис. 2). Названия р. Черемшан и татарского с. Черемшан в Татарии, р. Чермасан в Башкирии тесно связаны с волжско-булгарским названием реки Čärimsän.

АНТРОПОНИМЫ

5.19. В булгарских эпитафиях нашли отражение многие имена, распространенные среди тюркоязычного населения государства, и в этом отношении они дают богатый материал для исследования булгарской антропонимики. Три языковые стихии, бытующие в Волжской Булгарии (арабский, тюркский и персидский), тесно взаимодействовали между собой, что оставило ощутимые следы в составе булгарского именника.

5.19.1. В текстах эпитафий широко представлены имена арабского происхождения. Это и понятно — четырехсотлетнее господство ислама внесло существенное изменение в именник тюркского населения Волжской Булгарии. В некоторых случаях служители религии просто-напросто переименовывали имена тех людей, которые по каким-либо причинам носили языческие имена. Однако семантические связи и схемы построения арабских имен в этом ареале совершенно утрачены, не ощущается связь даже между однокорневыми именами. Например, в одной генеалогической цепи имеются Al-Xämad и Xämad (см. рис. 7), Möxämmäd и Mäxmüd (Юсупов 1961, 52—53), Axmät и Mäxmüd [19], которые образованы из корня حمد 'хвалить'.

Большинство имен, заимствованных из арабского языка, относятся к категории «истинно» мусульманских антропонимов, т. е. они посвящены Мухаммеду и его приближенным: Gömär — второй халиф, Gosman — третий халиф, Gäli — четвертый халиф и зять Мухаммеда, его имя связано с шиизмом. Söläjmän, Jsmaγil, Jusuf — из библейского (*Соломон*, *Измаил*, *Йосиф*) и др. Вряд ли тогда кого-либо интересовало значение этих слов, для большинства они были именами из «священных книг». Даже в настоящее время, когда существует множество пособий и по семантике, и по структуре личных имен, встречаются имена, взятые из религиозных писаний. Например, в Мамадышском р-не ТАССР во время экспедиции 1976 г. нам пришлось встретиться с молодым человеком по имени Лут, имя которому дали из религиозной литературы.

5.19.2. Несмотря на господство мусульманской религии, у населения Волжской Булгарии бытовали и тюркские имена — ср. Böǯök, Kükäǯä, Ašlï, Alp и т. д. Более того, в одной генеалогии можно даже наблюдать смешанное имянаречение, а также имена, образованные из одного корня, например, Xämad oulï

[19] См.: ЦГАДА, ф. 192, оп. 1, ед. хр. 4/4, № 46.

Xäsän oulï Mäčkä oulï Äl-Xämid (см. рис. 7) ‘Хамада сын Хасан, (его) сын Мэчкэ, (его) сын Эль-Хамид’.

Особенно много имен тюркского происхождения зафиксировано у представителей женского пола. Видимо, это объясняется характером женских имен, которые по своей природе должны быть оценочными, желательными, благозвучными и т. д., и их семантика бывает более или менее понятной, например: Afaχ (< ap-aq ‘очень белая, белейшая’, возможно, и ‘чистая, невинная’), Ajïχ ‘луна, луноподобная’, Alqïs ‘восхваляемая, благословенная’ и т. д.

5.19.3. По структурному типу антропонимы можно разделить на следующие группы:

1) однокомпонентные имена — а) корневые: Alp, Bu, Bäk, Aju, Äsbi, Soχ и др.; б) производные:. Xälmüš. Ajïχ, Ašlï, Älmüš и др.;

2) двухкомпонентные имена — Xälmütaš, Šu-älti, Jör[i) Küč, Altïn Bu, Äl-Ämir Belem, Qutluγ Temur, Sänǯä-älti, Zöhräš, Alïptaj и др.;

3) многокомпонентные имена — Mir Ibrahim-inal.

Как видно из вышеприведенных примеров, двух- и многокомпонентные антропонимы образовываются при помощи слов, выполняющих функции титулов, названий должностей и т. д.

Г. В. Юсупов (1970, 249) приводит даже тройное женское имя *Гафифа-Захида-Копра* [20] и объясняет данное явление как пережиток когда-то существовавшего языческого имянаречения. На наш взгляд, первые два слова являются обычными эпитетами, не входящими в состав многокомпонентных антропонимов. Они зафиксированы в ряде памятников (Юсупов 1960, рис. 10), и их следует переводить как ‘добродетельная, набожная Кюхера’.

Весьма интересной кажется реконструкция Г. В. Юсуповым второй строки текста в виде: Mün-Büläг Bälimär Äxmäd-jöri, где, по предположению автора, *Мон-Буляр* является двойным этнонимом (племенным названием), а *Балимар* — родовое название (Юсупов 1971, 224). Однако данный вопрос требует дальнейшего изучения.

5.19.4. Г. В. Юсупов (1971, 222) выдвинул также тезис, что ряд имен в текстах образованы от этнонимов или сами являются таковыми. К ним он относит имена *Ашлы*, *Мухшы*, *Ар (Ары)*, *Татар*, *Куюк (Куяк)*, *Орым (Урюм)*, *Алак*, *Кердар (Корди)*, *Абак* и др. Пока с уверенностью можно говорить лишь об именах *Мухшы* и *Ар*, образованных из этнонимов финно-угорских племен, *Татар* же выступает в составе двухкомпонентного имени *Татар Белтюк*. Кроме них можно было бы считать этнонимом и имя *Хытай*, правда, мы считаем, что его следует читать как

[20] Однако здесь допущена ошибка (видимо, типографская), имя следует читать Кюхра или Кохра. Полный текст надписи см. в другой работе автора (Юсупов 1967).

Cütäj (ср. графическое جماى). Между тем, в более поздних эпитафиях зафиксирован антропоним χϊtaj bolγari. Не исключено, что на каком-нибудь новонайденном булгарском надгробье окажется и указанный этноним.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ

5.20. Фамилии-тахаллусы. Как известно, в формировании государства волжских булгар принимали участие различные племена. Исторические источники приводят в основном названия трех крупных племен: булгары, эсегелы и берсулы. Кроме них в булгарский союз племен входили сувары (севары, свары), баранджары и др. В XIII—XIV вв. (период, к которому относятся эпиграфические памятники) Булгарское государство распалось на отдельные княжества, а Жукотинское княжество даже вышло из подчинения царя Булгарии [21]. И все же жители продолжали называть себя «булгарами» независимо от этнической принадлежности и территориального разделения. Эта традиция жила еще и после распада этого государства.

В памятниках больше всего употребляются нисбы bolγari и sewari, которые указывают место рождения человека, хотя в отношении первого следует оговорить, что так назывались выходцы не только из Булгара, но и из царства вообще, т. е. этим выражалось отношение к своей родине.

5.20.1. Фамилии-тахаллусы, употребленные в эпитафиях, можно разделить на две группы: 1) тахаллусы-этнонимы — تركمان محمد Törekmän Möxämmäd [t, 87] 'туркмен Мухаммед', ططر بلتك Ṭaṭar Bältük [?, 200] 'татарин Белтюк'; 2) тахаллусы-топонимы — رس الشماخى R-s Äš-Šämaxi [?, 119] 'Р-с из Шемаха', محمد شيخ الكردارى Möxämmäd šäjex Äl-Kerdari 'Шейх Мухаммед из Кердара', однако его отец носил тахаллус «Курасани» (может, Хорасани?): مبارك شاه قراسان Möbäräk šah Qurasani 'Мубарек шах из Курасана', محمد الجندى Möxämmäd Äl-ǯändi [?, 133] 'Мухаммед из Дженда', صد راله بين الشروانى Sadr-äd-din Äš-Širwani [?, 130] 'Садреддин из Шервана' и др.

Эти псевдонимы-тахаллусы, образованные от топонимов, принадлежали представителям небулгарского происхождения, приезжим служителям религиозного культа и людям высшего сословия. Видимо, поэтому они все образованы на персидский манер с окончанием на -i. Что касается тахаллусов, происходящих от местных названий, то они образованы как на персидский, так и на тюрк-

---

[21] См. (ПСРЛ 1897, 215). Там Жукотинское княжество указывается как самостоятельная административная единица.

ский лад, например: اُرُم محمد Urum[22] Möxämmäd [t, 186] 'Мухаммед из Урюма', اُرُمْ اَلْپ Urum Alp [t, 216] 'Алп из Урюма', سواریانلی خواجه Sewarlï χoǯa[23] [t, 120] 'Ходжа из Севара', سویارلی اصنب Sewarlï[24] Aṣnap [t, 92] 'Аснап из Севара', بلغاری صلر Bolγari Ṣalar [t, 208] 'Салар из Булгар', منصور البلغاری Manṣur Äl-Bolγari [?, 136] 'Мансур из Булгар' и т. д.

Как показывают данные языка надписей, нисба, упоминаясь при имени отца (или деда, прадеда), при имени самого покойного может и не употребляться.

5.21. انال inal 'титул, знатный потомок'. Данное слово зафиксировано в памятнике 1320 г., найденном около с. Тарханы Тетюшского р-на ТАССР. Пожалуй, этот титул для XIV в. являлся пережиточным, так как сын Мир Ибрагим-инала, покойный Шахид, уже носил титул хаджи и, соответственно этому, его надгробье оформлено по его общественному положению. Г. В. Юсупов предполагал, что данный титул носили цари-князья отдельных племен или предводители огузов в пределах Булгарского государства (Юсупов 1960, 102—103).

Слово *Мир* (<эмир) перед именем, видимо, является лишь компонентом имени *Ибрагим*, указывающим на знатность его рода. Ведь звание «эмир» носил сам царь Волжско-Булгарского государства, и в эпитетах Хасан-бека, похороненного близ Казани, есть выражение «эмир чтимый», что объясняется наличием Казанского княжества (Калинин, Халиков 1954, 103).

Употребление титула «инал» показывает, что его обладатель когда-то, возможно, и являлся предводителем, главой какого-нибудь племени или небольшого княжества, которое впоследствии потеряло свою самостоятельность. Исходя из этого можно сделать вывод, что в данном случае «инал» должно означать должность, титул, вроде «доверенного»[25].

---

[22] Данный тахаллус можно прочесть и как *Орум*.

[23] В отличии от других исследователей мы здесь не читаем *Сувар Яли Ходжа*, так как переписчиками могла быть допущена ошибка (см. надпись № 23 в копии из ЦГАДА). Допустимо также, что сочетание -یا- равно -ė-, и оно является вставочным звуком.

[24] После Г. В. Юсупова (1960, 104), читавшего это слово как *Суйарли* < *Суюргал*, распространилось мнение, что в Булгарском государстве имело место пожалование в ленное пользование (Федоров-Давыдов 1973, 110—114). Однако существование института *суюргал* у волжских булгар нельзя считать доказанным. Пожалуй, Х. Фаезханов (1863, 403) был прав, когда под вышеупомянутым написанием видел ошибку резчика. Как нам кажется мы здесь встречаемся с тахаллусом sewarlï при написании سویارلی, где -یا- = -ė-, хотя можно допустить и سوار اول Sewar oulï 'сын Севара'.

[25] Ср. со значениями в рунических и древнеуйгурских текстах (ДТС, 209—210).

5.22. باك bäk // ب bi ‘князь’. Как известно из памятников рунической и древнеуйгурской письменности, титул «бек» носили правители. К XII—XIII вв. его значение конкретизировалось, и в среднеазиатском тефсире из г. Карши он уже применяется как «правитель определенного города или области» (Боровков 1963, 94).

Судя по титулатуре из найденных булгарских эпитафий, у волжских булгар данный титул означал «князь», а не «правитель». Так, лишь в самом Булгаре зафиксировано шесть памятников с титулом «бек» и один с «бикэ» (№ 85, 89, 100, 115, 116, 127, 128 — по нашей картотеке). Этот титул переходил из поколения в поколение, являясь показателем принадлежности его обладателя к знатному роду [26].

5.23. ألتي ältі ~ الجي älčі ‘госпожа, барыня’. Есть девять каменных плит, поставленных над женщинами, в текстах которых встречается имя, составленное по модели «имя+слово ältі ~ älčі». Многих исследователей смущал второй компонент данного сложного имени. Так, переписчики копии, снятой в 1722 г. ахуном Кадыр-Мухаммедом Сунчелеевым и слободским переводчиком Юсупом Ижбулатовым по указу Петра I, видимо, из-за незнания значения этого компонента, а может из-за того, что он не был в рукописи переведен, его пропустили [27].

Соответственно данного слова нет ни у И. Лепехина, ни у Ю. Клапрота, ни у других исследователей. Впервые этот памятник и второй с аналогичным словом, найденный в 1889—1890 гг. в Булгаре, на научной основе были исследованы Н. Ф. Катановым, который перевел имена как «Сабар-Ильчжи» и «Фатима-Элхей» [28]. В последующих публикациях ученые давали оба варианта чтения, но все же предпочтение отдавали варианту «ильчи», так как его этимология вырисовывалась более или менее ясно: *ил* ‘племенной союз, народ, административная единица’+афф. *-чи*, образующий имя деятеля. Соответственно «илчи» переводилось как ‘посол, вестник, всякое должностное лицо, правитель’ (ДТС, 169), ‘гонец, эмиссар, пристав’ (Владимирцев 1934, 58).

Однако все указанные значения для булгарского älčі не подходили по той причине, что в XIII—XIV вв. большую роль в общественной жизни играла религия, а ее отношение к женщинам общеизвестно. Таким образом, посты государственных чиновников были не для булгарок. Видно, исходя из этих соображений позднее «илчи» стали принимать за второй компонент сложного имени или читали «Элхей». Вариант сложного имени с «илчи» мы находим в секретной истории монгольской династии Юань, при имени младшего брата Чингиз-хана; у Дувы-хана был сын Иль-

---

[26] Ср. титулы отца и сына из памятника, найденного около с. Чишма в Башкирии (Юсупов 1960, 117—118).

[27] См. надпись № 18 из копии ЦГАДА (ф. 192, оп. 1, ед. хр. 4/4).

[28] См. работы Н. Ф. Катанова (1905, 265; 1921, 54—55).

чигидай; одного башкирского посла к Ивану Грозному звали «илче Тимер» и т. д. Однако и в именах данное слово не потеряло своего первичного значения должностного лица.

Г. В. Юсупов (1969, 105) «илчи» считал титулатурным словом, но его семантику не раскрывал, а лишь, упомянув о некогда существовавших значительных правах и независимом положении жен булгарской феодальной верхушки, ставил его в один ряд с титулами bikä 'жена князя', χatun 'госпожа'.

На наш взгляд, булгарский термин älti (älči — более поздний вариант, где t > č) следует сопоставить с кыпчакским словом älti 'госпожа, барыня, владелица' (Houtsma 1894, 53).

Древнебулгарский термин älti, как и термины типа *бек*, *мурза*, *шах* и др., позже вошел в состав личных имен. Имена дочерей князя Семиградья (Трансильвании) Дьюлы — *Шаролту* и *Каролду*, — объясненные Мелихом как «горностай» (<*шар* 'белый', *кара* 'черный' и *алда* // *алта* 'соболь') [29], мы считаем образованными из прилагательных *шар* 'белый', *кара* 'черный' и термина älti. Таким образом, получится «черная госпожа» и «белая госпожа». Возможно, их так нарекли из-за цвета волос или по другим внешним признакам.

5.24. حاجی xaǯi 'хаджи', имя собств. Довольно большая группа имен имеет при себе слово титульного характера «хаджи» <араб. حجّة 'паломничество, посещение святых мест'. Данный титул прибавлялся только к именам тех лиц, которые совершили паломничество в Мекку, а также, возможно, и к именам купцов, побывавших там, например: Soh xaǯi [t, 125] 'Сох-хаджи', xaǯi Bu [?, 82] 'Бу-хаджи', Isbäl xaǯi [t, 10] 'Исбель-хаджи', xaǯi Xösäjin bek [?, 171] 'Хусаин-бек хаджи' и др.

Этот титул не был потомственным. На одном надгробье, например, зафиксировано, что Ахмед сам носил титул «хаджи» [t, 135], но ни его отец, ни дед не совершали хадж и поэтому при их именах данного титула нет.

Подобно другим титулам, «хаджи» также может употребляться в качестве имени собственного: Ašlï oulï Xaǯi [t, 26] 'Хаджи, сын Ашлы', Jusuf oulï Xaǯi [t, 58] 'Хаджи, сын Юсуфа', Xaǯï-älči [?, 169] 'госпожа Хаджи'.

5.25. خواجه χoǯa 'ходжа, хозяин, господин'. В Волжской Булгарии, по всей видимости, данный титул носили феодалы вообще, без четкой дифференциации — землевладельцы, обладатели мастерских и т. д. Среди зафиксированных в памятниках имен, рядом с которыми стоит титул «ходжа», нет ни одного, чтобы при нем был еще какой-нибудь другой титул. Видимо, представители этого сословия, хотя они также относились к числу привелигированных, не были связаны с высшими слоями об-

[29] См. об этом работу Ю. Немета (1963, 132).

щества, например: χоǯа Ахmäd [t, 107] ‘Ахмад-ходжа’, χоǯа Bajram [t, 104] ‘Байрам-ходжа’, Ar χоǯа [t, 215] ‘Ар-ходжа’ и др.

Титул «ходжа» при сохранении владений и имущества переходил из поколения в поколение, напр., Amat χоǯа oulï Хäsän χоǯа [t, 103] ‘Хасан-ходжа, сын Амат-ходжи’.

5.26. حوم xum ‘потомок бывшего раба’ (?) На основе сохранившегося в одной чувашской сказке выражения *хăрхăм*, которое В. Г. Егоров (1954, 43) [30] этимологизировал как «девушка-рабыня», исследователи булгарских эпитафий находили в памятниках слово с тем же значением (Юсупов 1960, 78; Федотов 1965, 45 и др.).

Булгарское выражение هيرحوم обычно расчленяют на هير hir ‘девушка, дочь’ + حوم xum ‘рабыня, служанка’, ср. др.-тюрк. küŋ ‘рабыня, служанка’ (ДТС, 328). Однако прежде чем говорить о семантике этого мнимого сложного слова, необходимо выяснить, действительно ли هير حوم = др.-тюрк. qïrqïn ‘невольница, наложница’ (ДТС, 446).

Толкование слова حوم < küŋ ‘рабыня, служанка’ с фонетической точки зрения не вызывает противоречий. Однако оно со словом هير не составляет сложного слова. Оба они являются отдельными, самостоятельными лексическими единицами. Данный тезис подтверждается надписями, где проставлены некоторые диакритические знаки: ср. جَلوِ هِيرِ حوُم افخ التى Žälwi hiri xum Afaχ-älti [t, 162] ‘Дочь Джалви, хум госпожа Афах’. Если рассматривать в контексте, то следует перевести как «дочери Джалви, хума госпожи Афах».

Другая надпись, где термин «хум» уже приведен рядом со словом «сын», гласит следующее: ممات اول حوُم حَلوِچ Mämät oulï xum Хälwič [t, 155] ‘Сын Мамата, Халвич-хум’. Таким образом, как и принято в эпиграфических надписях, в тексте сначала сообщается, чьим сыном или дочерью являлся (или являлась) погребенный (или погребенная), только после этого приводится термин «хум». Он может стоять после слов «сын» или «дочь». При таких обстоятельствах вариант перевода как ‘девушка-рабыня’ отпадает.

Как мы видели выше, «хумом» могла быть какая-нибудь госпожа [t, 162], а также дочь дружинника [t, 84], дочь иноземца, носящая, кстати, титул «хаджи» [t, 87], и, что любопытно, мужчина, носящий титул «хаджи» [t, 12, 163].

Хотя исторические источники мало что говорят о социально-политической жизни Волжской Булгарии, вполне уверенно можно утверждать факт наличия там рабов в домонгольский период

---

[30] До него данное слово в своем словаре отметил Н. И. Ашмарин (1941, 364—366), где привел и другие варианты: *хăрхăм* ∞ *хăрхăн* ∞ *хăрхăр* ‘рабыня, негодяй’, имя собст.

(Смирнов 1955, 42), а в золотоордынский период — лишь предположительно. Если даже и были рабы в этот период, они должны были существенно отличаться от таковых более раннего периода. Каменные плиты никак не могли поставить над умершими рабами, в каком бы положении они ни находились. Противоречит этому и структура надписей: кроме титулов «хаджи» и «госпожа», которые рабам никак не свойственны, в них приводятся имена не только отцов, но и дедов, полностью ставится дата смерти. А ведь кроме этой категории надписей имеются и такие, в которых упоминаются лишь имена умерших, их родителей и приведена «жалобная формула». Дата смерти, генеалогия отсутствуют, хотя надгробья и поставлены над рядовыми булгарами.

На основе всего этого можно сделать вывод, что «хум» в булгарских эпитафиях и понятие «рабыня, невольница» не тождественны.

У Абу-Хамида ал-Гарнати, писавшего о стране хазар, приводится выражение امهات الاولاد 'невольницы-матери'. Издатели выборок из трудов этого восточного автора О. Г. Большаков и А. Л. Монгайт (1971, прим. 43, с. 67) сообщают следующее: «Невольницы, родившие ребенка от хозяина, они занимали более высокое положение, чем другие невольницы: не могли быть проданы, подарены и т. д., а после смерти хозяина становились свободными». А не являются ли булгарские «хумы» потомками тех, которые родились от хозяина и невольницы? Впоследствии они могли и совершить паломничество в Мекку, и заключить брак с людьми высшего сословия.

Если вышесказанное верно, то написание مَارخُوم marïχum [t, 49] можно толковать как 'хум-марийка', хотя его можно принять и за مرحوم < араб. مَرْحُوم 'тот, кому проявлено милосердие, покойный, умерший'. Однако, учитывая наличие огласовок всех слов, четкое каллиграфическое письмо, трудно представить, что резчик допустил ошибку. Тем более на обратной стороне камня имеется прекрасно выполненная арабская редакция данного же текста.

Следовательно, жена Хусаина, госпожа Чекер, могла быть дочерью аристократа Османа Булгарского и неизвестной марийки. Однако все это не может считаться окончательно решенным и требует дополнительных изысканий и доказательств как в историческом, так и в лингвистическом аспектах.

5.27. В памятниках зафиксированы также титулы, являющиеся пережиточными, архаичными для булгар. Они, очевидно, когда-то употреблялись в качестве титулов, но в XIII—XIV вв. по разным причинам стали применяться как личные имена или компоненты сложных имен. К таковым относятся: ämir 'эмир, правитель, военоначальник', mälik 'правитель, князь', šah 'шах, государь', šäjex 'шейх, глава племени, духовный вождь'. Лишь последний термин, возможно, в то время еще не совсем вышел из употребления.

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ

5.28. وافات wafat ~ وفات wafat 'кончина, смерть'. В булгарских эпитафиях при сообщении о смерти во всех случаях, когда не применяются слова säfär и rixlät, употребляется арабское заимствование وَفَاةٌ 'смерть, кончина'. Видимо, существовал и его тюркский синоним, образованный от глагола öl- 'умереть', о чем говорит в одном памятнике зафиксированная форма ölti 'он умер'. Но такое образование пока в текстах эпитафий не зафиксировано.

5.29. پسفر säfär 'перемещение, удаление'. В текстах это слово зафиксировано в составе устойчивого выражения säfär ṭonrï 'переместился, удалился, переселился' и также является заимствованным из араб. سَفَرٌ 'путешествие, поездка, проезд, рейс'.

5.30. رحلت rixlät 'перемещение, удаление'. Оно входит в один синонимический ряд со словом säfär и также заимствовано из арабского языка: رِحْلَةٌ 'путешествие, экскурсия, поездка'.

5.31. هجرة hiǯrät 'хиджра, начало мусульманского летосчисления'. В 622 г. Мухаммед переселился из Мекки в Медину, и этот год считается началом мусульманского летосчисления по лунному календарю. Арабское слово هِجْرَةٌ 'переселение, эмиграция' легло в основу наименования летосчисления. Так как эпитафии написаны ритуальным «священным языком корана», даты даются в них по хиджре.

5.32. دنيا dön'ja 'мир, свет' — заимствовано из арабского языка, ср. араб. دُنْيَا 'свет, мир, мирская жизнь'. В памятниках обычно употребляется в устойчивом сочетании fani dön'ja 'мир бренный, преходящий'.

5.33. تاريخ tariχ 'дата, летосчисление' — также заимствовано из арабского языка, ср. араб. تَارِيخٌ 'дата, история'. Обозначение даты смерти обычно начинается со слов «тарих» или «хиджра».

НАЗВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ (ГЛАГОЛЫ)

Специфика эпиграфических текстов предполагает употребление довольно ограниченного числа глаголов. Это, в первую очередь, глаголы движения: بَر bar- 'идти, ехать', كوچ köč- // كولچ kölč- 'переселяться, передвигаться'; вспомогательные глаголы بال // بَل bol- и др. Они все являются корневыми глаголами и относятся к общетюркскому фонду.

5.34. بَر bar- 'идти, двигаться, ехать'. Этот глагол по своему лексическому значению выражает перемещение субъекта в про-

странстве и является общетюркским: ср. др.-тюрк. bar- 'идти, отправляться, ходить, бродить', тур. varmak 'приходить, прибывать, доходить, достигать, отправляться', уйг., турк., казах., кирг., ног. ккалп., тат., башк. *бар-* 'идти, ехать, продолжаться', чув. *пыр-* 'идти, ехать, длиться, продолжаться', узб. *бормоқ* 'идти, пойти, ехать, ходить, посещать, достигать' и т. д.

5.35. بط baṭ- 'погружаться, уходить'. Первая графема данного слова в памятниках обозначена не совсем четко и поэтому некоторые исследователи читали его как يط jaṭ- 'лежать, находиться, ложиться, пребывать'. Соответственно оно переводилось то глаголом 'лежать' (Калинин 1948, 101), то существительным 'начало пребывания' (Юсупов и Хисамутдинов 1951, 70—71). Однако, по религиозным представлениям, после смерти человек из мирской жизни п е р е с е л я е т с я в мир вечности, а не ложится туда. Таким образом, вернее будет данное слово читать с начальным b-. С точки зрения палеографии, в памятниках, в которых исследователи интересующее нас слово читали с начальным j-, наличие этой буквы доказать трудно: в текстах точки совсем не проставлены или они не заметны. А снимки, приведенные в публикациях, испорчены грубой ретушью.

Заслуживает внимания предположение О. Прицака (Pritsak 1959a, 300): بط состоит из بر и согласного -ط-, который сам по себе является начальной буквой аффикса прошедшего категорического времени. Следовательно, основой глагола является вышеупомянутая форма bar-, где перед t конечный согласный -r закономерно выпал: ср. булг. äti < ärti 'было'.

5.36. كوچ köč- // كولچ kölč- 'переселяться, передвигаться'. По исчезновению элемента -l- форма köč- является сравнительно новой. Однако наличие в памятниках этих форм в пределах одного диалекта говорит об их параллельном употреблении, ср. كوجروى [t, 166] и كجروى [ʒ, 190] köčre < koč-re 'он переселился' ~ كولجصر [t, 179, 208] kölčṣar < kölč-ṣar 'переселившись'.

Сочетание lč в тюркских языках в одних случаях сохраняется, в других — переходит в š (в чувашском — в ç), а в монгольском закономерно отражается как lč (lǯ), что говорит о сохранении более древнего состояния (Поппе 1924, 43—44), например: ср. др.-тюрк. qïlïč 'сабля' (ДТС, 292), тат. *кылыч*, чув. *хĕç* — то же; монг. *илжиг // илжгэн* 'осел', тат. *ишәк*, чув. *ашак* — то же.

5.37. ول öl- 'умереть'. Данный глагол зафиксирован в древнетюркских текстах и относится к общетюркскому словарному фонду. Для языка памятников более типично аналитическое сочетание wafat bolṭï 'он умер, скончался' < араб. وفاة 'смерть, кончина' + вспомогательный глагол bol- 'быть' + афф. -ṭï. Зафиксированная на одном памятнике форма öl- составляет с ним один синонимический ряд.

5.38. ط it- 'быть, делать, исполнять'. Применение данной формы в булгарских эпитафиях подробно исследовано О. Прицаком (Pritsak 1959a, 298), который установил, что по отношению к слову «делать» тюркский ареал в XI в. делился на две области: на западе употребляли форму it- или itin-, а на востоке — qil-. Булгары же находились в постоянном контакте с западными тюрками.

В булгароязычных надписях форма it- зафиксирована в качестве вспомогательного глагола. Ср. Allah räxmät itïnïm! [?, 197] 'Пусть бог сжалится!'

5.39. طن ton- 'уходить'. В текстах это слово является глагольным членом аналитической модели сложного глагола в сочетании со словами säfär 'перемещение, удаление' и rixlät — то же. Таким образом, оно выражает процесс движения, и сложный глагол, в составе которого употребляется данное слово, выступает синонимом непроизводного глагола köč- // kölč- 'переселяться'.

Насколько нам известно, глагол ton- в современных тюркских языках Поволжья не зафиксирован. Лишь в нурлатском говоре среднего диалекта татарского языка есть слово *тон-* 'уходить, уходить прочь' (ТТДС, 418). Возможно, оно является реликтовым.

5.40. بَل // بال bol- 'быть'. В надписях этот глагол выступает в двух функциях: 1) является вспомогательным глаголом, например wafat bolïï 'он скончался, умер'; 2) употребляется в самостоятельном значении, например wafatï bolïï 'его смерть была' [31].

[31] Названия качеств и счета, из-за их довольно подробного рассмотрения в разделе морфологии здесь не приводятся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ текстов свыше двухсот эпитафий волжских булгар с учетом графических особенностей передачи тюркских слов на базе арабского алфавита позволил довольно полно описать графо-фонетическую структуру, фонетические и лексические особенности языка надписей.

В работе основное внимание было уделено фонетической стороне вопроса, выяснению качественного состояния отдельных графем. При этом было выявлено, что метод передачи тюркских звуков имел много схожего с принципами письма древних уйгуров: при отсутствии более или менее адекватной графемы звук изображался сочетанием нескольких знаков, включая и диакритику. В этом отношении характерны звуки o, ö, ė, переданные в тексте сочетаниями арабских букв йа+алиф (=ė) и вав+ +алиф (=o, ö).

В языке надписей выделяется девять графо-фонем. Обращает на себя внимание наличие палатально-велярной гармонии, губная гармония же встречается лишь спорадически в отдельных примерах.

Из-за большой фонетической сложности отдельные слова приходилось восстанавливать по аналогии со схожими словами родственного волжско-булгарскому языку современного чувашского языка, который, однако, прошел длительный путь развития и пополнился новыми явлениями во всех сферах языка. Но это ни в коей мере не означает, что элементы, присущие современному чувашскому языку, обязательно должны быть и в языке булгарских памятников. Так, например, совпадение некоторых явлений, которые имеются в чувашском языке, с аналогичными, по мнению ряда ученых, особенностями булгарского языка, подтвердилось лишь частично [1]. В текстах не зафиксированы: развитие протетического w- перед губными гласными, переход древнего a $>$ o $\sim$ u, изменение начального q- $>$ j-, оглушение анлаутного b-, отсутствия звука $\check{з}$.

---

[1] Фонетические приметы слов булгарского происхождения описаны в работе И. Г. Добродомова (1974а, 11).

Осторожно вовлекались в исследование тюркские заимствования венгерского языка, в которых проявляются довольно-таки ощутимые отличия в фонетическом аспекте. В этих заимствованиях не полностью выделены булгаризмы из общего числа тюркизмов.

Выделяя диалектные различия в большой массе булгарских эпиграфических текстов, мы все же отмечаем, что не все основные признаки диалектов были характерны для языка, применявшегося в повседневном общении, а лишь передаваясь по традиции из поколения в поколение, сохранялись у мастеров-резчиков. Насыщенный штампами, стандартными фразами и конструкциями, этот язык выполнял роль функционального языка, применяемого в текстах надмогильных плит.

Разговорный язык волжских булгар, по-видимому, не нашел отражения в эпитафиях. С начала образования разноплеменного государства в Среднем Поволжье появились объективные причины и условия для создания городского койнэ, например в г. Булгаре с его ремесленным производством, мастерскими, крупным торговым центром. В зависимости от территориально-экономических связей население более значительных городских центров оказывается в той или иной степени смешанным по своему происхождению, чем и обуславливается процесс диалектного взаимодействия при образовании койнэ (Десницкая 1970, 6). Видимо, на базе этого койнэ формировался общенародный литературный язык, на котором писали свои трактаты булгарские ученые и слагали стихи поэты. Наддиалектное койнэ в дальнейшем могло войти составным элементом в так называемый поволжский «тюрки». Именно с этим процессом, нам кажется, следует связать не только наличие в Булгаре довольно большого числа памятников на j-диалекте, т. е. на литературном языке того времени, но и памятников на других диалектах.

Изучение морфологии, из-за однотипности синтаксических конструкций, было несколько ограниченным. Все же в языке памятников употреблены направительно-местный падеж на -a, форма принадлежности 3-го лица ед. числа на -i // ï, -ü, -e, -si, имя прилагательное на -lü, порядковые числительные, образованные при помощи афф. -im // -em // -ïm и -či // -čï, деепричастные формы глагола на -sa и -ṣar, формы прошедшего категорического времени на -tï, -ti, -či и т. д.

В лексике памятников значительную группу составляют кыпчакские слова. Семантическая группа слов, обозначающая дни недели, показывает, например, тождество зафиксированных названий в памятниках и в некоторых западнокыпчакских, а также татарском, башкирском и чувашском языках, что объясняется сложным процессом контактирования языков булгаро-хазарского ареала.

Основной же словарный фонд надписей является общетюркским. К нему относятся главные лексико-семантические группы

слов, тысячелетиями употребляемые тюрками в повседневной жизни.

В надписях определенное место занимают арабские заимствования, явившиеся результатом влияния мусульманской культуры. Они в основном означают понятия, связанные с обрядом захоронения.

В настоящее время остро ощущается необходимость полного свода надписей волжских булгар с уточненным чтением, переводом и подробными филологическими комментариями, что не только явится важным источником для изучения истории языков урало-поволжского региона, но и будет иметь большое значение для всей тюркологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ФОТОГРАФИИ И ТЕКСТЫ ПАМЯТНИКОВ

Текст

١) هُو الحى الذى لا يمَوت

٢) مَمَّل] اول ... اول
٣) على زيارة الله رحمه

٤) عَلَيْهِ رَحمه واسعه فانى

٥) دُن يَادَانْ باقى اَجرَتَ رحلت

٦) طَمْسوي مُحَرَم ايْمِ فَان

٧) الطس كوَان دِارِنخ ٥

٨) الطجور طُجُر وان طحر

٩) جال اَت الموتُ

١٠) بابٌ وَ كُلُ

١١) اَلناس داخلُه

Транскрипция

1) Huwä-l-xäjji-l-läzi lä-jïmutu
2) Mäm[li] oulï. . . oulï
3) Gali zẻrati. Allahu räxmäti
4) gäläjhi räxmïtän wasigätän. Fani
5) dönjadan[1] baqi axirätä rixlät
6) ṭondï[2]: möxärräm ajχï on[3]
7) alṭïsï[4] kön, tariχa[5]
8) alṭï ǯür[6] ṭoχur on ṭoχur
9) ǯa°l äti. Äl-mäütü
10) babun wä küllü-
11) n-nasi daxilühü.

Перевод

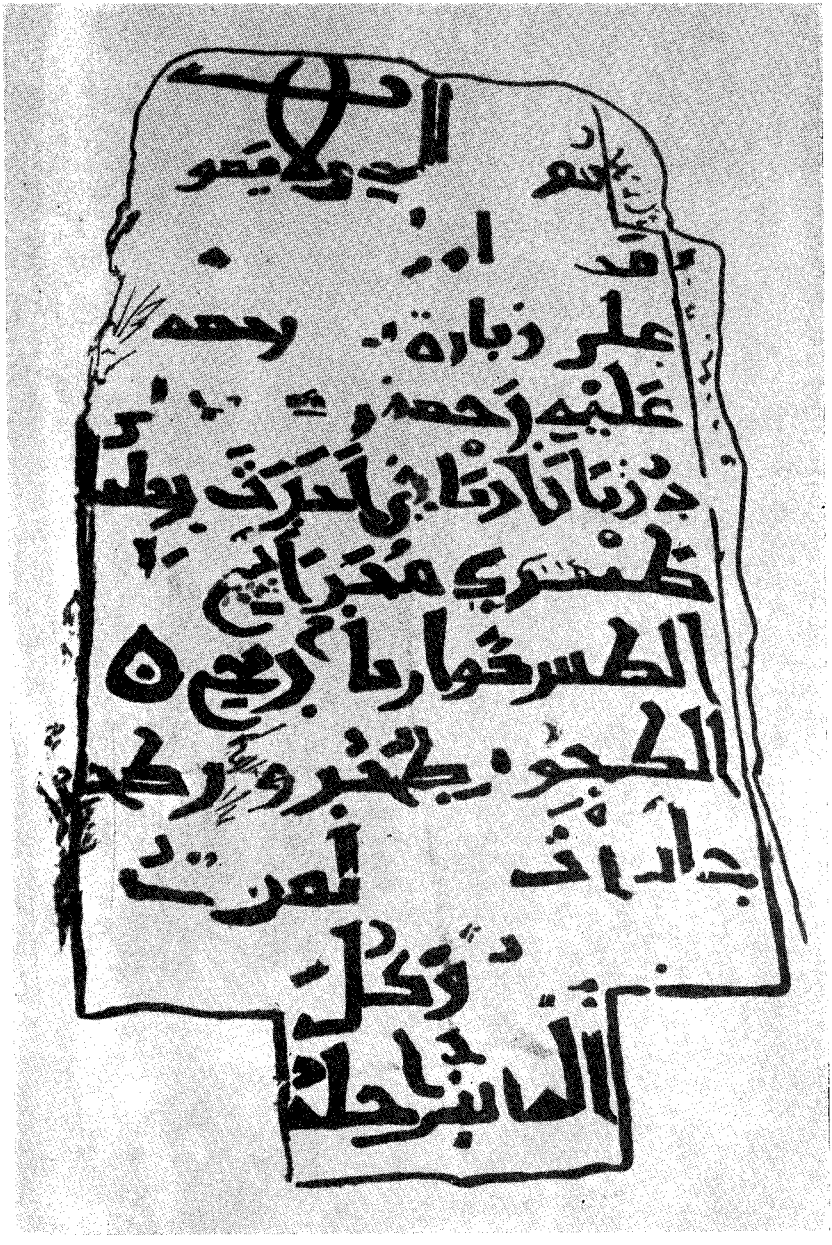
1) Он живой, который не умирает.
2) Мам[ли] сына. . . сына
3) Али место погребения. Да будет милость бога
4) над ним милостью обширною. Из тленного
5) мира в мир вечный потусторонний пересе-
6) лился: месяца мухаррам шесть-
7) надцать дней, по летосчислению
8) шестьсот девяносто девять
9) лет было. Смерть —
10) есть дверь и все
11) люди войдут в нее.

Примечания

Данное надгробье (размеры 194×52×20 см.) находилось в амвоне церкви «Успения», откуда было вынуто в 1971 г. Сейчас находится в хранилище Булгарского историко-архитектурного заповедника и нами было исследовано в 1973 г.

Текст написан булгарским куфи, в некоторых случаях отдельные несоединяющиеся буквы написаны слитно: 1. Очевидно, афф. исходного падежа -dan, а не -ran; 2. Мы здесь предполагаем -d, а не -r; 3. Здесь начальный вав написан слитно; 4. Возможно, здесь не син, а шин; 5. Последний знак неясен. Обычно его ставят в рукописях в конце фразы или предложения. Здесь мы читаем его как -a; 6. Здесь соединены два слова.

1. Памятник из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР (1299 г.)

Текст

١) الحكم لله العلى الكبير
٢) اِلياَس اَولِ اِسمَاعِيل
٣) اَولِ مُحَمد بَلوُيك
٤) رحمة الله عَلَيهِ رَحمَةً
٥) وَاسعَةً تَارِيخ جيات
٦) جُورِ اَلطِشِ جَال دُالقعد
٧) اَدِجِ اِشنَ اَجِ جَرمِسِن
٨) شِونَ بَرِبِس وَلِت

Транскрипция

1) Äl-xôkmü li-l-lahi-l-gälijji-l-käbiri.
2) Iljas oulï Ismagil [1]
3) oulï Möxämmäd bälükü.
4) Räxmätü-l-lahi gäläjhi räxmätän
5) wasigätän [2]. Tariχa [3] žėti [4]
6) žür [5] alṭïšï [6] ža°l [7] zu-l-qagidä [8]
7) ajχï [9] išnä [10] äči. Čärimsän [11]
8) šïwna barsa [12] ölti.

Перевод

1) Суд принадлежит богу всевышнему, великому.
2) Сына Илйаса Исмагила, (его)
3) сына Мухаммеда надмогильный знак.
4) Да будет милость бога над ним милостью
5) обширною. По летосчислению семь-
6) сот шестом году, в месяце зулькагида
7) было. В Черемсан
8) поехав, умер (т. е. утонул).

Литература

1) (текст) ١٣٣, ١٩٠٨ اخمارف
2) Ашмарин 1902, 95—96 (текст и перевод).
3) Юсупов 1963, 36 (текст и перевод).
4) Юсупов 1972, 52 (текст и перевод).
5) Róna-Tas—S. Fodor 1973, 166, № IV (приведены имена и булгарские слова).
6) Róna-Tas 1976, 153—186 (фото, текст, транскрипция, перевод на английский язык).

Примечания

Памятник имеет размеры 95×45×18 см, надпись врезанная, куфическая. Разночтения даются по работе Г. В. Юсупова (1972) — далее: Юс.: 1.У Юс. нет кесры под айном; 2.У Юс. под син нет точек и кесры, под айн точки, а над вав — фатхи; 3. Над та нет фатхи, а под ра — точки; 4. Над йа нет фатхи; 5. Юс. читает как جوز; 6. У джима нет точки и огласовки; 7. Алиф не огласован и под та нет точки; 8. Над первой буквой нет даммы; 9. Слово не огласовано; 10. Слово прочтено как إشب 11. Слово огласовано не полностью, а под ра и син нет точек; 12. Под ра и син не поставлены точки.

2. Памятник из с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР (1307 г.)

Текст

١) هُو الحَى الَذىِ لا يمُوتُ
٢) وَ كُلُ حَىٍ سَيَمُوتُ
٣) اَوْزَاز اَولِ وُرُمْ اَلبْ
٤) بَلُوِيكُ رَحمَةُ اَللهِ عَلَيهِ
٥) رَحمَةً وَاسِعةً دُنيَا رَان
٦) سِقَر طَنْرُوىِ تَارِيغَ
٧) جِيَاتِ جُوْرِ طِخُر جَال
٨) رَجَبْ اَيْغ وِذِم كُوَان
٩) اَت اَلمَوب باب
١٠) وكل الناس
١١) داخله

Транскрипция

1) Huwä-l-xäjji-l-läzi lä jämutu,
2) wä küllü xäjjin säjämutu.
3) Ouraz oulï Urum Alp
4) bälükü. Räxmätü-l-lahi gäläjhi
5) räxmätän wasigätän. Dönjaran
6) säfär ṭonrï : täriχa
7) ǯėti ǯür ṭoχïr ǯa^{o}l,
8) räǯäp ajχï onïm kön
9) äti. Äl-mäütü babun
10) wä küllü-n-nasi
11) däxilühü.

Перевод

1) Он живой, который не умирает,
2) а все живущее умрет.
3) Сына Ооураз, Урум-Алпа,
4) надмогильный знак. Да будет милость бога над ним
5) милостью обширною. Из мира
6) ушел: по летосчислению
7) семьсот девять лет,
8) раджаба месяца тринадцать дней
9) было. Смерть — дверь
10) и все люди
11) войдут в нее.

Примечания

Памятник имеет размеры 155×52×21 см, очень хорошей сохранности. Был найден в 1973 г. и сейчас хранится в Булгарском историко-архитектурном заповеднике.

3. Памятник из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР (1309 г.)

Текст

١) اعوذ بالله من الشيطان الرجيم
٢) بسم الله الرحمن الرحيم
٣) كل نفس ذايقة الموت
٤) ثم الين ترجعون
٥) تريخ جيت جور ون
٦) جال ات راحز اول
٧) . . . . .

Транскрипция

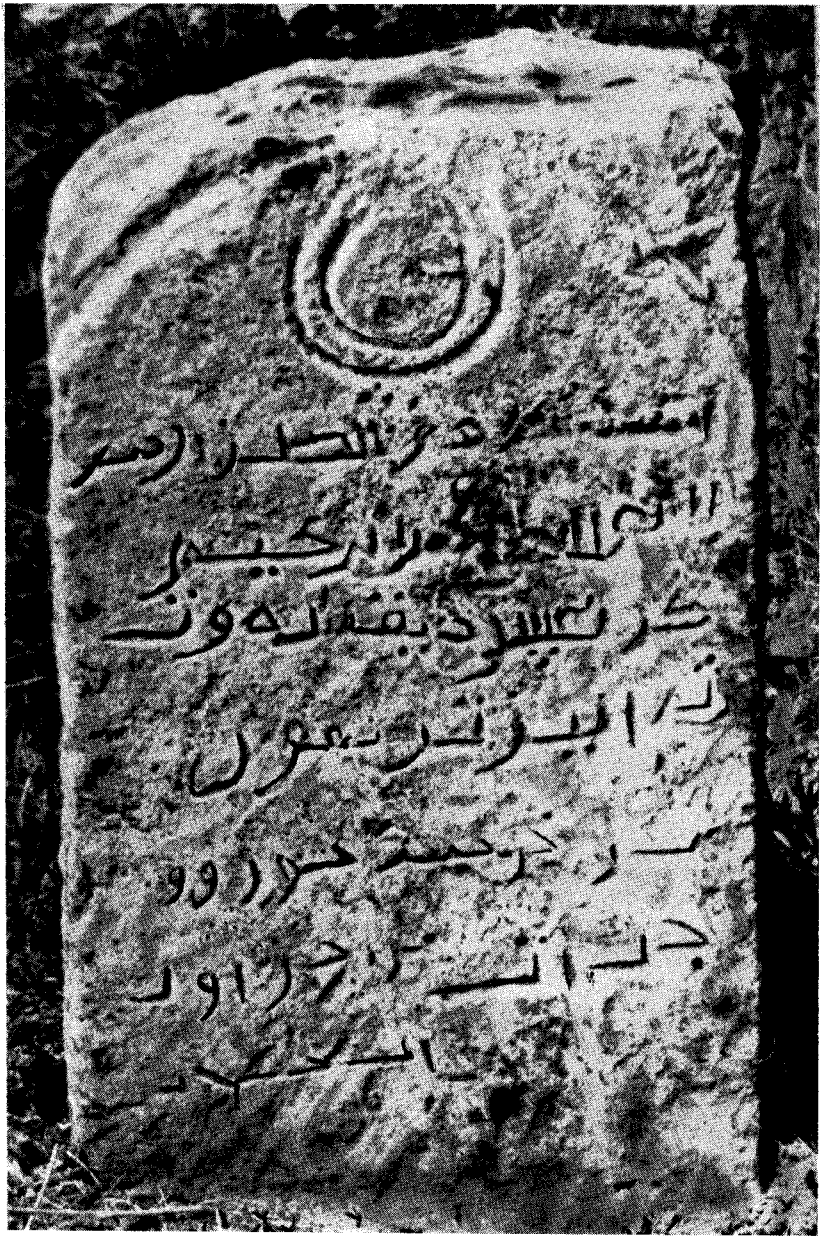
1) Äguẓu bi-l-lahi miu-äš-šajṭani -r-raǯim,
2) bismi-l-lahi-r-räxmani-r-raxim.

3) Küllü näfsiu ẓajiqatü-l-määüti,
4) ṣümmä iläjna turǯägunä.
5) Täriχ ǯite ǯür on
6) ǯa°l äti. . . .-r-a-ǯ ?-z oulï
7) . . . . . .

Перевод

1) Я спасаюсь от проклятого шайтана
2) с именем бога милостивого, милосердного.
3) Всякая душа вкусит смерть,
4) после вы вернетесь к нам.
5) По летосчислению семьсот десять
6) лет было. . . . сына
7) . . . . . .

4. Памятник близ с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР (1310 г.)

Текст

١) الحكم لله العلى الكبير
٢) يعقوب اول يونس
٣) اول اسماعل اول اسد
٤) اول ادو اوال حسين دلوى
٥) ك رحمه الله عليه رحمه
٦) واسعه تاريخ حنات
٧) حور ون حماسى حال اب

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi-l-galijji-l-käbiri.
2) Jaqqup oulï Junus[1]
3) oulï Ismagil oulï Äs'id
4) oulï Aju[2] oulï Xös'ijin balü-
5) kü. Räxmätü-l-lahi gäläjhi räxmätän
6) wasigätän. Tariχ ǯéti
7) ǯür on ǯétisi ǯa°l äti.

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу всевышнему, великому.
2) Сына Якуба, Юнуса, (его)
3) сына Исмагила, (его) сына Асада, (его)
4) сына Аю, (его) сына Хусаина надмогильный
5) знак. Да будет милость бога над ним милостью
6) обширною. По летосчислению семь-
7) сот семнадцать лет было.

Литература

(1) *Н. И. Ашмарин.* Болгарские надписи, найденные около села Тукмакла. «Изв. об-ва исследования и изучения Азербайджана». Баку, 1928, № 5, с. 16—17 (текст и перевод).
2) Юсупов 1963, 70 (текст и перевод).
3) Булатов 1967, 203 (текст, чтение и перевод).
4) Róna-Tas—S. Fodor 1973, 167, № X (авторы перечисляют булгарские слова).

Примечания

Памятник имеет размеры 142×63×22 см, надпись врезанная, куфическая, довольно хорошей сохранности. Разночтения: 1. Это имя Юсупов читает как Джунс, Булатов—Хусейн, а Ашмарин—Юнус; 2. Юс. читает как Аху или Ахау, Бул.—Абу, Ашм.—Абу (Аю), А. Рона-Таш и Ш. Фодор предлагают свои варианты — соответственно Хас и Абу.

5. Памятник из с. Барское Енорускино Аксубаевского р-на ТАССР (1317 г.)

Текст

١) . . . . . .
٢) . . . سمو
٣) ت اپسب حمر حم
٤) جو التِ بلو
٥) ی‌كُ رحمه الله
٦) علیه رحمه واسعه
٧) وفات بلطوی تار
٨) یخ جیات جور ون
٩) سكر جال ات

Транскрипция

1) . . . . . .[1]
2) . . . . . säjämu-
3) tu. Äsbi[2] xiri xum[3]
4) Žu-älti bälü-
5) kü. Räxmätü-l-lahi
6) gäläjhi räxmätän wasigätän.
7) Wafat boltï: ta-
8) riχ žėti žür on
9) säker ža°l äti.

Перевод

1) . . . . . .
2) . . . . . ум-
3) рет. Асби дочери, хума
4) Джу-элти, надмогильный
5) злак. Пусть будет милость бога
6) над ним (!) милостью обширною.
7) Скончалась: по ле-
8) тосчислению семьсот восемнад-
9) цать лет было.

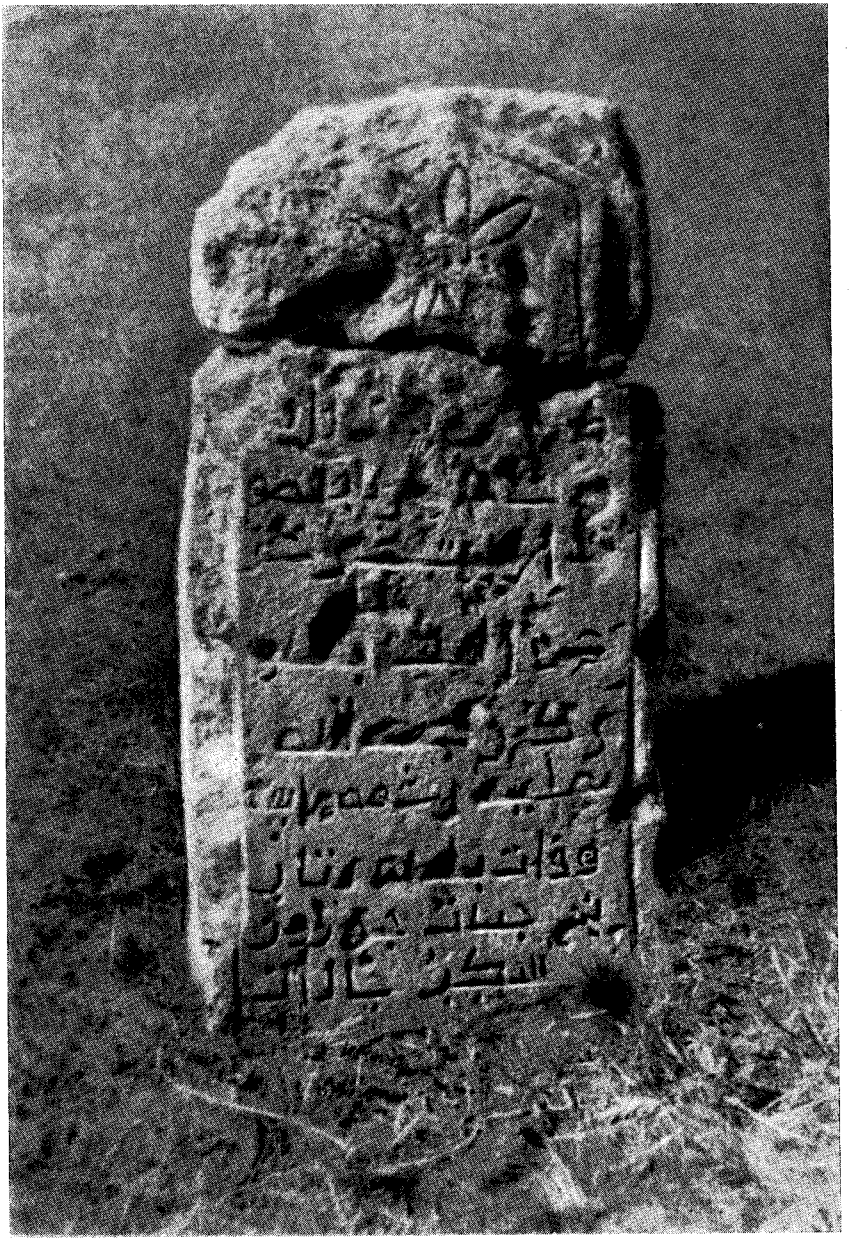
Литература

1) Юсупов 1963, 25 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры 95×64×23 см, надпись сильно испорчена. Верх плиты отбит, хотя по типологии текст можно было бы и восстановить. Разночтения: 1. Юс. на этой строке приводит слово [هو]; 2. Юс. это имя читает как داسب. По нашему мнению, начальная графема — t, и она будет последней буквой слова предыдущей строчки; 3. Данный термин Юс. читает с начальным h-.

6. Памятник близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР (1318 г.)

Текст

١) هو الحي الذى لا يموت
٢) وَ كُلُ حَى سيمُوت
٣) حماد اوا[حسن اول
٤) محك اول الحمد بلوىك
٥) رحمه الله عليه ر
٦) جمه واسعه وفات
٧) دلطوى داردج حساب
٨) حور حمارمس حال
٩) اب

Транскрипция

1) Huwä-l-xäjji-l-läẓi lä jämutu
2) wä küllü [1] xäjjin [2] säjämutu [3].
3) Xämad ou[l]ï Xäsän oulï
4) Mäčkä [4] oulï Äl-xämad bälükü.
5) Räxmätü-l-lahi gäläjhi rä-
6) xmätän wasigätän. Wafat
7) bolṭï: tariχ [5] ǯéti [6]
8) ǯür ǯermisi [7] ǯa°l [8]
9) äti.

Перевод

1) Он живой, который не умирает,
2) а все живущее умрет.
3) Сына Хамада, Хасана, (его)
сына
4) Мэчкэ, (его) сына Аль-хамада
надмогильный знак.
5) Да будет милость бога над ним ми-
6) лостью обширною. Скон-
7) чался: по летосчислению семь-
8) сот двадцатый год
9) был.

Литература

1) Юсупов 1963, 26 (текст и перевод).
2) Юсупов 1972, 50 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры 110×50×22 см, надпись врезанная, куфическая. Разночтения даются по работе Юсупова (1972): 1. У Юс. огласовки отсутствуют; 2. Не поставлена фатха; 3. Нет даммы; 4. Юс. под джим поставил три точки; 5. У Юс. поставлены все точки; 6. Юс. здесь приводит написание حا; 7. Пропущена вторая буква — йа. 8. У Юс. слово отсутствует.

7. Памятник близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР (1320 г.)

Текст

١) الْحُكمُ لله العلىّ
٢) الكبير ... تعليمَن
٣) اول يَعقُوب ...
٤) هِيرِ ..... رَي
٥) رَحْمَةُ اللّه رَحْمَه واسعهُ
٦) وَفَط بَنْطُيّ تَأْرِيخْ جيَاةِ
٧) جَور حيارم وُجم جل اج . . .
٨) اخْرَ ايّج ... دسلم كو
٩) ن اج

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi -l-gälijji
2) -l-käbiri..... Täglimän[1]
3) oulï Jagqup[2]...
4) hiri ... räj
5) Räxmätü-l-lahi räxmätän wasigätän.
6) Wafaṭ[3] boltïi[4] ta'riχ ǯëti[5]
7) ǯör ǯërme[6] üčüm[7] ǯïl[8] äči...
8) aχirä[9] ajχï ... bilem kön
9) äči.

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу всевышнему,
2) великому... Таглимана
3) сына, Якуба, (его)
4) дочери ... рай
5) Да будет милость бога милостью обширною.
6) Скончалась: по летосчислению семь-
7) сот двадцать третий год был, ...
8) второй (?) месяц, пятый день
9) был.

Литература

1) Юсупов 1963, 22—23 (текст и чтение).

Примечания

Памятник имеет размеры 130×63×25 см, надпись рельефная, некаллиграфическая, текст написан с ошибками. Разночтения: 1. У Юс. нет точек под йа; 2. В тексте над айн поставлена дамма, у Юс. ее нет; 3. У Юс. отсутствует фатха над фа; 4. Юс. читает بَلَطِي; 5. Юс. пропустил точку под джим; 6. Юс. не читает; 7. То же самое; 8. Отсутствует точка под джим; 9. Отсутствует точка под ра, и алиф не огласован.

8. Памятник близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР (1323 г.)

Текст

١) الحكم لله ... رت
٢) اَولِ حوم رجب رنا
٣) رەى رحمه الله
٤) عليهَ ...كم دلطوى
٥) تاريخ جيات حور
٦) حمرمَ توتم حال
٧) ... ات

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi... r-t[1]
2) ouli[2] xum[3] Räǯäp zė-
3) räti. Räxmätü-l-lahi

4) gäläjha[4]... k-m[5] bolṭï
5) tariχ ǯėti ǯür
6) ǯirmä tötem ǯa°l
7) ... ati.

Перевод

1) Верховный суд бога. ... р-т
2) сына, хум Раджаба, место
3) погребения. Да будет милость бога
4) над ним. ... к-м скончался:
5) по летосчислению семьсот
6) двадцать четвертый год
7) ... было.

Литература

1) Юсупов 1961, 54—55 (текст и перевод).

Примечания

Надгробье имеет размеры 85×38×14 см, надпись врезанная, куфическая. Разночтения : 1. Юс. восстанавливает как سدت, однако не читает; 2. Отсутствует диакритика; 3. У Юс. нет даммы; 4. В тексте имеется фатха над последней буквой; 5. Юс. реконструирует как دلم, но не переводит. Очевидно, это какое-то новое булгарское слово.

9. Памятник из с. Старое Казеево Камско-Устьинского р-на ТАССР (1323 г.)

Текст

١) الحُكم لله العلى الكبير
٢) توحج اِسما عِيل اول
٣) اِسحٰق اول ابرٰاهيم
٤) [هيرا] فاطِمةً بَلوى كُ
٥) تاريخ جيّات جُوِ
٦) جيرم تواتم جل شوَا
٧) لا ايخ اتِ رحمة الله
٨) [عليها رحم]ة واسعة

Транскрипция

1) Äl-xökmü [1] li-lahi-l-gälijji [2]-l-käbiri.
2) Tuxči Ismagil [3] oulï
3) Isaχ oulï Ibrahim [4]
4) [hiri] Faṭima [5] bälükü.
5) Tariχ [6] žėti žür [7]
6) žirme tötim žïl šäwwä-
7) lä ajχï äti. Räxmätü-l-lahi
8) [gälïjha räxma] tän [8] wasigätän.

Перевод

1) Суд принадлежит богу всевышнему, великому.
2) Сына Тухчи Исмагила,
3) Исаха, (его) сына Ибрагима
4) [дочери] Фатимы надмогильный знак.
5) По летосчислению семьсот
6) двадцать четвертый год, шавваль
7) месяц был. Да будет милость бога
8) [над ней ми]лостью обширною.

Литература

1) Юсупов 1963, 49 (текст и перевод).
2) Юсупов 1972, 54 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры 120×58×21 см, надпись рельефная, полукуфическая. Разночтения даются по работе Юсупова (1972): 1. У Юс. отсутствует сукун; 2. Не поставлена точка под айн; 3. Нет точек под син и айн; 4. Нет точки под ра и кесры под ha; 5. Отсутствует точка под ṭa; 6. Отсутствует точка под ра; 7. Юс. читает как حُوب; 8. Эти два слова у Юс. отсутствуют.

10. Памятник из с. Ямбухтино Куйбышевского р-на ТАССР (1324 г.)

Текст

١) الحكم لله العلى الكبير
٢) عثمان اول عيسى زيار
٣) تى رحمة الله عليه
٤) رحمة واسعة تاريخ
٥) جيات حور حمار توا
٦) تم حال ذى لحه
٧) ايغ ون سكر كوان
٨) ات

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi-l-gälijji-l-käbiri.
2) Goşman[1] oulï Gäjsä zérä-
3) ti. Räxmätü-l-lahi gäläjhi
4) räxmätän wasigätän. Tariχ[2]
5) žéti žür žérme tö-
6) tim ža^{o}l, zü-l-xižžä
7) ajχï on säker kön
8) äti.

Перевод

1) Верховный суд принадлежит
2) богу всевышнему, великому.
3) Сына Османа, Айси, место погре-
4) бения. Да будет милость бога над ним
5) милостью обширною. По лето-
6) счислению семьсот двадцать четвер-
7) тый год, зульхиджа месяца восемнадцать дней
8) было.

Литература

1) Юсупов 1963, 6 (текст и перевод).

Примечания

Надгробье имеет размеры 125×53×25 см, надпись врезанная, куфическая. Разночтения: 1. У Юс. отсутствует фатха; 2. Отсутствуют точки под йа и над ха.

11. Памятник из с. Сухие Курнали Алексеевского р-на ТАССР (1324 г.)

Текст

١) الحكم لله اَلعلى الكبير
٢) حَاجى حُسَيين اَول حوُم
٣) عُمَر حَاج بَلوُيكُ رَحمَة الله
٤) عَلَيه رَحمَةً وَاسِعهٔ وَفَا
٥) تُ بَلطوُق تَارِيخُ جَيات
٦) جوُر جِيرم اَلِشِ جَال
٧) صَفَر اَيِج جيرم اَلطِشِ
٨) كوُان اَتِ

Транскрипция

1) Äl-hökmu li-l-lahi-l-gälijji-l-käbirı.
2) Xaǯi Xösäjin oulï xum
3) Gömär[1] xaǯi bälükü. Räxmätü-l-lahi
4) gäläjhi[2] räxmätän wasigätän[3]. Wafa-
5) tu[4] bolţï[5]: tariχu[6] ǯéti[7]
6) ǯür ǯirme alţïšï ǯa°l
7) ṣafar[8] ajχï[9] ǯirme alţïšï
8) kön äti[10].

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу всевышнему, великому.
2) Хаджи Хусаина сына, хум
3) Омара-хаджи, надмогильный знак. Да будет милость бога
4) над ним милостью обширною. Его смерть
5) наступила: по летосчислению семь-
6) сот двадцать шесть лет,
7) сафара месяца двадцать шесть
8) дней было.

Литература

1) Юсупов 1963, 7 (текст и перевод).

Примечания

Памятник находится на сельском кладбище и имеет размеры 108×50×18 см. Надпись выполнена довольно красивым булгарским куфи и снабжена диакритическими знаками. Нами была исследована в 1973 г. Разночтения: 1. У Юс. нет точки под начальной буквой; 2. То же самое; 3. Отсутствует точка под айн; 4. Не отмечена дамма; 5. Нет точки под та; 6. Отсутствует дамма; 7. Не указана кесра под последней графемой; 8. Отсутствует точка под ра; 9. Не отмечена кесра; 10. Отсутствует фатха.

12. Памятник из с. Сухие Курнали Алексеевского р-на ТАССР (1325 г.)

Текст

١) هُو الحيّ الذى لَا يَمُوت
٢) مُون بُلَرْ بَالِم اَرْ اَحمد
٣) يوُارِي اَولِ يوُسُف يوُا
٤) رِي هير عَفيفه ذَاهِدَه
٥) كُهَرَ بَلوُيكُ رَحْمَةًا
٦) للّه عَليهَا رَحْمَةً وَاسِعَةً تَار
٧) يِحَ جيات جوَرَ وَ وطر جال
٨) رَبيع الأوَل اح . . . . . .

Транскрипция

1) Huwa[1]-l- xäjji[2] -l-läzi lä[3] jämutu[4]
2) Mün-Bülär Balim är Äxmïd-
3) jöri[5] oulï Jusuf[6] -jö-
4) ri[7] hiri gäfifätün, zahidätün
5) Kühärä[8] bälükü[9]. Räxmätü[10] -l-la-
6) hi gäläjha[11] räxmätän wasigätän[12]. Ta-
7) riχa[13] žäti žür wä[14] oṭur ža°l[15]
8) räbigü[16] -l-äwwäli ajχï . . .

Перевод

1) Он живой, который не умирает.
2) Мюн-Бюляр Балимарца Ахмеда-
3) йори сына, Йусуфа-йори, (его)
4) дочери, добродетельной, набожной
5) Кюхери надмогильный знак. Да будет милость бо-
6) га над ней милостью обширною. По лето-
7) счислению семьсот и тридцать лет
8) раби I месяца]. . .

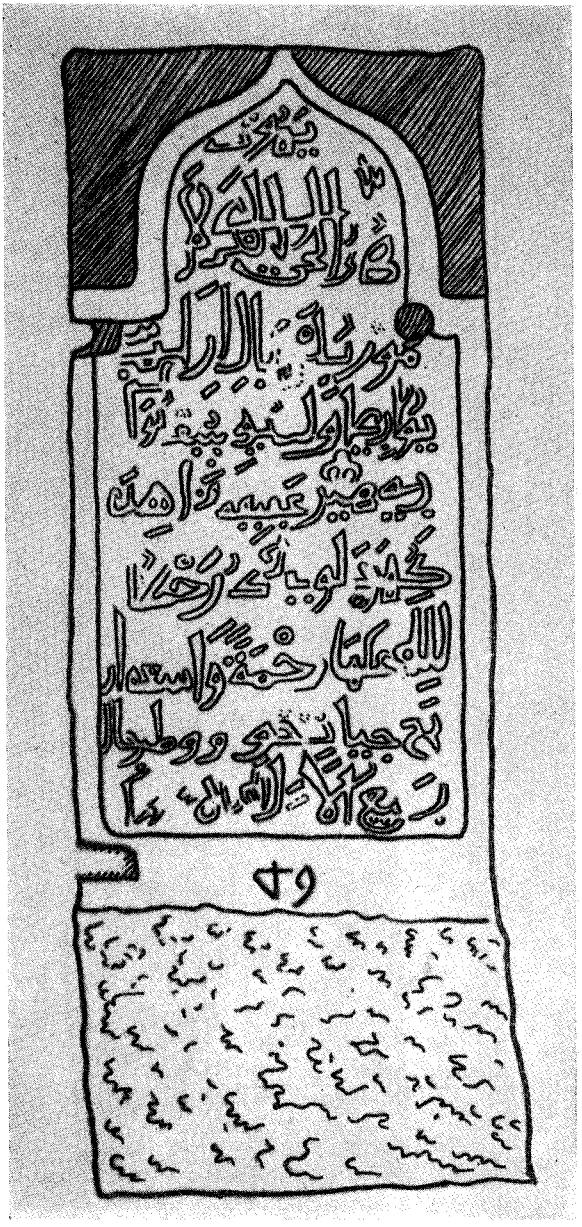
Литература

1) *И. Березин.* Булгар на Волге. «Уч. зап. Имп. Казанского ун-та». Казань, 1852, кн. 2, с. 128, № 24 (текст, перевод).
2) Ашмарин 1902, 86 (текст и перевод).
3) Малов 1948, 46 (текст и перевод).
4) Калинин 1942а, № 217 (текст и транскрипция).
5) Юсупов 1967, 10—11 (текст и перевод).

Примечания

Памятник находится в фундаменте церкви Успения на территории Булгарского историко-архитектурного заповедника. Надпись хорошей сохранности, написан рельефным куфи. Разночтения даются по работе Юсупова (1967): 1. У Юс. отсутствует дамма; 2. У Юс. нет точки под йа. 3. Отсутствует фатха; 4. Слово не согласовано; 5. Юс. не отметил точку под ра и кесру; 6. Нет точек под син; 7. Нет точки под ра; 8. Юс. это все читает как сложное имя Гафифя-Захидя-Кюхря. В эпитафии над ha есть фатха и имя следует читать Кюхере, а остальные компоненты будут эпитетами; 9. Над вав отсутствует дамма; 10. У Юс. первые две буквы не огласованы; 11. Под начальной буквой нет точки; 12. Не поставлены две фатхи и точки над конечной буквой; 13. Нет фатхи над та и точек под йа; 14. У Юс. над вав отсутствует фатха; 15. Нет точки под джим. 16. Нет точки под начальной буквой. последнее слово, которое у нас отмечено точками, Юс. читает как [تورار], но не переводит.

13. Памятник из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР (1329 г.)

Текст

١) بِسمِ اللهِ الرَّحمَن الرَّحيم
٢) كُلُّ نَفسٍ ذَايقَةُ الموت
٣) ثُمَّ اِلَينَا تُرجَعون ....
٤) هِيرِ بِسَرَ بَلوُى‌ك وَفات
٥) بَلطُوى تَارِيخ جِيات
٦) جُوزُ وَ وطِر جَال
٧) اَت جُمَا دِ يَ وخرا اَيخ
٨) ... بم كُوان اَتِ رَحمة الله
٩) رحَمة وَاسِعةً

Транскрипция

1) Bismi-l-lahi-r-räxmani-r-räxim.

2) Küllü näfsin ẓaji qatu-l-mäüti,
3) ṣümmä iläjna turǯägunä....
4) hiri Sara bälükü. Wafat

5) bolṭï: tariχ ǯėti
6) ǯür wä oṭur ǯa°l
7) äti, ǯumada oxira ajχï
8) ... b-m kön äti. Räx[mätü-l-lahi]
9) räxmätän wasigätän.

Перевод

1) Именем бога милостивого, милосердного.
2) Всякая душа вкусит смерть,
3) после вы вернетесь к нам....
4) дочери Сары надмогильный знак. Сконча-
5) лась: по летосчислению семь-
6) сот и тридцать лет
7) было, джумада II месяца
8) ... б-м дня было. Да будет милость бога
9) милостью обширною.

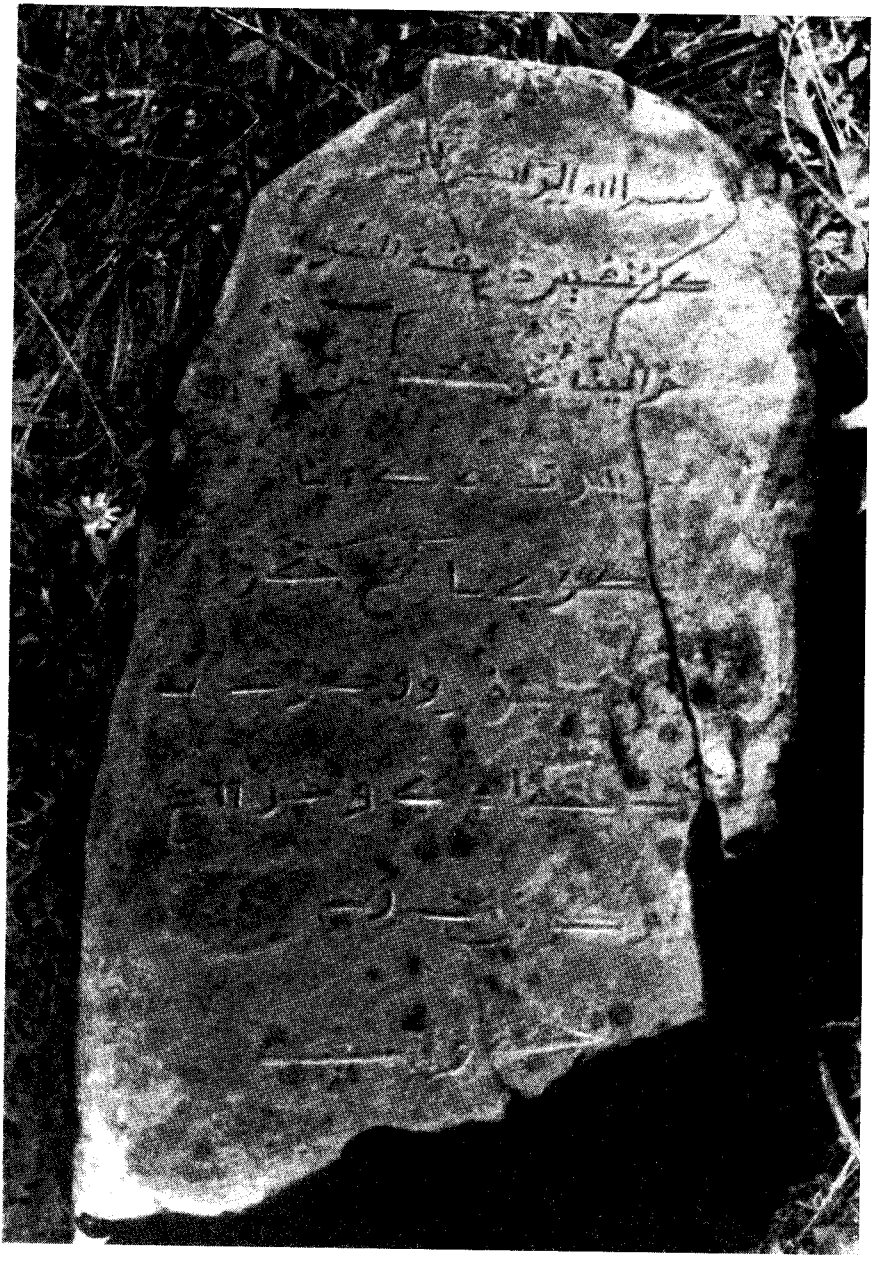
Литература

1) *Н. Ф. Калинин.* Альбом фотографий эпиграфических памятников XIII—XVII вв. из р-нов Татарии и Чувашии. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 8, оп. I, ед. хр. 67, № 39 (фото).

Примечания

Памятник имеет размеры 69×46×21 см и находится на так называемом «ханском кладбище». Надпись каллиграфическая, выполнена мелким врезным полукуфи.

14. Памятник близ с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР (1329 г.)

Текст

١) الحُكم لِلّه العَلى الكَبيرَ
٢) اومر اول يوسف اول محمّد
٣) بالكوى رحمة اللّه ه . . .
٤) غليهِ رَحمَة وَسِعة
٥) تاريخ جياچ جُر وَوُطر
٦) وجم جال ايات رجب
٧) اَيغ جرم وجم كُون اَ
٨) چ خيز كون ازلاسعة
٩) وُ فت بالچ الله رخمة
١٠) اَت انتن جمعا پسغز سعه

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi-l-gälijji-l- käbirä.
2) Ümär oulï Jusuf oulï Möxammäd
3) balükü. Räxmätü-l-lahi h. . . (?)
4) gäläjhi räxmätän wasigätän.
5) Tariχ šéči šeri wä oṭur
6) öčem ša^{o}l əti, räžäb
7) ajχï žerme očem kün ä-
8) či, χïz[1] kün[2] ärlä sägät (?)
9) wäfät bolči. Allahu räxmät[3]
10) itintin š-m-g-a- s-γ-z s-g-t-.

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу всевышнему, великому.
2) Сына Умара, Йусуфа, (его) сына Мухаммеда
3) надмогильный знак. Да будет милость бога. . . (?)
4) над ним милостью обширною.
5) По летосчислению семьсот и тридцать
6) третий год был, раджаба
7) месяца двадцать третий день был
8) . . . день . . .
9) скончался. Да будет милость
10) бога . . . . .

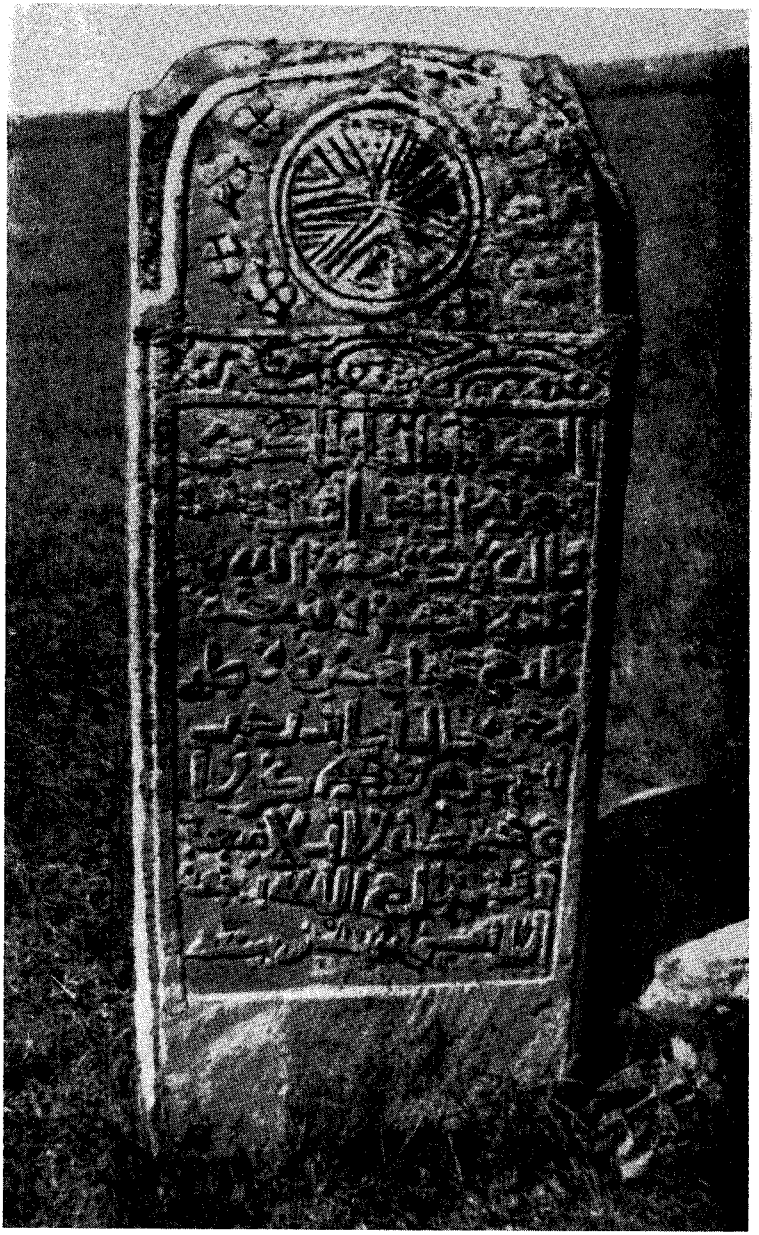
Литература

1) Юсупов 1963, 19—20 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры 140×62×23 см, надпись рельефная и довольно неграмотная. Очень много поставлено точек и над буквами, и под буквами. Видимо, они больше преследуют цель орнаментального характера. Наиболее существенные разночтения следующие: 1) У Юс. написан с конечным -r; 2. У Юс. поставлен лишний алиф; 3. Юс. предполагает здесь посессивный афф. 3-го лица.

15. Памятник близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР (1333 г.)

Текст

١) الحكم لله العلى الكبير
٢) مسعود اول محمود
٣) دارتى رحمه الله
٤) عليه رحمة واسعة
٥) تاريخ جيات جور وو
٦) طر توتم جال محر
٧) م ايج [دلج] كوان
٨) ات

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi-l-galijji -l-kä-
biri.
2) Mäsgud oulï Mäxmüd[1]
3) zéräti. Räxmätü-l-lahi
4) gäläjhi räxmätän wasigätän.
5) Tarix[2] žèti žür wä o-
6) ṭur tütem ža°l möxär-
7) räm äjxï [belči] kön
8) äti.

Перевод

1) Суд принадлежит богу всевыш-
нему, великому.
2) Сына Масгуда Махмуда
3) место погребения. Да будет ми-
лость бога
4) над ним милостью обширною.
5) По летосчислению семьсот трид-
6) цать четвертый год, мухарра-
7) ма месяца [пятый] день
8) был.

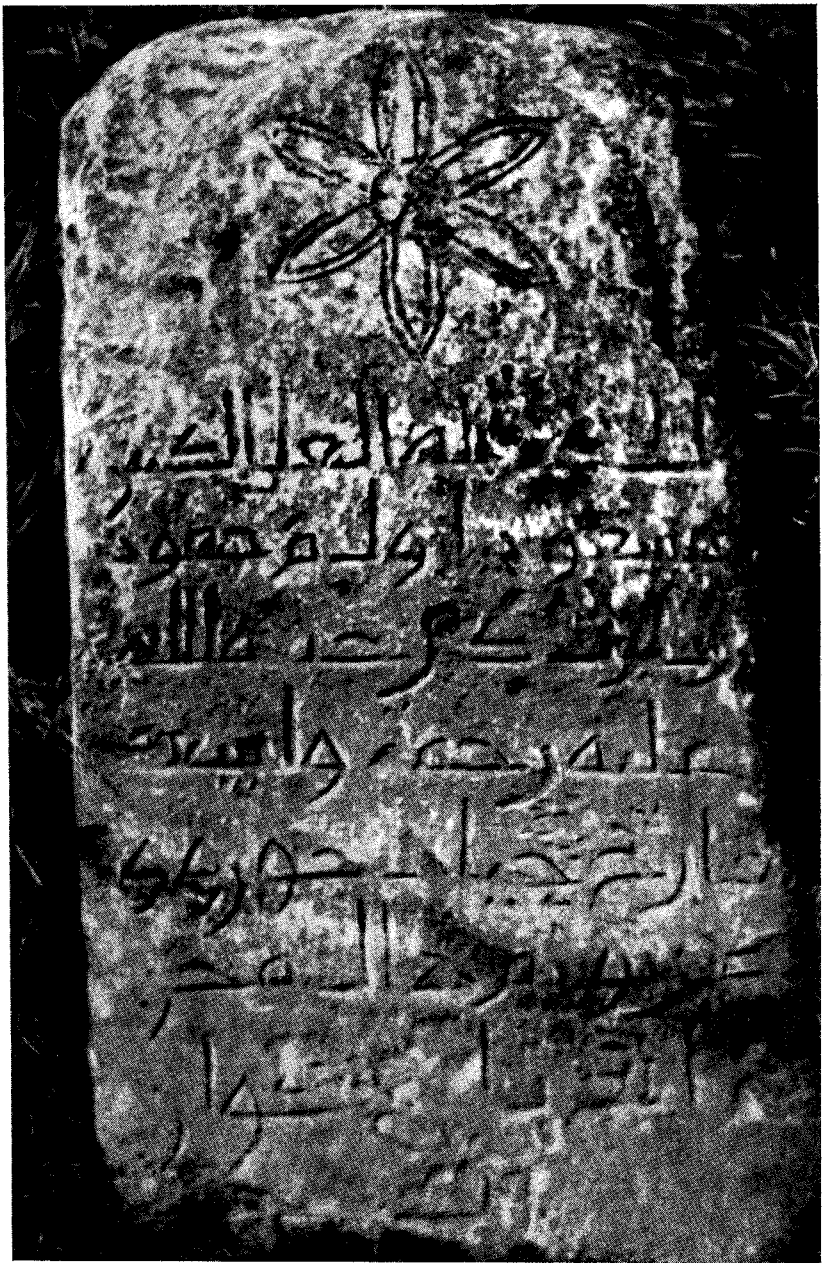
Литература

1) Юсупов 1961, 41 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры 104×60×20 см, текст написан врезанным полукуфи и довольно хорошо сохранен. Разночтения: 1. Юс. читает как محمود; 2. У Юс. нет точки под ра.

16. Памятник из с. Кулганы Анастовского р-на ТАССР (1333 г.)

Текст

١) اَلحُكم للهِ العَلِي الكَبيرْ

٢) رحمة الله عَلَيهِ رَحمَةً وَاسِعَة

٣) محمد اول ڤي حسَن بَلوُيكُ

٤) . . . . . تَارِيخ جِيَاجِ جو

٥) رَ وطِر الطِش جَال اجِ اولَا ايغ و

٦) ن سكر كوُان اجِ اَرن بَاشِ خوُ

٧) . . . . . كُوان . . . . بَلج

٨) الله دعالي رحمة بَلطن

٩) . . . . . .

١٠) . . . . سِوار . . . . .

١١) . . . . . جياج

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi -l-gälijji -l-käbir.
2) Räxmätü-l-lähi gäläjhi räxmätän wasigätän.
3) Möxämmid oulï döj(?) Xäsän[1] bälükü.
4) ... tariχ ǯéči ǯü-
5) rä[2] otur alṭïšï ǯa°l äči, äwwälä ajχï
6) on säker kön äči ärnä baši[3] χu
7) ... a ... kön[4] bolči.
8) Allahu tägali räxmäti boltïn
9) . . . . . .
10) . . . . .sewar . . . . .
11) . . . . . ǯéči

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу всевышнему, великому
2) Да будет милость бога над ним милостью обширною.
3) Сына Мухаммеда ... Хасана надмогильный знак.
4) ... по летосчислению семьсот
5) тридцать шесть лет было, первого месяца во-
6) семнадцать дней было, понедельник
7) . . . . . дня . . . было.
8) Бог всевышний да помилует
9) . . . . . .
10) . . . . . севар . . . . .
11) . . . . . семь.

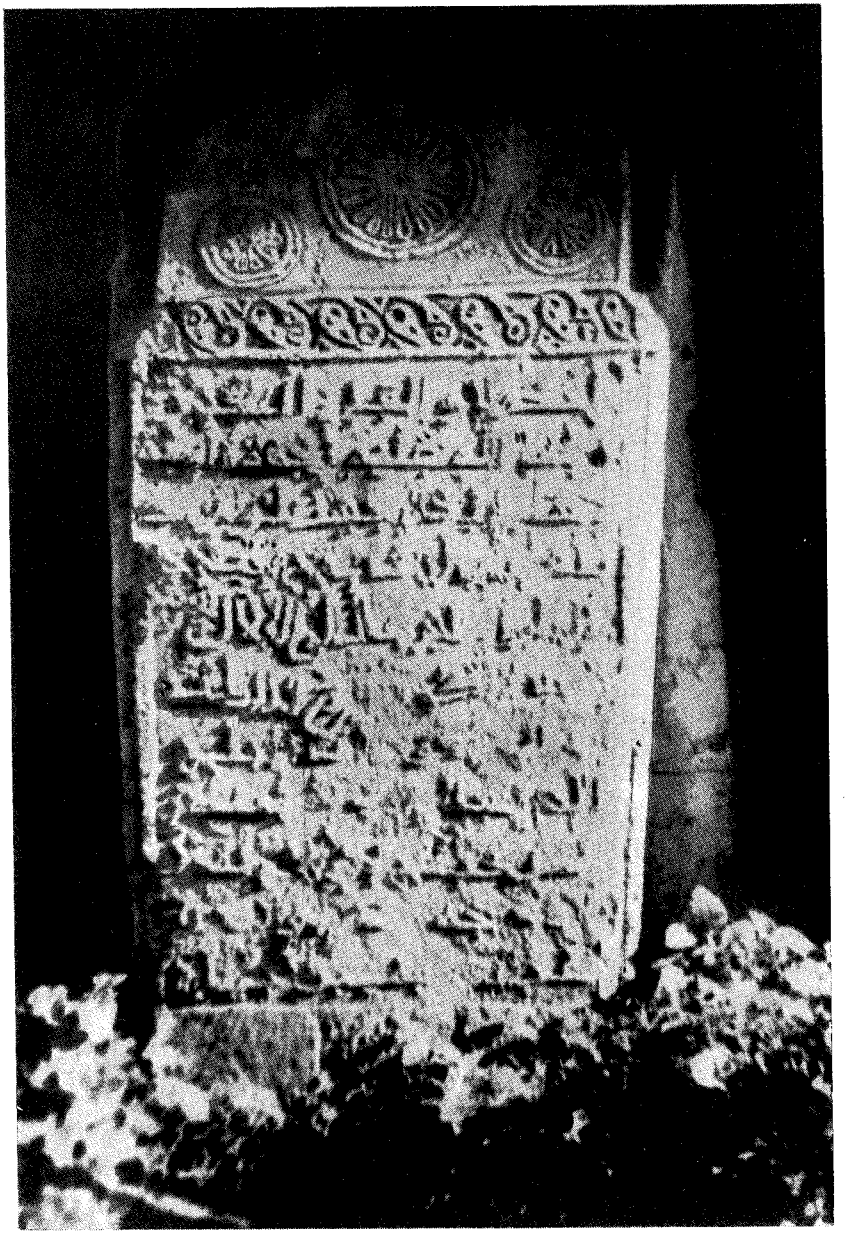
Литература

1) Юсупов 1963, 12—13 (текст и перевод).
2) Булатов 1967, 200 (текст, чтение, перевод).
3) Rǿna-Tas—S. Fodor 1973, 168 (перечисляют булгарские слова по публикации А. Б. Булатова).

Примечания

Памятник имеет размеры 160×75×27 см, место находки — с. Старое Ромашкино. По мнению А. Б. Булатова, он из Ново-Шешминска, по мнению Г. В. Юсупова, — из с. Кубасы. Разночтения даются по работе Юсупова (1963): 1. Юс. переводит как «Хасан из Зая»; 2. У Юс. отсутствует фатха; 3. Юс. переводит как «начало недели». Бул. приводит текст лишь до шестой строки, этого слова у него нет; 4. Юс. ставит дамму над вар.

17. Памятник из краеведческого музея г. Чистополя (1335 г.)

Текст

١) . . . . . .
٢) اسلان اَول عَلى همرِ هوم
٣) ادح رَكارَتِىُ وَ فَات
٤) دَلطوى دَاريح حيَاتِ حور
٥) حِرح حَال صَفَر اَدح وَن . . .
٦) كوَّان [ات]

Транскрипция

1) [1] . . . . . .
2) Aslan[2] oulï Gali hiri hum[3]
3) Ajïχ[4] zėräte[5]. Wafat
4) bolṭï[6]: tariχ[7] ǯėti[8] ǯür[9]
5) χïrïχ ǯa[0]l ṣafar ajχï[10] on. . .
6) kön [äti] [11]

Перевод

1) . . . . . .
2) Сына Аслана, Али, (его) дочери хума
3) Айхи место погребения. Скончалась:
4) по летосчислению семьсот
5) сорок лет, сафара месяца . . . надцатого
6) дня [было].

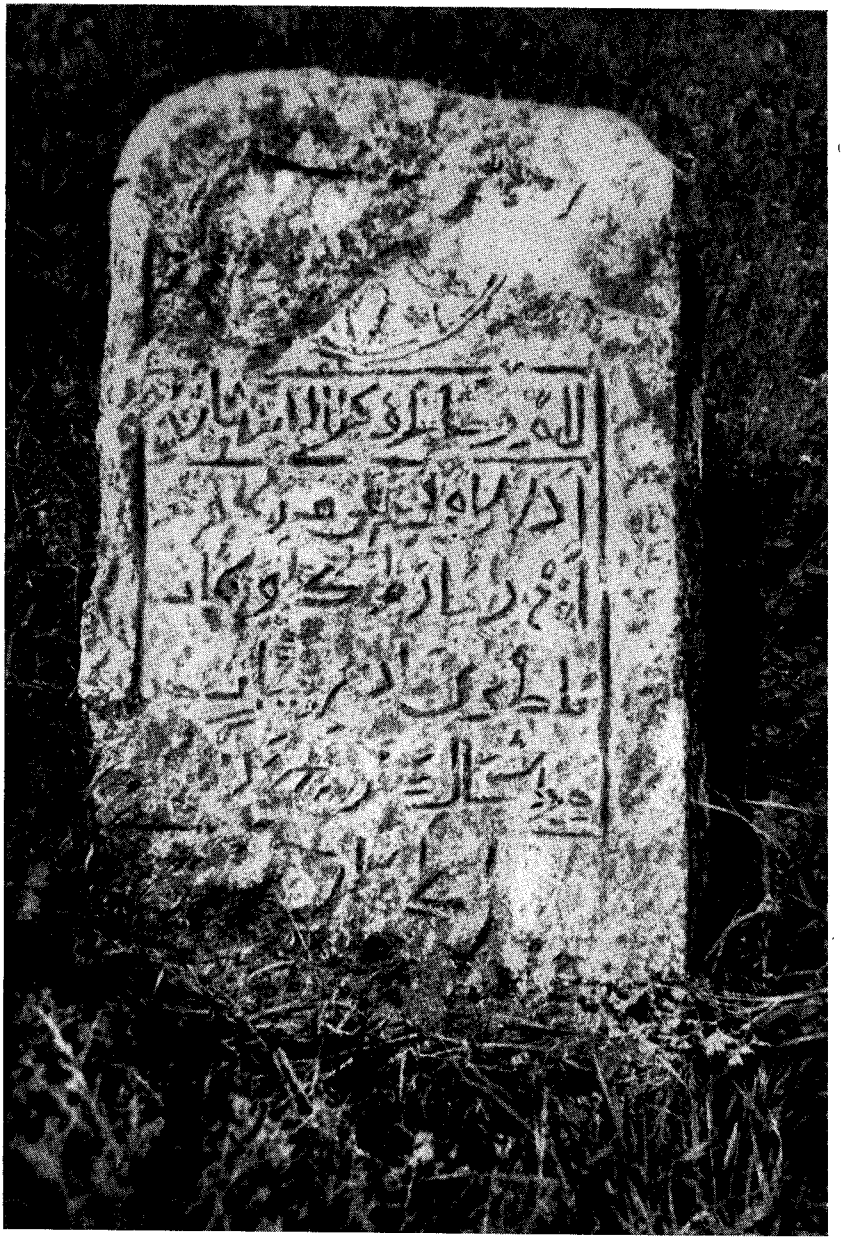
Литература

1) Юсупов 1963, 10—11 (текст и перевод)

Примечания

Памятник имеет размеры 105 × 60 × 18 см, надпись врезанная, куфическая. Разночтения: 1. Эту строку Юс. читает وك . . . الموت и переводит как «смерть . . . и всякая»; 2. Вторую букву читает как š; 3. Юс. восстанавливает с начальным ха; 4. У Юс. над алифом есть фатха; 5. У Юс. под зайн есть кесра; 6. У Юс. отсутствует фатха; 7. Юс. под ра приводит кесру; 8. Юс. под джим поставил точку и кесру, а под та кесру; 9. У Юс. под джимом имеется точка, а под вав — дамма; 10. Юс. ставит под йа кесру; 11. У Юс. данное слово отсутствует.

18. Памятник из с. Ошняк Алексеевского р-на ТАССР (1339 г.)

Текст

١) الحكم لله العالى الكمسرا
٢) كل نفس ذايقة الموتثم الينا ترجـ
٣) عون [تاريخ] حجا جرِ جرخ بلم
٤) جال اج وغطا بل ربعل ا
٥) خر ايغ بلج كن اج بلغ او
٦) ل حسين بليكُ رحمة الله

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi-l-gäl[ijji [1]-l-käbiri] [2].
2) Küllü näfsin ẕajiqatü-l-mäüti, sümmä iläjna turžä-
3) gunä. [Tariχ] žečä žür [3] χïrïχ belim [4]
4) ža[0]l äči. w-γ-ṭa [5] bol [6]: rabigü [7]-l- a-
5) xirä [8] ajχï belči [9] kön äči. Bäläχ ou-
6) lï Xäsän [10] bälikü. Räxmätü [11]-llahi.

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу все[вышнему, великому].
2) Всякая душа вкусит смерть, после вы верне-
3) тесь к нам. [По летосчислению] семьсот сорок пятый
4) год был. Смерть наступила: раби II
5) месяца пятый день был. Белаха сы-
6) на, Хасана, надмогильный знак. Да будет милость бога.

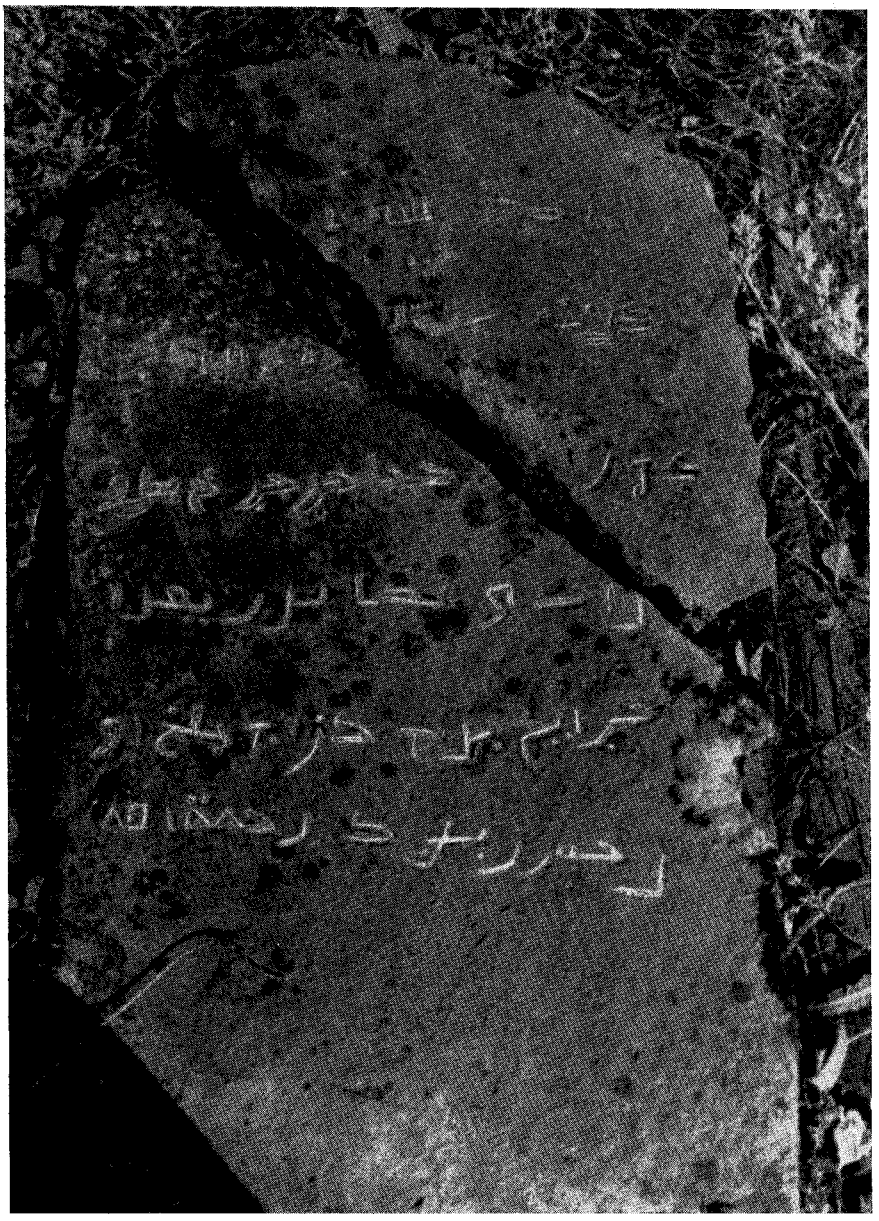
Литература

1) *Н. Ф. Калинин* (сост.). Альбом фотографий эпиграфических памятников XIII—XVII вв. из р-нов Татарии и Чувашии. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 8, оп. 1, ед. хр. 67, № 38 (фото).
2) Юсупов 1960, табл. 47 (фото, текст, перевод).

Примечания

Памятник (размеры 132×36×17 см) находится на так называемом «ханском кладбище» недалеко от села Нижн. Яки. Надпись врезанная, некаллиграфическая. Разночтения: 1 и 2. У Юс. не прочтены; 3. У Юс. отсутствует точка под последней графемой. 4. Юс. читает برو 'первый'; 5. Это слово, вероятно, искаженная форма от وفاط. Такое положение возможно, когда пишет один человек, а вырезает другой; 6. У Юс. отсутствует точка под ба; 7. У Юс. отсутствует точка под ра; 8. Здесь также отсутствует точка под ра. 9. Юс. читает как برنج 'первый'; 10. У Юс. нет точки под син; 11. Юс. не поставил точку под ра.

19. Памятник близ с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР (1344 г.)

Текст

١) هو الحى الذى لا يموت
٢) و كل حَى سيموت
٣) كوُكَجَ اَولِ اَدَمْ
٤) اعبُ ردارَتى
٥) وَفَات كَلطوى
٦) كَاربع جِيَاتِجوُرُ
٧) خرح جِيَات ...
٨) .....
٩) ايخ بيالم كوَان ات

Транскрипция

1) Huwä-l-xäjji-l-läzi lä jämutu
2) wä küllü xäjjin säjämutu.
3) Kükäža oulï Ädäm [1]
4) A-g-d [2] zėräṭi [3]
5) Wafat [4] bolṭï
6) tariχ [5] žėti žür [6]
7) χïrïχ [7] žėti [8] ...
8) .....
9) ajχï bėlim kön [9] äti [10].

Перевод

1) Он живой, который не умирает.
2) а все живущее умрет.
3) Кюкедже сына, Адама,
4) а-г-д надмогильный знак.
5) Скончался:
6) по летосчислению семьсот
7) сорок семь ...
8) .....
9) месяца пятого дня было.

Литература

1) Юсупов 1963, 66—67 (текст и перевод).

Примечания

Памятник находится на северной окраине села, и имеет размеры 125×75×23 см. Надпись сделана рельефным куфи. Впервые был осмотрен и прочитан Г. В. Юсуповым в 1962—1963 гг. Нами был исследован в 1973 г. Разночтения: 1. Юс. приводит ادو, но читает под вопросом «Адам»; 2. У Юс. داجرُ (расшифровки нет); 3. Приведены отдельные знаки; 4. Отсутствуют обе фатхи; 5. Нет точки под ра; 6. Отсутствуют огласовки; 7. Приведена лишь конечная буква; 8, 9 и 10 — у Юс. отсутствуют.

20. Памятник близ с. Новый Чувашский Адам Алексеевского р-на ТАССР (1346 г.)

Текст

١) الحكم الله العلى
٢) الكسر علك اول دعوب
٣) اول ادرم اصدل الطس اول
٤) الى دلك رحمه اله
٥) واسعه رحمه دلرح
٦) حلح حور حراح طجز
٧) حال اح رمصان ادج الطى
٨) س كوان اح حان
٩) كوان اح كعى
١٠) ارن كوان اح

Транскрипция

1) Äl-xökmu li-l-lahi[1]-l-galijji-

2) -l-käbiri. Gäläki oulï Jaqup[2]
3) oulï Abram[3] aṣïl[4] alṭïš[5] ouli
4) Allaj bälike[6] Räxmätü-l-lahï

5) wasigätän räxmätän. Tarix[7]

6) žäči žür[8] χïrïχ[9] toχïr[10]
7) ža^{0}l äči[11], ramaḍan[12] ajχï alṭï[13]
8) sï[14] kön äči[15], χan
9) kön äči, kiči
10) ärnä[16] kön äči[17].

Перевод

1) Суд принадлежит богу всевышнему,
2) великому. Сына Якуба, Галеки,
3) (его) сына Абрама ..., (его) сына
4) Аллайа надмогильный знак. Да будет милость бога
5) милостью обширною. По летосчислению
6) семьсот сорок девять
7) лет было, рамадана месяца шес-

8) той день был, среда
9) была, чет-
10) верг был

Литература

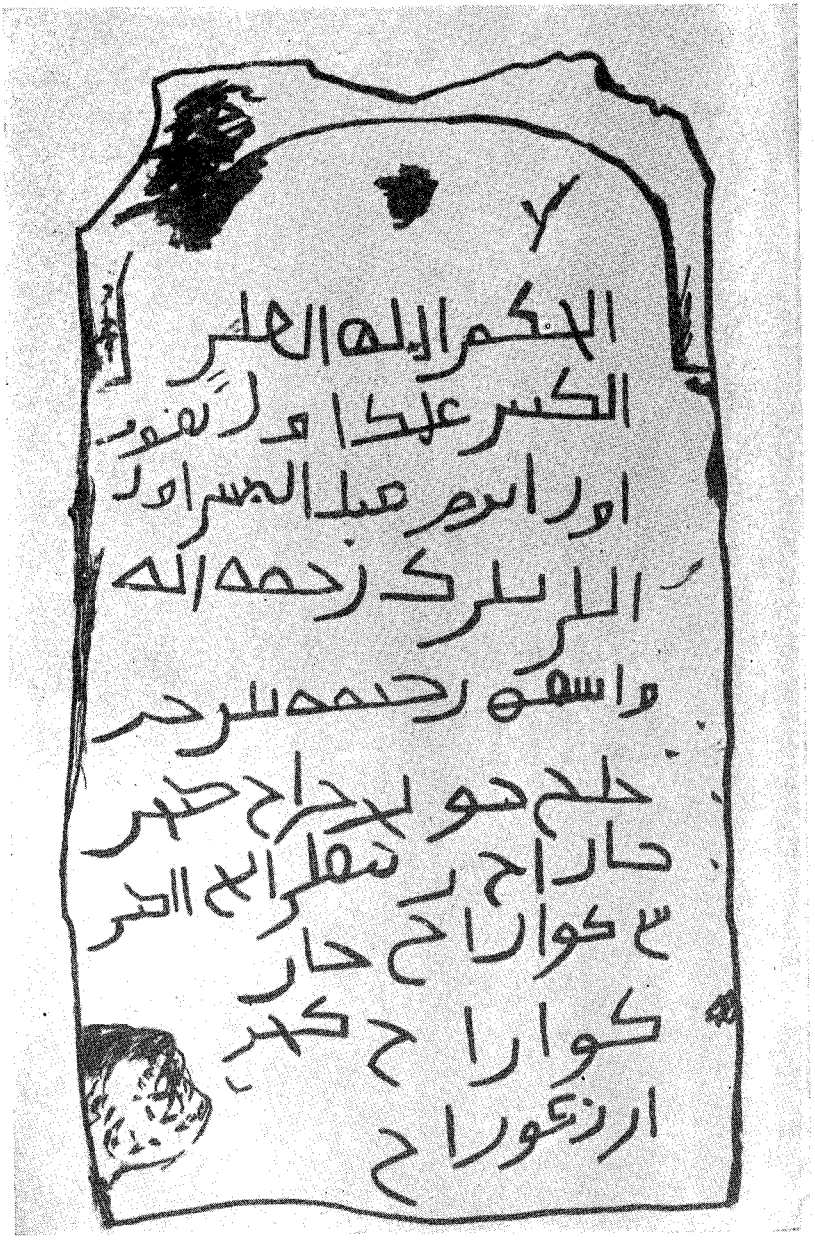
1) Юсупов 1963, 31—32 (текст, перевод).
2) Юсупов 1972, 51 (текст, перевод).

Примечания

Памятник находится в поле, в трех километрах к югу от села. Камень имеет размеры 125×66×24 см, врезанная надпись выполнена неграмотно и некаллиграфически.

Разночтения приводятся по работе Юсупова (1972): 1. В тексте здесь есть алиф, Юс. его пропускает; 2. У Юс. лишний знак -γ-; 3. Юс. читает «Ибрам». 4. Юс. предполагает اول; 5. Юс. читает как «Альхамад», однако значение как и этого, так и предыдущего слова нам неясно; 6. У Юс. лишний -و-; 7. Юс. ставит лишний йа. Кстати, проставленные им над- и подбуквенные точки при исследовании памятника на месте мы не могли обнаружить; 8. Юс. преполагает конечный за; 9. В тексте после ра есть алиф; 10. Юс. предполагает конечный за; 11. Юс. ошибочно приводит ابغ; 12. Здесь, видимо, ramaḍan, а не rabi ..., как думает Юс.; 13 и 14. Юс. их пропускает; 15. У Юс. ошибочное чтение как ابغ; 16 и 17. У Юс. ошибочно проставлены точки у конечных знаков.

21. Памятник близ с. Татарский Толкиш Чистопольского р-на ТАССР (1348 г.)

Текст

١) رمضان همر جيـ . . . دلوى ك
٢) الحكم لله العلى
٣) الكسر وفات دلطو
٤) ى تاريخ جيات جور
٥) الْ جالط رمضان
٦) ادح ات فان دل
٧) رحمه الله و
٨) سع

Транскрипция

1) Ramaḍan hiri ǯi . . . bälükü.
2) Äl-xökmü li-l-lahi-l-gälijji-
3) l-käbiri. Wafat bolṭï:
4) tariχ ǯėti ǯür
5) ällü ǯa°lṭa (!), ramaḍan
6) ajχï äti. Fani . . .
7) Räxmätü-l-lahi wä-
3) sigän.

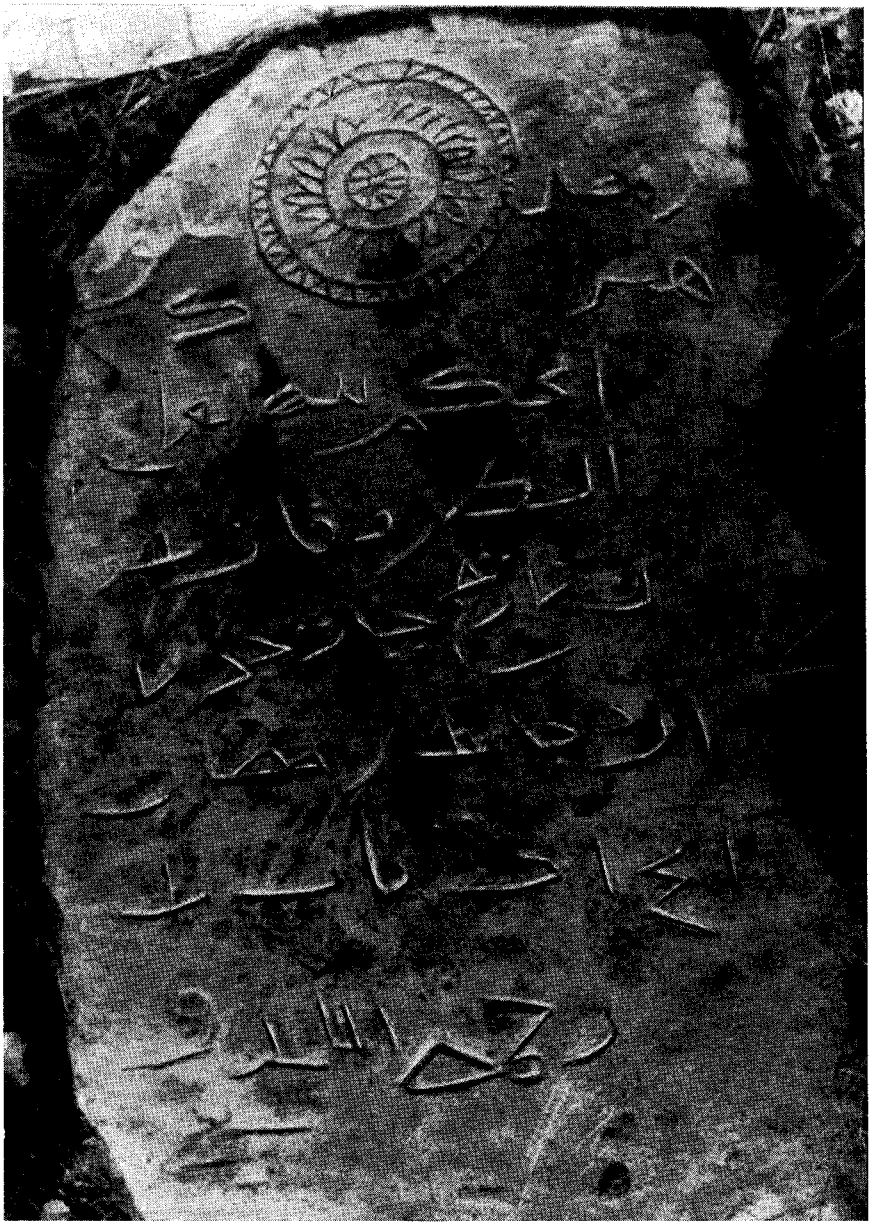
Перевод

1) Дочери Рамазана Джи . . . надмогильный знак.
2) Верховный суд принадлежит богу всевышнему,
3) великому. Скончалась:
4) по летосчислению в семьсот
5) пятидесятом году, рамазан
6) месяц был. Бренный . . .
7) Да будет милость бога об-
8) ширной.

Примечание

Памятник имеет размеры 150×46×15 см, надпись выполнена некаллиграфическим врезанным полукуфи.

22. Памятник близ с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР (1349 г.)

Текст

١) هو الحى الذى لا يموت
٢) و كا حى سموت حلموس اول
٣) رمصان ردارەى رحمه الله
٤) علىه رحمه واسعه
٥) فادى دىماران كوالحصر دافى احره
٦) دطوى داردج حمات حور لا سكر
٧) حال دوالمعد ادج وان
٨) سكر كوان ات حمات كوان ات

Транскрипция

1) Huwä-l-xäjji-l-läzi lä jämutu,
2) wä küllü xäjjin säjämutu.[1] Xälmüš[2] oulï
3) Ramaḍan[3] zėrati. Räxmätu-l-lahi
4) gäläjhi räxmätän wasigätän.
5) Fani dönjaran kölčṣar[4], baqïj axirätä
6) baṭṭï[5]: tariχ ǯėti ǯür älle säker
7) ǯa^{0}l, zu-i-qagida ajχï on
8) säker kön äti, ǯėti[6] (?) kön äti.

Перевод

1) Он живой, который не умирает,
2) а все живущее умрет. Хальмуша сына,
3) Рамазана, место погребения. Да будет милость бога
4) над ним милостью обширною.
5) Из мира бренного переселившись, в мир вечности
6) ушел: по летосчислению семьсот пятьдесят восемь
7) лет, зулькагида месяца восемь-
8) надцать дней было. Седьмой (?) день был.

Литература

1) Юсупов, Хисамутдинов 1951, 71—72 (фото, текст и перевод).
2) Юсупов 1960, табл. 30 (текст, перевод и фото).
3) Róna-Tas—S. Fodor, 1973, 92—93 (текст, транскрипция и перевод на венгерский язык).
4) Pritsak 1959a, табл. XIII, илл. 2 (фото).

Примечания

Памятник имеет размеры 120×50×18 см, надпись врезанная, некаллиграфическая. Разночтения даются по работе Юсупова (1960): 1. В тексте резчик пропустил серединный йа; 2. Это имя Юс. читает как ǯalur; 3. Юс. здесь предполагает имя Tuqṭar; 4. Юс. это слово не читает; 5. Юс. приводит анлаутный йа; 6. Перевод условный. Это, возможно, народное название дня. Кроме того, точки отдельных букв в тексте, проставленные Юс., мы не смогли обнаружить.

23. Памятник близ с. Старый Ашит Арского р-на ТАССР (1357 г.)

Текст

١) بسم الله الرحمن الرحيم
٢) [كل نفس] ذايقة الموت ثم
٣) [الينا ترجعون] اما بعد مجك هيبر
٤) . . . بلوى ك وفات بلطو
٥) ى ذى الحجى ايج جيرمشى كوان ات
٦) تاريخ جيات جور ال طخر جال ات
٧) رحمة الله رحمة واسعة بلطر

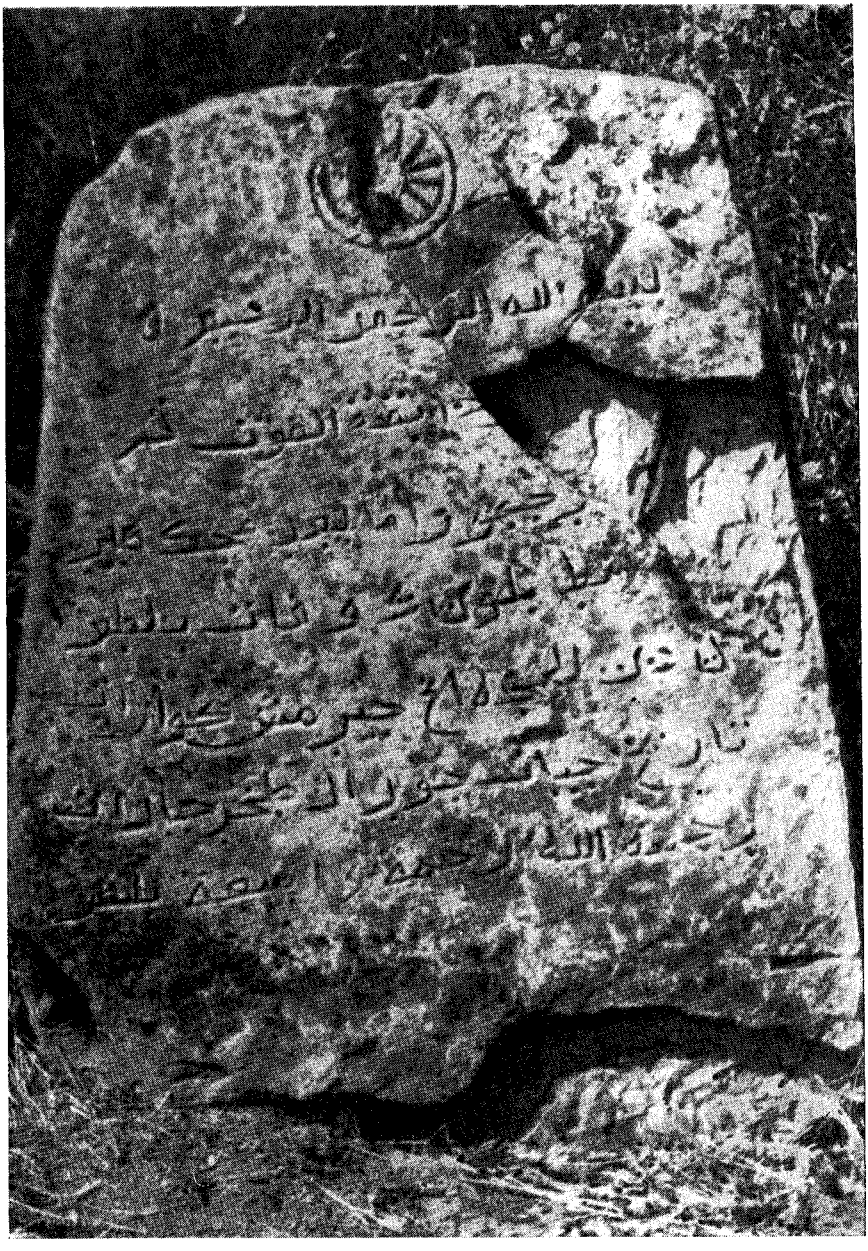
Транскрипция

1) Bismi-l-lahi-r- räxmani-r-räxim.
2) [Küllü näfsin] ẓajiqatu-l-mäüti, ṣümmä
3) [ilājna tur] žägunä. Ma-b-g-d Mäčkä hiri
4) . . . . n-t bälükü. Wafat bolṭï:
5) zu-l-xižžä ajxï žirmeši kön äti.
6) Tariχ žéti žür älü ṭoχur ža°l äti.
7) Räxmätü-l-lahi räxmätän wasigätän. Baltïr

Перевод

1) Именем бога милостивого, милосердного.
2) [Всякая душа] вкусит смерть, после
3) [вы к нам вер]нетесь. . . . . Дочери Мэчкэ
4) . . . . надмогильный знак. Скончалась:
5) зульхиджа месяца двадцать дней было.
6) По летосчислению семьсот пятьдесять девять лет было.
7) Да будет милость бога милостью обширною. Балтыр.

24. Памятник близ с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР (1358 г.)

Текст

١) الحكم لله العلى
٢) الكبير آشان
٣) اول آلِب زدا
٤) رِدّى تارنغ
٥) جيات جور
٦) الطامنش حال اب

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi-l-gälijji-
2) l-käbiri. Äšan
3) oulï Alïp zė-
4) räti. Tariχ
5) ǯėti ǯür
6) [alṭ]mïš ǯa°l äti.

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу всевышнему,
2) великому. Ашана
3) сына, Алыпа, место
4) погребения. По летосчислению
5) семьсот
6) шестьдесят лет было.

Примечания

Надгробье находилось в фундаменте церкви с. Арбузов Баран, откуда было вынуто в 1971 г. Сейчас хранится в Билярском филиале Булгарского историко-архитектурного заповедника.

25. Памятник из с. Арбузов Баран Алексеевского р-на ТАССР (1358 г.)

Текст

١) هو الحى الذى
٢) لا يموت و كل حى سيموت
٣) بلغارى صلر اول صالح
٤) زيارتى رحمه الله عليه رحمه
٥) واسبعه فانى د نيپاران
٦) كوالجصر باقى احرة بطوى
٧) تاريخ جيات جور
٨) لطم . . . وخ جال المحرام
٩) ايج بلج كوان ات

Транскрипция

1) Huwä-l-xäjji-l-läzi[1]
2) lä jämutu, wä küllü xäjjin[2] säjämutu.[3]
3) Bolγari[4] Şalar[5] oulï Şalix[6]
4) zėrati[7]. Räxmätü-l-lahi gäläjhi räxmätän
5) wasigätän[8]. Fani dönjaran[9]
6) kölčşar[10], baqïj axirätä baṭṭï[11]
7) tariχ[12] žėti žür[13]
8) lṭm. . .[14] üč ža⁰l äl-möxärräm[15]
9) ajχï[16] belči[17] kön äti.

Перевод

1) Он живой, который
2) не умирает, а все живущее умрет.
3) Сына Салара Булгарского Салиха
4) место погребения. Да будет над ним милость бога милостью
5) обширною. Из мира бренного
6) переселившись, в мир вечности ушел:
7) по летосчислению семьсот
8) шестьд . . . три года, мухаррама
9) месяца пятого дня было.

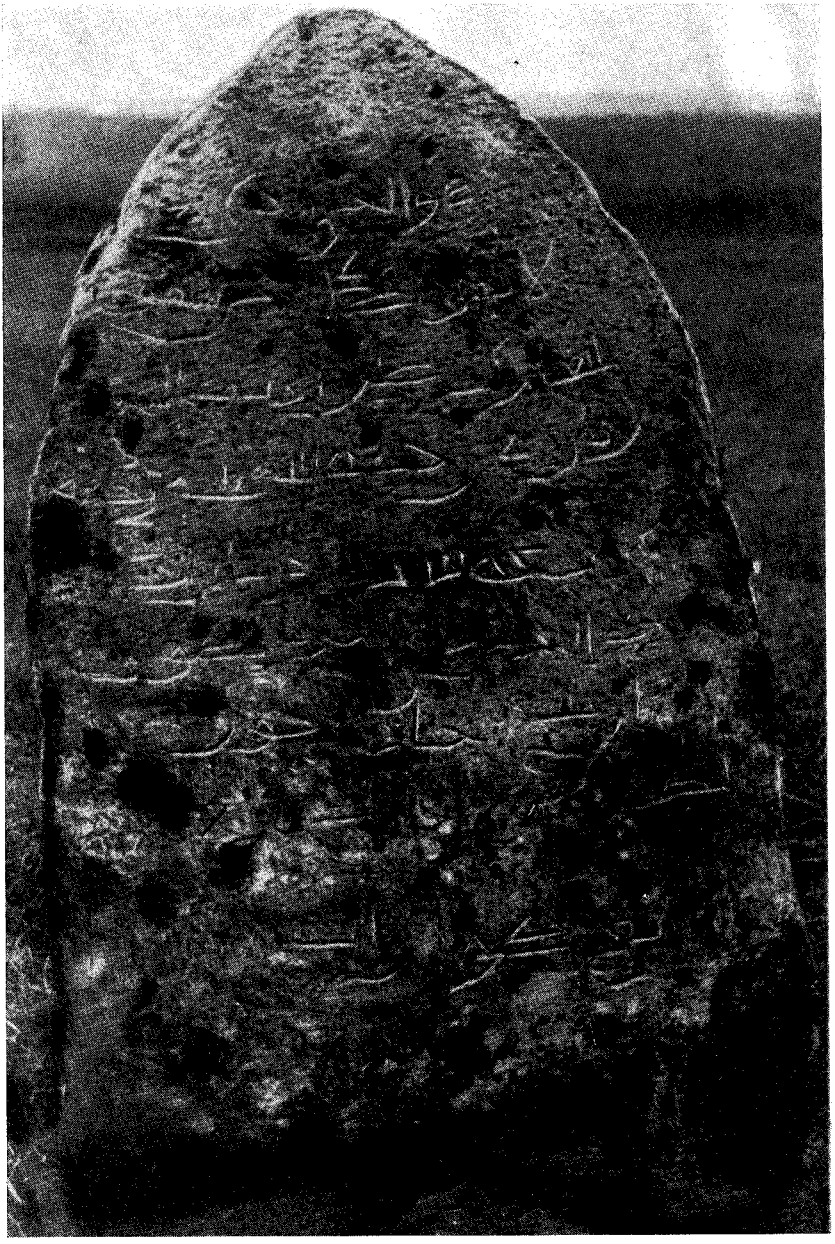
Литература

1) Юсупов, Хисамутдинов 1951, 69—70 (фото, прорись, текст и перевод).
2) Юсупов 1960, табл. 31 (фото, текст и перевод).
3) Pritsak 1959a, табл. XIII, илл. I (фото).
4) Róna-Tas—S. Fodor 1973, 94—95 (текст, транскрипция и перевод на венгерский язык).

Примечания

Памятник имеет размеры 80×60×21 см, надпись некаллиграфическая. Разночтения даются по работе Юсупова (1960): 1. В предыдущем и в этом слове Юс. не поставил точки под йа; 2. Юс. не поставил точки под йа; 3. Юс. не поставил троеточие под син и привел пропущенный резчиком серединный йа; 4. Юс. не привел йа нисба и точки, кроме первого знака. 5. Юс. считает, что это имя Тотай; 6. Юс. не привел точку под первым знаком; 7. Юс. пропустил точку под ра; 8. Юс. не привел подбуквенные точки; 9. У Юс. пропущена точка под ра; 10. Это слово оставлено непрочитанным; 11. Здесь Юс. предполагает начальный йа и не приводит точки букв, кроме начальной; 12 и 13. Юс. не привел точку под ра; 14. Юс. оставляет непрочитанным; 15. Юс. это слово пропускает; 16. Юс. это слово оставляет непрочитанным; 17. Здесь пропущена точка под ба.

26. Памятник близ с. Старый Ашит Арского р-на ТАССР (1361 г.—?)

Текст

١) يل اَولِ اِرُم مُحَمد

٢) بَلوُىَ كُ رَحمةُ

٣) اللّهِ عَلَيهِ رَحمَةً وَاسِعةً

٤) دِ نَيا رِان سِفَر طَنروُي

٥) [تار] يغ جِيَاتِ جُور

٦) ..... دِ القَعدَ

Транскрипция

1) ... il[1] oulï Urum Möxämmäd
2) bälükü. Räxmätü-
3) l-lahi gäläjhi räxmätän wasi-gätän.
4) Dönjaran[2] säfär ṭonri[3]:
5) [ta]riχa žėti žür
6) ..... zu-l-qaγida ...

Перевод

1) ... сына, Урум Мухаммеда
2) надмогильный знак. Да будет милость
3) бога над ним милостью обширною.
4) Из мира ушел:
5) по летосчислению семьсот
6) ..... зулькагида ...

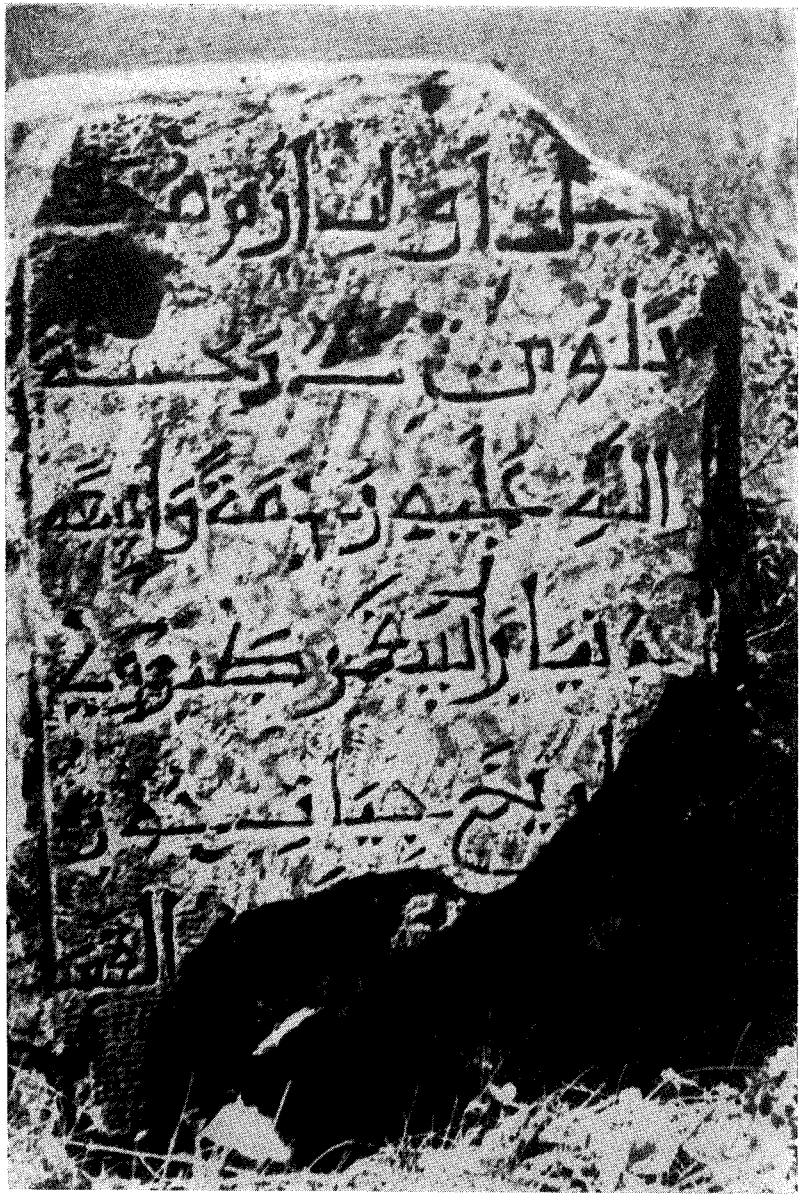
Литература

1) Юсупов 1961, 51—52 (текст, перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры 70×46×20 см, надпись врезанная, куфическая. Разночтения: 1. Юс. предполагает здесь имя Исмагил; 2 и 3. У Юс. нет точки под ра.

27. Памятник из с. Салтыганово Камско-Устьинского р-на ТАССР (13. . . г.)

Текст

١) الحكم لله ياكوُج
٢) [ايوارى اول] محمد
٣) يوارى .....
٤) ....وُر بلوُي كُ ر
٥) حمَة الله عليها رحمة
٦) واسعه تَاريخ جيا
٧) تِ جُور.....
٨) ا[يج] وَن كن ات

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi. Jakuč-
2) [jöri oulï] Möxämmäd-
3) jöri .....
4) ... ur[1] bälükü[2] rä-
5) xmätü-l-lahi gäläjha räxmätän
6) wasigätän[3]. Tariχ[4] žė-
7) ti žür .....[5]
8) aj[χï] on ken äti[6].

Перевод

1) Суд принадлежит богу. Йакуч-
2) йори сына, Мухаммеда-
3) йори, ...
4) ..... надмогильный знак. Да будет ми-
5) лость бога над ней милостью
6) обширною. По летосчислению семь-
7) сот .....
8) месяца десять дней было.

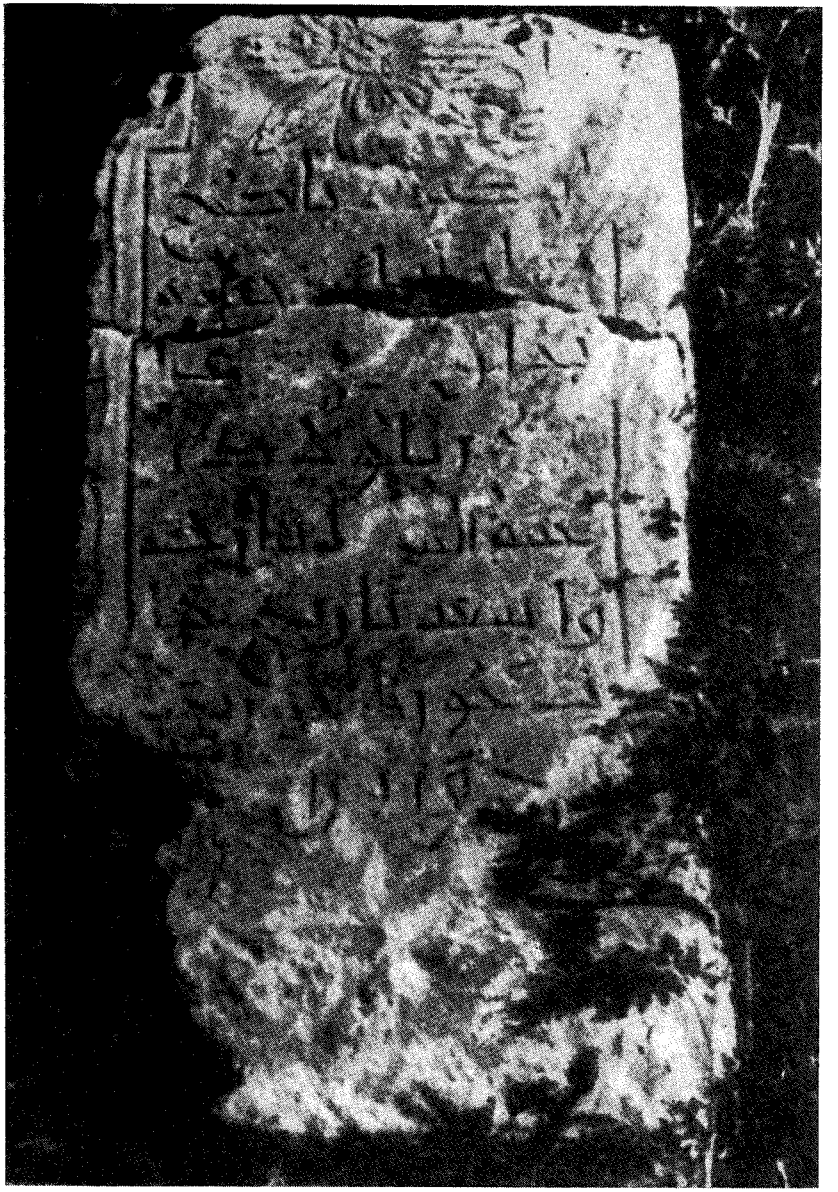
Литература

1) Юсупов 1967, 9 (текст, перевод)

Примечания

Памятник не очень хорошей сохранности, надпись вырезана куфическим шрифтом. Разночтения: 1. Юс. здесь читает [حُوم]; 2. У Юс. отсутствует дамма над вав; 3. Нет кесры под син; 4. Нет точки под ра; 5. Здесь Юс. читает [رجَب]; 6. Последние два слова Юс. читает [ادر آت].

28. Памятник из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР (13. . . г.)

Текст

١) هو الحى الذى لا يموت
٢) هذه روضة مستورة
٣) المطهرة الصّالحة الصائنة الطيفة
٤) شكر الجى بنت عثمان البلغارى
٥) اللهم ارحمها رحمة واسعة توفيت
٦) الى رحمة الله تعالى فى اليوم الرابع و العشرين

Транскрипция

1) Huwa-l-ḥäjji-l-läẓi lä jämutu wä küllü häjjin säjämutu.
2) Haẓihi rawḍatu -l-mästüräti
3) -l-muṭahhiräti-ṣ-ṣalixäti-ṣ-ṣa'inäti -ṭ-tajfäti
4) Šäkär-älči bint Goṣman äl-Bolγari.
5) Äl-lähummä ärxämha räxmätän wasigätän. Tuwuffijät
6) ilä-r-räxmäti-l-lahi tägali fi-l-jawmi-r-rabigi wä-l-giśrinä

Перевод

1) Он живой, который не умирает, а все живущее умрет.
2) Этот сад целомудренной,
3) религиозной, благочестивой, заботливой, милостивой
4) Шекер-элчи, дочери Османа Булгарского.
5) Боже мой, помилуй ее милостью обширною. Она отдалась
6) милости бога всевышнего в двадцать четвертый день

Литература

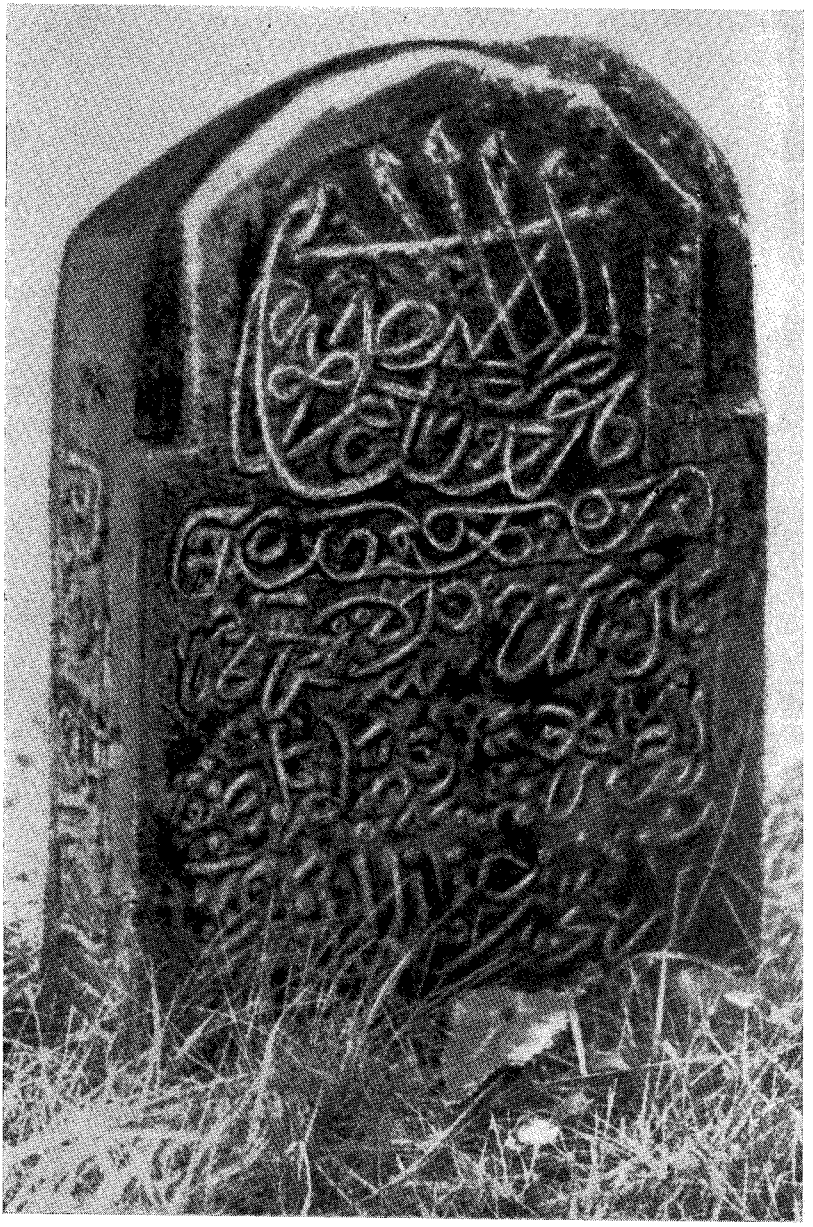
1) Отчет Н. Калинина об археологической экспедиции по рекам Ахтаю и Бездне ТАССР, 1946 г. «Научный архив Ин-та археологии АН СССР», ф. Р-1, ед. хр. 143, с. 40 (приводит фотоснимок).
2) Юсупов 1963, 39—41 (текст, перевод).
3) Юсупов 1972, 53 (текст и перевод).

Примечания

Памятник находится на кладбище села, имеет размеры 160×60×23 см. Надпись выполнена на двух языках: на лицевой стороне рельефным сульсом высечен арабский текст, а на оборотной — булгарским куфи вырезан тюркский текст. Рельефная надпись есть и на боковых сторонах.

Рядом лежит кусок плиты с двухстрочной надписью (пока ее прочесть не удалось). Возможно, что там находится дата исследуемого текста.

29. Памятник из с. Татарское Шапкино Алькеевского р-на ТАССР (лицевая сторона — даты нет)

Текст

١) عُثمَان اَجَكَ
٢) هِيرِ حُسَين كِيَالِ
٣) مَارِخُومْ جَكَرْ
٤) البِت زَارَت ى رَحمَة
٥) اللَه عَلَيهَا رَحْمَةً
٦) وَاسِعَه

Транскрипция

1) Gosman[1] -äčkä
2) hiri Xösäjin kėli
3) mari χum[2] Čäkär[3]-
4) älti zėräti[4]. Räxmätü[5]
5) -l-lahi gäläjha[6] räxmätän[7]
6) wasigätän[8].

Перевод

1) Осман-эчке
2) дочери, жены Хусаина,
3) покойной (или хум-марийки?) Чэкер-
4) элти место погребения. Да будет милость
5) бога над ней милостью
6) обширною.

Примечания

Этой надписи посвящены три вышеупомянутые работы. Н. Ф. Калинин отмечает, что имя погребенной — Хюсабенкай (дочь Усмана Эхби). Разночтения даются по работе Юсупова (1972); 1. У Юс. отсутствуют диакритические знаки; 2. У Юс. нет точки под ҳа, а в статье не поставлен и сукун; 3. Отсутствует сукун; 4. В памятнике под йа точек нет, а у Юс. поставлены; 5. У Юс. опущены диакритические знаки, а в работе (1963) они имеются; 6. В памятнике под йа точек нет, в работе (1972) опущены и надстрочные знаки; 7. У Юс. нет точек над конечной буквой; 8. Над начальной буквой нет фатхи.

30. Памятник из с. Татарское Шапкино Алькеевского р-на ТАССР (обратная сторона — даты нет)

Текст

١) كل نفس ذايقة الموت
٢) ثم الينا ترجعون
٣) الطن بو هير سوس
٤) الب بطمك رحمه الله
٥) عليه رحمة
٦) واسعة

Транскрипция

1) Küllü näfsin ẕajiqatü-l-mäüti,
2) s̱ümmä iläjna turẖägunä.
3) Alṭïn Bu hiri Sus
4) älti[1] biṭiki. Räxmätü-l-lahi
5) gäläjhi räxmätän
6) wasigätän.

Перевод

1) Каждая душа вкусит смерть,
2) после вы вернетесь к нам.
3) Алтын Бу, дочери Сус
4) -элти, надпись. Да будет милость бога
5) над ним (!) милостью
6) обширною.

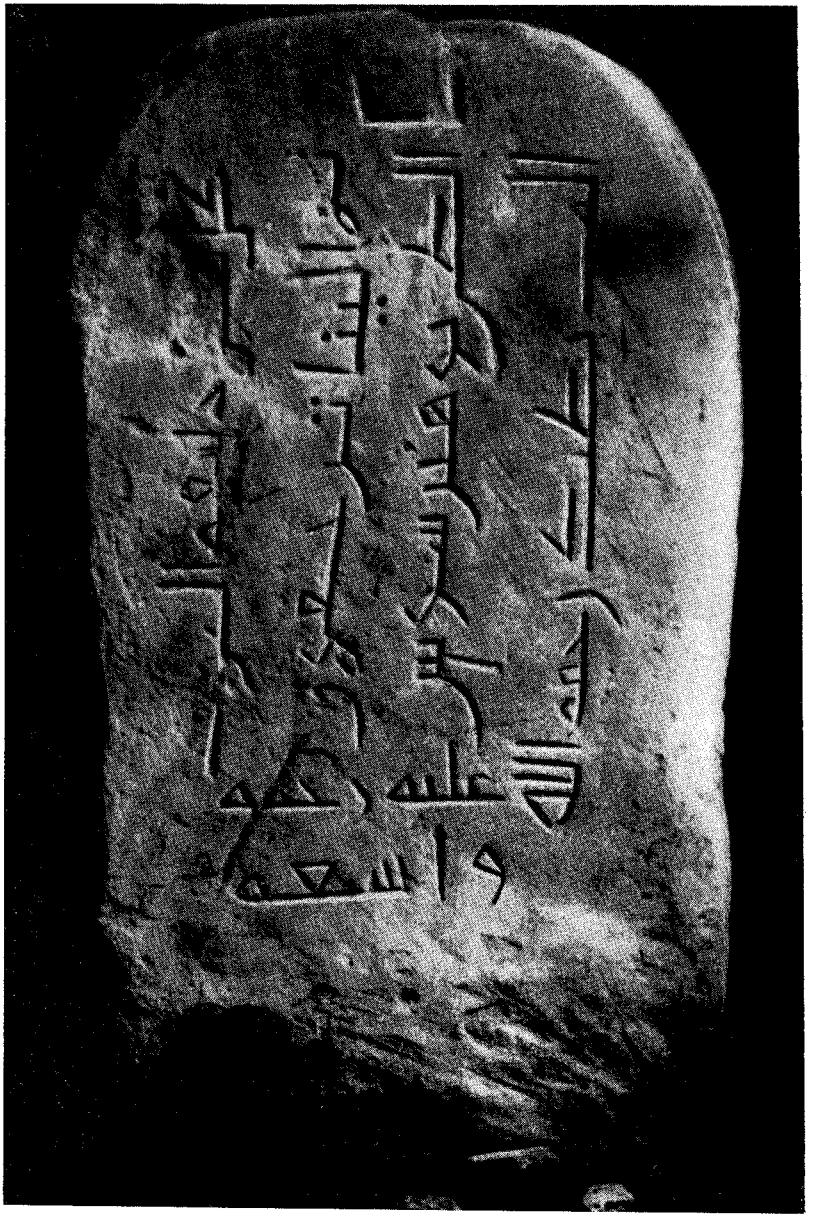
Литература

1) *Н. Ф. Калинин.* Альбом фотографий эпиграфических памятников XIII—XVII вв. из р-нов Татарии и Чувашии. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 8, оп. 1, ед. хр. 67, № 24 (прорись и перевод).
2) Калинин 1942а, № 240 (текст не расшифрован).
3) Малов 1948, 47—48 (прорись, текст и перевод).
4) Юсупов 1960, табл. 38 (фото, текст и перевод).

Примечания

В настоящее время данный памятник расколот на несколько кусков. Разночтение: 1. Юс. это слово переводил как «большая», Н. Ф. Калинин и С. Е. Малов считали его компонентом сложного имени Сус-Эльме.

31. Памятник из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) الحُكم لله
٢) العلى الكبير
٣) كل نفس ذايقما
٤) الموب ثم الينا تر
٥) جَعونَ ...
٦) ..... زيارت ى
٧) . . . . . .
٨) . . . . . بلتُك

Транскрипция

1) Äl-xökmü [1] li-l-lahi-
2) l-gälijji-l-käbiri.
3) Küllü näfsin [2] ẓajiqatän [3],
4) äl-mäüti ṣümmä iläjna [4] tür-
5) ǯägunä [5] ...
6) .... zérati
7) . . . . . .
8) ..... Bältük [6].

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу
2) всевышнему, великому.
3) Всякая душа вкусит
4) смерть, после вы к нам вер-
5) нетесь...
6) ..... место погребения
7) . . . . . .
8) ..... Белтюк.

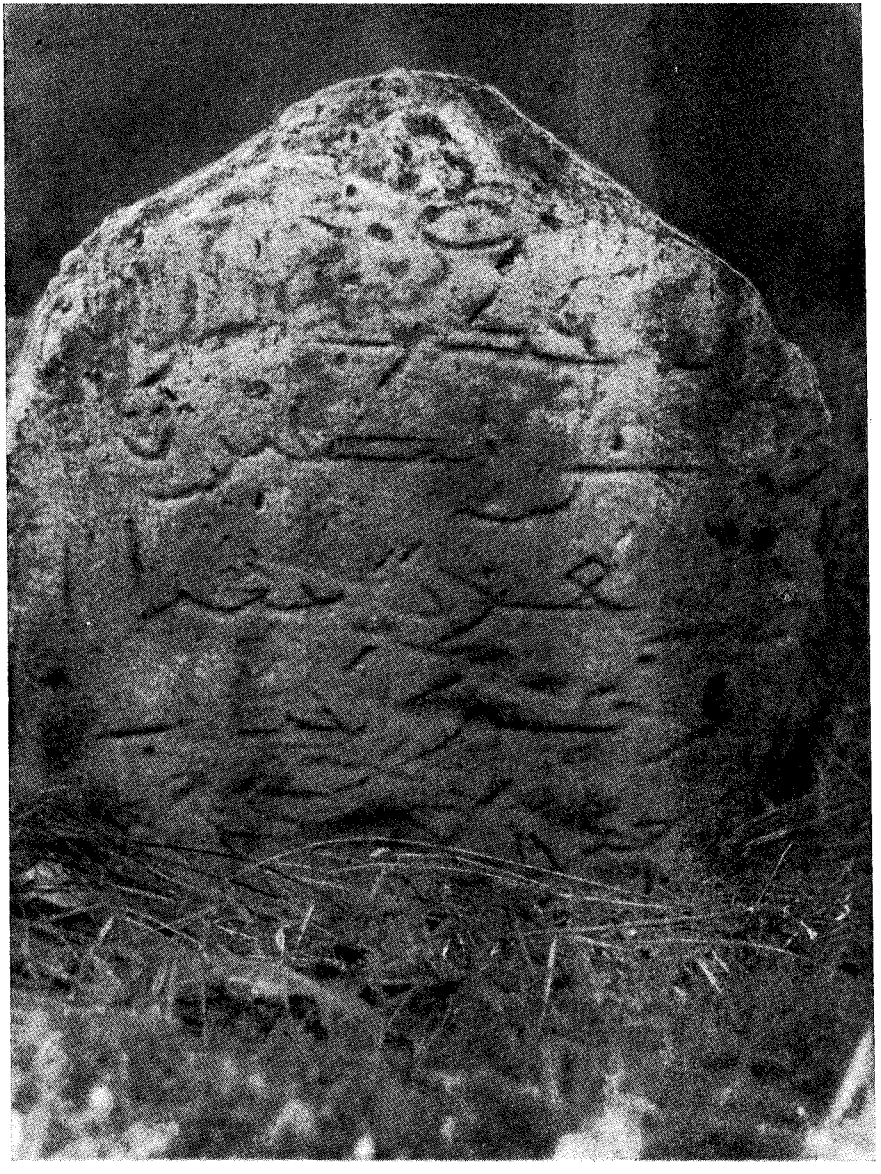
Литература

1) Юсупов 1963, 7—8 (текст и перевод).

Примечания

Памятник находится на кладбище села, где имеются еще несколько надмогильных плит булгарского периода. Размеры 65×37×10 см, надпись врезанная, полукуфическая. Разночтения: 1. У Юс. отсутствует дамма; 2. Юс. не отметил точки под син; 3. Поскольку есть конечный алиф, следует читать так. У Юс. алиф отсутствует; 4. Юс. не отметил диакритику; 5. Не отмечены точки и диакритика; 6. У Юс. это слово отсутствует. Видимо, оно является собственным именем.

32. Памятник из с. Сухие Курнали Алексеевского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) هُوَ الحَي الَذى لا يَموت و
٢) كلُ حَيِ سيَمُوتُ الحُكْ
٣) مُ لِلَه الْعلي الْكبيْر
٤) رَجَبْ اَوْلِ اِسبَلْ حَاجي
٥) اِسبَلْ حَاجِي اَوْلِ الحمد
٦) وَفَاتِ بَلْطوَ . . .

Транскрипция

1) Huwä-l-xäjji -l-läḍi lä jämutu wä
2) küllü xäjjin säjämutu. Äl-xök-
3) mü li-l-lahi-l-galijji-l-käbiri.

4) Räžäp oulï Jsbäl[1]-xaži,
5) Jsbäl-xaži oulï Äl-xämäd[2].
6) Wafatï bolṭï[3] . . .

Перевод

1) Он живой, который не умирает, а
2) все живущее умрет. Верховный
3) суд принадлежит богу всевыш-
нему, великому.
4) Сын Раджаба Исбель-хаджи,
5) сын Исбель-хаджи Эль-хамад.
6) Его смерть наступила . . .

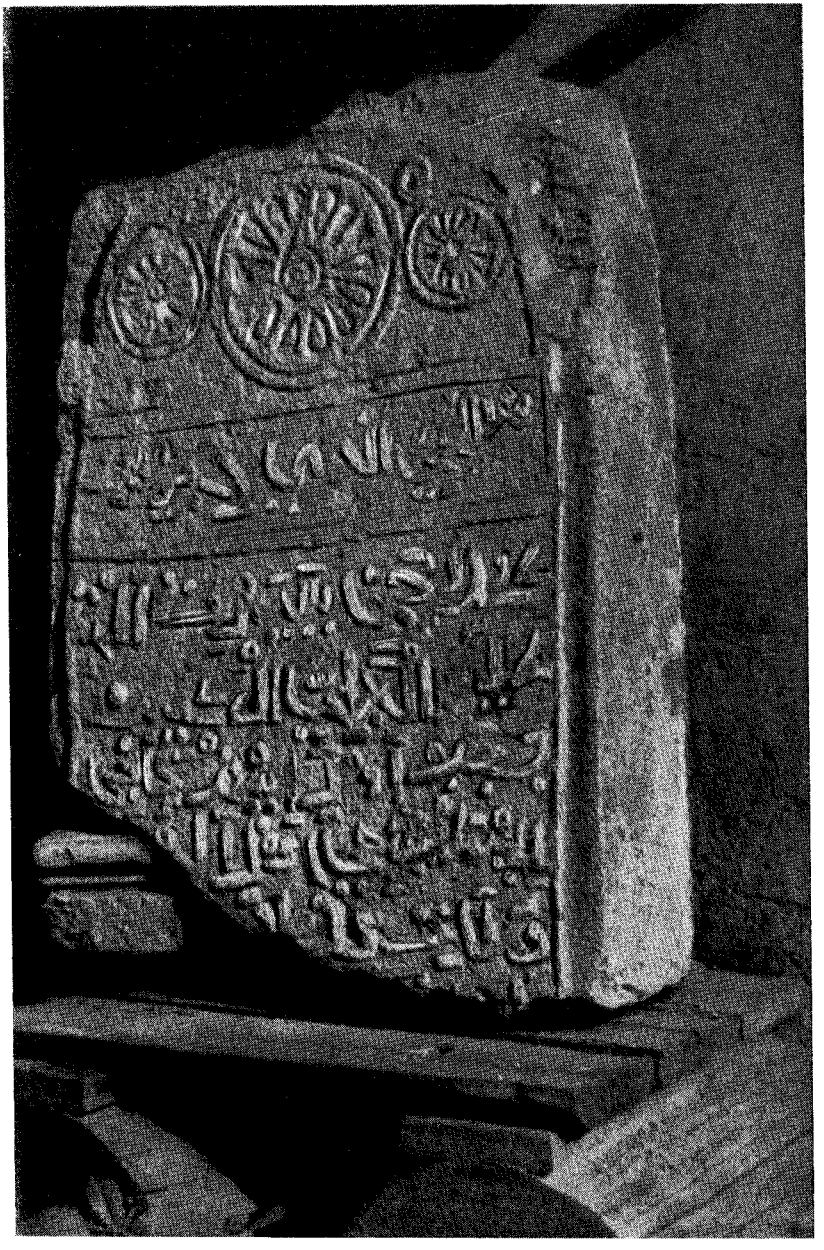
Литература

1) Юсупов 1963, 13—14 (текст и перевод).
2) Юсупов 1972, 49 (текст и перевод).
3) Булатов 1967, 199 (текст, чтение и перевод).

Примечания

Памятник с рельефной полукуфической надписью, имеет размеры 80×60×20 см. Нижняя часть надгробья утеряна, а само оно доставлено в музей из с. Старое Ромашкино, по мнению А. Б. Булатова, — из Ново-Шешминска. Чтение А. Б. Булатова чересчур неточное, поэтому мы отмечаем разночтения по работе Юсупова (1963) (а в другой работе Юсупова (1972) текст слишком упрощен, т. е. убраны почти все диакритические знаки): 1. У Юс. отсутствуют кесра и фатха; 2. Юс. читает как «Алихмад»; 3. Юс. приводит — بلط, а в работе (1972) — بك.

33. Памятник из краеведческого музея г. Чистополя (даты нет)

Текст

١) هُوَ الحى الَّذى لا يَمُوت

٢) وَ كُلُّ حَىّ سَيَمُوت يور

٣) كوُج اَولِ اَر خُواجَه

٤) زيارتى رَحمَةُ اللهِ

٥) عَلَيه رَحمَة واسِعَه

Транскрипция

1) Hüwä-l-xäjji-l-lazi lä jämutu
2) wä küllü xäjjin säjämutu. Jöri
3) Küč oulï Ar-χoǯa [1]
4) zêräti[2]. Räxmätü-l-lahi
5) gäläjhi räxmätän wasigätän.

Перевод

1) Он живой, который не умирает,
2) а все живущее умрет. Йори
3) Кюча сына Ар-ходжи
4) место погребения. Да будет милость бога
5) над ним милостью обширною.

Литература

1) Протокол общего собрания от 27/IX—1904 г. — ИОАИЭ, т. 21, вып. 2, с. 15 (упоминание о получении трех снимков надписей с кладбища с. Калмаюр).
2) *Г. В. Юсупов.* Отчет об эпиграфической поездке летом 1964 г. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 72.

Примечания

Памятник имеет размеры 100×58×20 см, текст, кроме первых двух строк, написан полукуфическим шрифтом. Разночтения: 1. В тексте над вав стоит дамма, а не фатха; 2. Последняя буква не огласована, а Юс. поставил дамму.

34. **Памятник из с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской области (даты нет)**

Текст

١) هو الحى الذى لا يموت
٢) ..... اسماعيل
٣) علم اول الامر دلم دلوك
٤) رحمه لله عليه
٥) رحمه واسعه

Транскрипция

1) Huwa-l-xäjji-l-läzi lä jämutu
2) ..... Ismägil-
3) gälim oulï Äl-ämir Belem bälükü.
4) Räxmätü-l-lahi gäläjhi
5) räxmätän wasigätän.

Перевод

1) Он живой, который не умирает.
2) ..... Исмагил-
3) алима сына, Аль-амир Бюлюма, надмогильный знак.
4) Да будет милость бога над ним
5) милостью обширною.

Литература

1) Юсупов 1963, 23 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры $90 \times 52 \times 20$ см, надпись врезанная, куфическая.

35. Памятник близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) الموت باب و كل النا
٢) س داخله أدلي اول
٣) ودس دلوي[ك]
٤) [رحمه الله] ...
٥) عليه واسعه

Транскрипция

1) Äl-mäütü babun wä küllü-n-na-
2) si daxilühü. Äbli oulï
3) Ütäš(?)[1] bälükü.
4) [Räxmätü-l-lahi] ...
5) gäläjhi[2] wasigätän.

Перевод

1) Смерть — дверь, и все лю-
2) ди войдут в нее. Аблия сына,
3) Утяша(?), надмогильный знак.
4) [Да будет милость бога] ...
5) над ним обширною.

Литература

1) Юсупов 1963, 26 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры $80 \times 60 \times 22$ см, текст написан врезанным куфическим шрифтом. Разночтение: 1. Данное имя Юс. оставил непрочтенным. 2. Здесь Юс. предполагает слово رحمه.

36. Памятник близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) بسم الله الرحمن الرحيم
٢) الموب داب و كل الناس
٣) داخله كل نفس ذائقه
٤) الموب موس اول
٥) نحس دلوي‌ك رحمه الله
٦) علىهم رحمه واسعه
٧) سب ارطان اول يوسف ادكر
٨) نحم الله طلسر ول حلر كم كرس
٩) وحر فاتحه سوره ول...

Транскрипция

1) Bismi-l-lahi-r-rähmani-r-rähimi.

2) Äl-mäütü babun wä küllü-n-nasi
3) daxilühü. Küllü näfsin dajiqatu.
4) -l-mäütü. Musa oulï
5) Baxši bälükü. Räxmäti-l-lahi

6) gäläjhim räxmätän wasigätän.
7) S-t[1] Arṭan[2] oulï Jusuf ä-d-k-r[3]

8) Jäxäm. Allahu ṭilir ul xiler, kem kürsä
9) uχïr fatixa sürä w-l...[4]

Перевод

1) Именем бога милостивого, милосердного.
2) Смерть — дверь, и все люди
3) войдут в нее. Всякая душа вкусит
4) смерть. Мусы сына,
5) Бахши, надмогильный знак. Да будет милость бога
6) над ним милостью обширною.
7) С-т Артана сына, Йусуфа, а-д-к-р
8) Йахам. Бог пожелает и он придет, кто увидит,
9) прочтет первую суру Корана у-л...

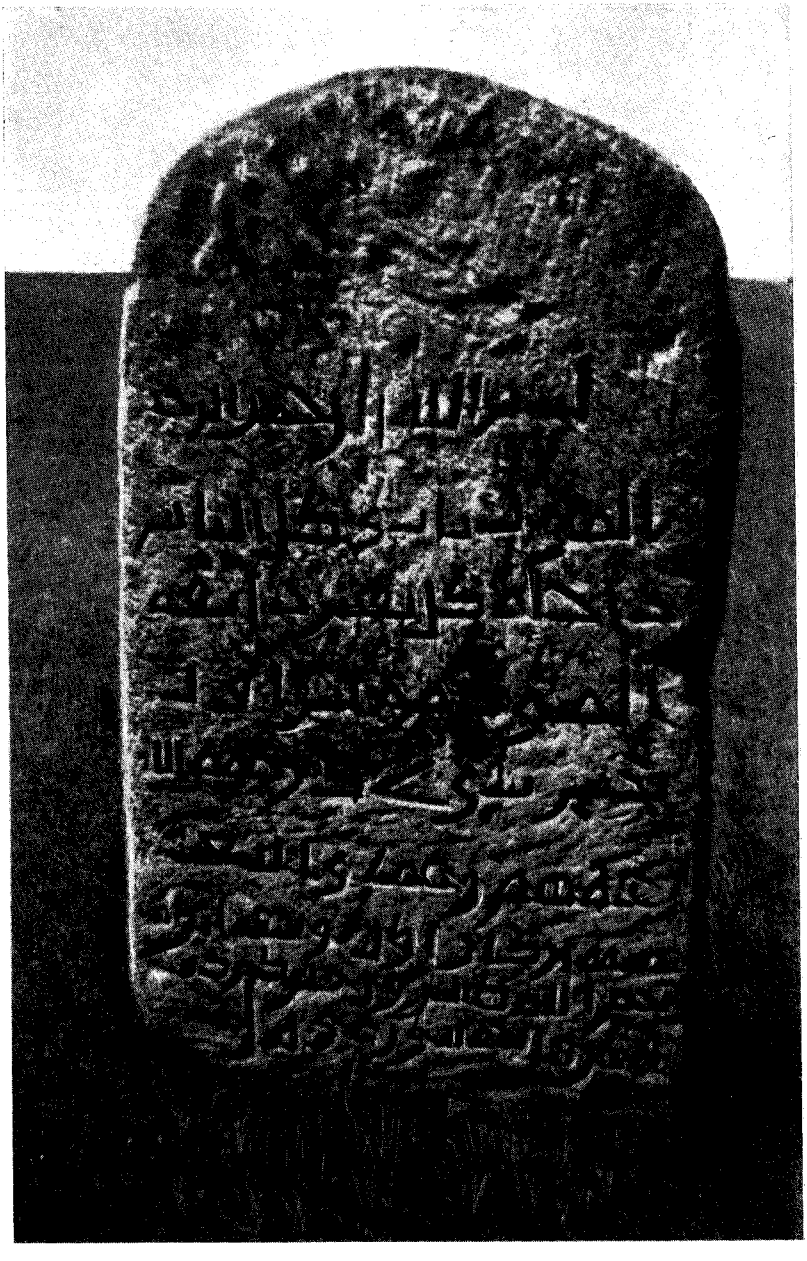
Литература

1) Юсупов 1963, 24 (текст и перевод).
2) Юсупов 1972, 50 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры 120×70×26 см. Шрифт надписи — булгарский полукуфи, нижние три строчки текста, возможно, выполнены другим резчиком. Разночтения: 1 и 2. Юс. приводит только арабские написания; 3. Также приводит лишь написание. А в работе (1972) все три слова заменяет точками. 4. В восьмой строчке Юс. читает первые два слова, остальные заменяет точками. Мы предлагаем свой вариант чтения.

37. Памятник близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) الحكم لله العلىّ الكبير
٢) صاتلمش اول اوجيح
٣) اول البطى بلوىك
٤) رحمة الله عليه رحمة
٥) واسعه

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi-l-gälijji [1] -l-käbiri [2]
2) Ṣatïlmïš [3] oulï Uǯix
3) oulï Alpṭaj [4] bälükü [5].
4) Räxmätü-l-lahi gäläjhi [6] räxmätän [7]
5) wasigätän.

Перевод

1) Верховный суд принадлежит богу всевышнему, великому.
2) Сына Сатылмуша Уджиха, (его)
3) сына Алптая надмогильный знак.
4) Да будет милость бога над ним милостью
5) обширною.

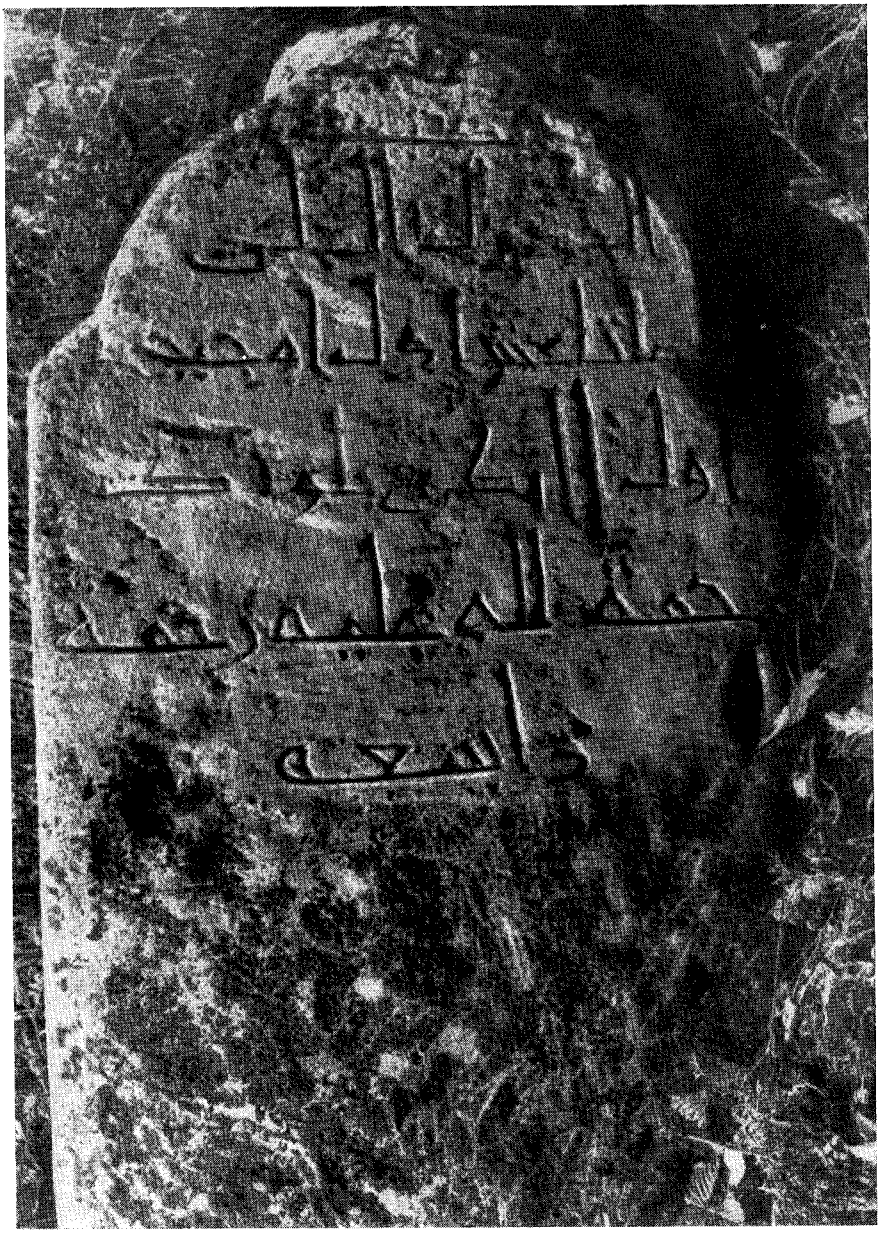
Литература

1) Юсупов 1963, 17 (текст и перевод).
2) Юсупов 1972, 49—50 (текст и перевод).

Примечания

Надгробье имеет размеры 155×55×23 см, надпись врезанная, куфическая. Разночтения даются по работе Юсупова (1963): 1. Юс. не отметил точку под айн; 2. Это слово Юс. пропустил, оно приподнято над строкой; 3. Юс. предлагает читать как «Абылмыш» или «Атылмыш»; 4. У Юс. нет точек под та и ба. В работе (1972) он под ба поставил три точки; 5. У Юс. нет точек под йа; 6. То же самое; 7. Нет точки под ра.

38. Памятник близ с. Исляйкино Чистопольского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) [كل] نفس ذايقة
٢) الموت ثم الينا
٣) تراجعين
٤) محرم ايج وڭم كن
٥) تمرج ممل اول
٦) . . . حرح كن. . .

Транскрипция

1) [Küllü] näfsin zajiqatü-
2) l-mäüti, ṣümmä iläjna
3) turaǯäginä.
4) Möxärräm ajχï onïm kön.
5) Temirči Mämli oulï
6) . . . . .χïrïχ kön...

Перевод

1) [Каждая] душа вкусит
2) смерть, после вы к нам
3) вернетесь.
4) Мухаррама месяца десятого дня.
5) Сын кузнеца Мамли
6) . . . . . сорок дней.

Примечание

Сохранилась часть памятника размером 54 × 34 × 23 см, надпись некаллиграфическая.

39. Памятник близ с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) الحكم لله العلى
٢) الكبير اس هر
٣) امرج زيارتى
٤) رحمه الله علمها
٥) رحمه واسعه

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-l-lahi-l-gälijji[1]-
2) l-käbiri. As hiri[2]
3) Ämräč zėräti.
4) Räxmätü-l-lahi gäläjha
5) räxmätän wasigätän.

Перевод

1) Суд принадлежит богу всевышнему,
2) великому. Ас дочери,
3) Эмряч, место погребения.
4) Да будет милость бога над ней
5) милостью обширною.

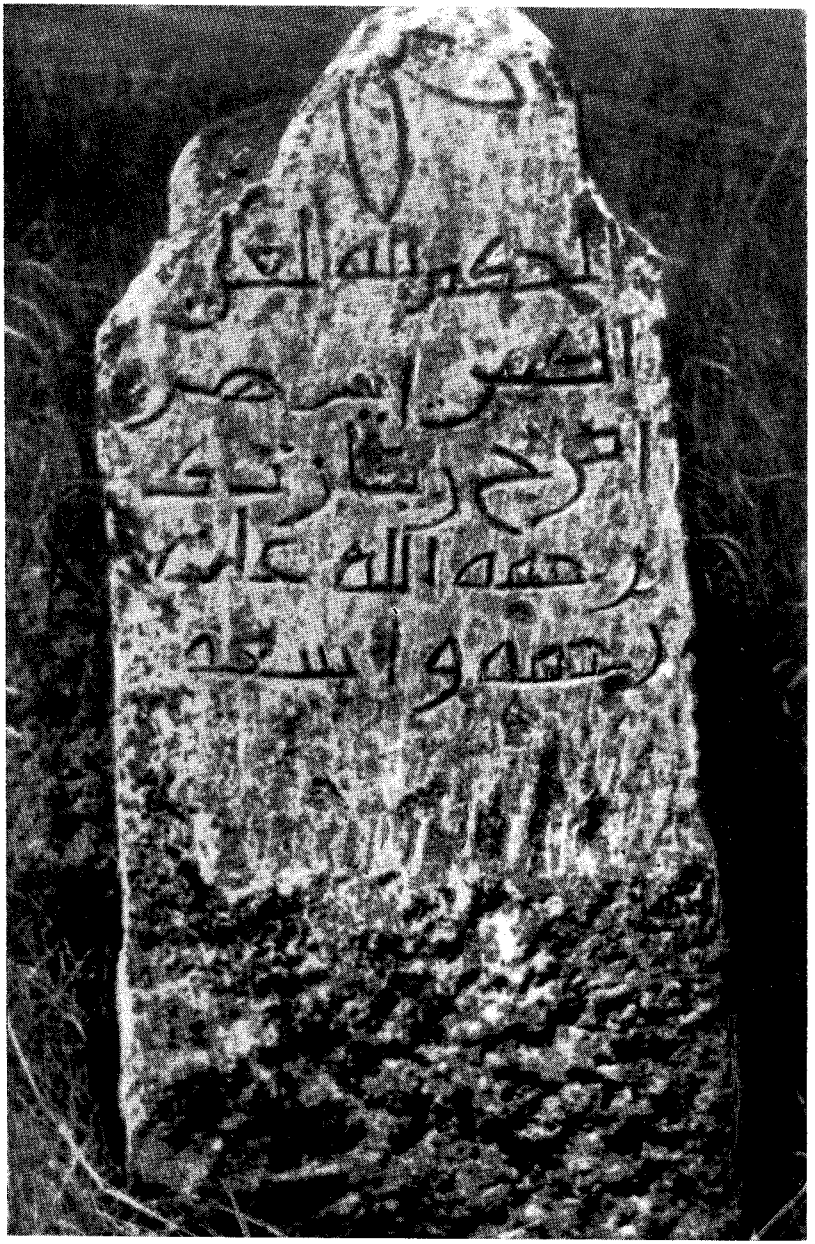
Литература

1) Юсупов 1961, 42 (текст и перевод).

Примечания

Надгробье относится к маломерным памятникам, текст написан врезанным полукуфи. Разночтения: 1. У Юс. йа без точек; 2. Юс. это слово приводит с серединным йа.

40. Памятник из с. Кулганы Апастовского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) الحكم لله البعلى

٢) الكبير يَاك

٣) اول اتمان

٤) بلَوىكُ رحمه

٥) لله عليهِ رحمه

٦) وَاسعه

Транскрипция

1) Äl-xökmu li-l-lahi -l-galijji [1] -l-

2) käbiri. Jäk [2]

3) oulï Iman [3]

4) bälükü [4]. Räxmätü-

5) l-lahi gäläjhi [5] räxmätän [6]

6) wasigätän [7].

Перевод

1) Суд принадлежит богу всевышнему,

2) великому. Йека (Бека?)

3) сына, Имана,

4) надмогильный знак. Да будет милость

5) бога над ним милостью

6) обширною.

Литература

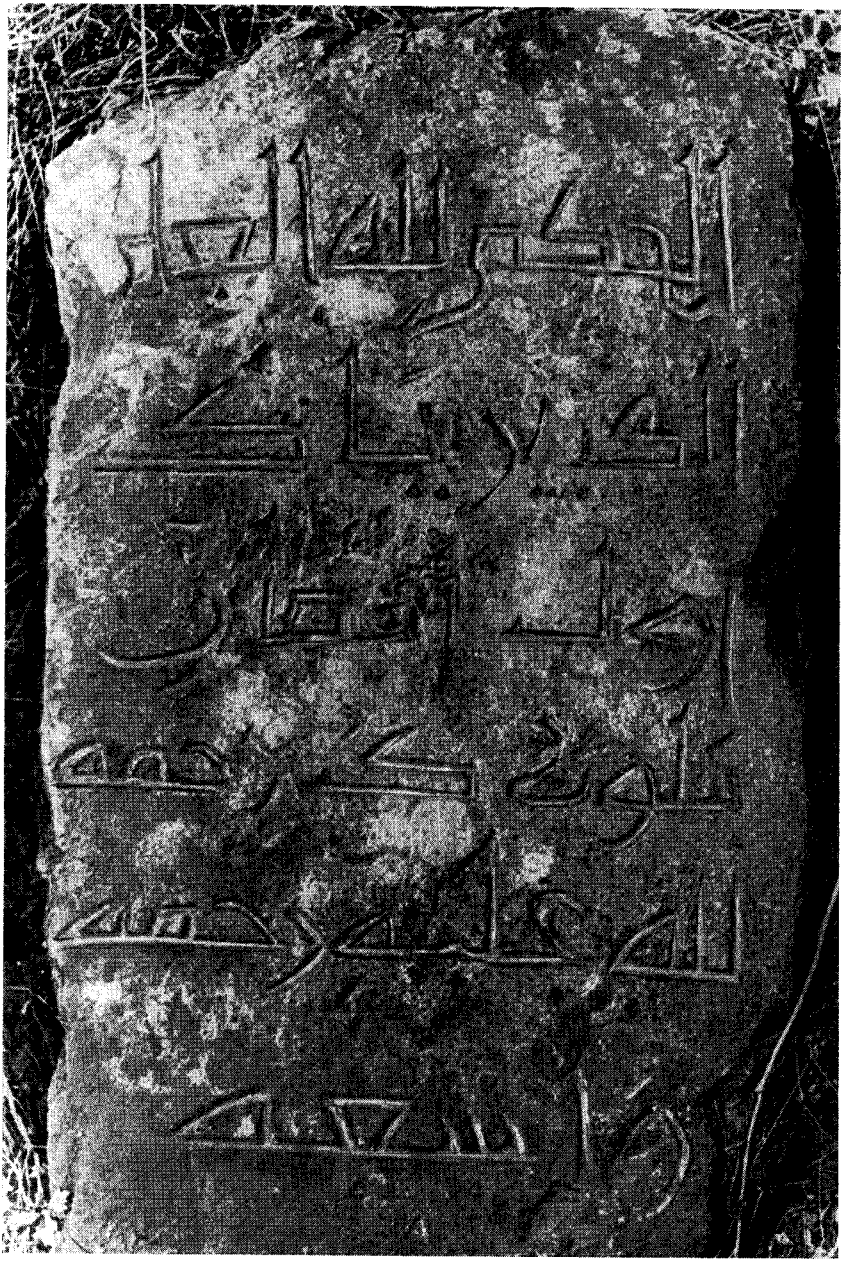
1) Юсупов 1963, 28—29 (текст и перевод).
2) Юсупов 1972, 50—51 (текст и перевод).

Примечания

Надгробье имеет размеры 87×41×18 см и находится в трех км к юго-западу от села. Это место местные жители называют «ханским домом». Недалеко от него находится старое кладбище «Таш билге», где имеется до десятка булгарских письменных памятников.

Разночтения приводятся по опубликованной работе Юсупова (1972): 1. Под йа у Юс. имеются две точки; 2. Это имя собственное. Его можно было бы читать как «Бек» (как и у Юс.), но под начальным знаком можно заметить две точки; 3. Чтение условное, так как первый знак не огласован, а второй можно читать как та, так и нун. А двоеточие под вторым знаком, которое имеется у Юс., при исследовании памятника на месте мы не обнаружили; 4. Юс. ставит лишний вав и пропускает фатху над начальным знаком; 5. Юс. не отметил точку под начальным знаком и кесру под конечным; 6. У Юс. это слово пропущено, хотя в работе (1963) оно и имеется; 7. Юс. пропустил фатху над вав и точки под син и айн.

41. Памятник близ с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) اَلحُكم لله العَلى الكَبير
٢) هو الحَي الذي لاَ يَمُوتُ
٣) و كل حَى سيمُوت الموتُ بَابٌ
٤) و كل الناس داخله... الله ...
٥—٧) . . . . . .
٨) . . . . حلفهم وَ . . . كيُبعد
٩) . . . . . كَرسيه . . .
١٠) . . . . . جطر . . . عاوَ موَّ
١١) . . . . . اعط . . . طلعد . . . .
١٢) حب . . . . . الله عَليه رَحمةً
١٣) . . . . . .
١٤) . . . . . .
١٥) . . . . . .

Транскрипция

1) Äl-xökmü li-lahi-l-galijji-l-käbirin.
2) Huwä-l-xäjji-l-läzi lä jämutu,
3) wä küllü xäjjin säjamutu. Älmäütü babun
4) wä küllü-n-nasi daxilühü. ... allahu[1]...
5—7) . . . . . .
8) . . . . . .
9) . . . . . .
10) . . . . . .
11) . . . . . .
12) . . . allahi gäläjhi räxmätän
13) . . . . . .
14) . . . . . .
15) . . . . . .

Перевод

1) Суд принадлежит богу всевышнему, великому.
2) Он живой, который не умирает,
3) а все живущее умрет. Смерть— дверь,
4) и все люди войдут в нее. ... бога ...
5—7) . . . . . .
8) . . . . . .
9) . . . . . .
10) . . . . . .
11) . . . . . .
12) ... бога над ним милостью
13) . . . . . .
14) . . . . . .
15) . . . . . .

Литература

1) Юсупов 1963, 29 (текст и перевод).

Примечания

Памятник имеет размеры 170×80×28 см и находится в одном километре к югу от села на пригорке. Рельефная надпись местами выветрилась. Разночтение: 1. Юс. это слово не приводит, а до него приведенные слова огласованы лишь частично. Последующие строчки он оставляет непрочитанными, кроме восьмой строчки, в которой смог разобрать слово حلفهم.

42. Памятник близ с. Татарский Толкиш Чистопольского р-на ТАССР (даты нет)

Текст

١) على يوارى
٢) اول الا . . .
٣) يوارى . . .
٤) هو الحى الذى لا يموت و
٥) كل حى سيموت كل نفس
٦) ذايقة الموت ثم الينا تر
٧) جعون وعلى اذا نمو على . . .
٨) نمو اس لا فها الما . . .
٩) . . . . اوسل الصلوه عليه
١٠) . . . . . .

Транскрипция

1) Gali-jöri
2) oulï äl-A . . .[1]
3) jöri . . .[2]
4) Huwä-l-xäjji-l-läẓi lä jämutu, wä
5) küllü xäjjin säjämutu. Küllü näfsin[3]
6) ẓajiqatu-l-mäüti, ṣümmä iläjna tur-
7) ǯägunä wä gälä . . .[4]
8) . . . . .
9) . . . aṣ-ṣalawatu gäläjhi
10) . . . . .

Перевод

1) Али-йори
2) сына, аль-А. . .
3) йори, . . .
4) Он живой, который не умирает, а
5) все живущее умрет. Всякая душа
6) вкусит смерть, после к нам (вы) вер-
7) нетесь, и над. . .
8) . . . . . .
9) . . . молитву над ним
10) . . . . . .

Литература

1) Юсупов 1963, 15—17 (текст и перевод).

Примечания

Памятник находится в трех километрах к западу от села на берегу реки. Имеет размеры 100×55×20 см и представляет собой верхнюю часть надгробья. Разночтения: 1. Это слово Юс. переводит как «старший» и дальше не читает; 2. Здесь Юс. предполагает имя Даут; 3. Здесь и в последующих словах Юс. точки не приводит; 4. С седьмой по девятой строчке Юс. приводит следующий текст: جعون وعلى اذا نمو على رحمه . . .[الماسل] واسعه [اسل اصلوه] عليه и переводит как

«7. к нам . . . ми-
8. лостью обширною. . .
9. . . .»

По десятой строчке надписи камень расколот, и предполагаемая нижняя часть камня с четырехстрочным текстом (Юс. считает его продолжением интересующего нас текста), на наш взгляд, является обломком другого памятника.

43. Памятник близ с. Исляйкино Чистопольского р-на ТАССР (даты нет)

ВОЛЖСКО-БУЛГАРСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Abram	—	ابرم
Afaχ	—	اَفخ
Afaχ älti	—	افخ الت
Aχruž	—	اَخرُج
Aj bikä	—	آی بکه
Ajïχ	—	ایغ
Aju	—	ایو
Ajup	—	ایوب
Ajup jöri	—	ایوب یواری
Allaj	—	اللی
Alïp χoža	—	الیب خواجه
Alïpṭaj	—	البطی
Alp	—	الب
Alṭïn Berte	—	الطن برت
Alṭïn Bu	—	الطن بو
Alqïs	—	القیپس
Amat χoža	—	اَمَات خُوَاجه
Ar χoža	—	اَر خوَاجه
Ars Siraž jöri	—	ارس سراج یواری
As	—	اپس
Asijä	—	اَسیَه
Aslan	—	اسلان
Aşnap	—	اَصنَب
Ašït	—	اَشِت
Ašlï	—	اشلی
Äblï	—	اَبلِ
Äbrä	—	ابر
Äbräk	—	ابرك
Äbrü	—	اَبرُ
Äbtä	—	اَبتَ
Äbübäker jöri	—	ابوبکر یواری
Äbübäker χoža	—	ابوبکر خواجه
Äčkä	—	اچکی
Ädäm	—	اَدِمُ
Ägmäš	—	اِغمش
Ählulla	—	اهلوالله
Äxäž	—	احج
Äxmäd	—	اَحمَدُ
Äxmäd Ayan Ilγi-xisi Ütäj (?)	—	(?) اَحمد اَغَانِ الغِجِسِ اُتَنُ
Äxmäd xaži	—	احمد حاجی
Äxmi	—	اَحم
Äxüt	—	اُحُت
Äl-ämir Belem	—	الا مر بلم
Älbäk	—	البك
Äljam	—	البام
Älmägär	—	المعار
Älmüš	—	المُوش
Äl-xämäd	—	الحمد
Älxan	—	الحان
Ämäx	—	امَح
Ämbal	—	امبال
Ämir	—	اَمِر
Ämräč	—	امرَج
Änbal	—	اَنبال
Änüs	—	انوس
Ärγät	—	(?) اَرغَت
Ärmaš	—	اَرمَاش
Ärši	—	اَرشِ
Äsäd	—	اسد
Äsän	—	اسن
Äsbi	—	اسب

Äsna	—	اسنا
Äšän	—	اشان
Äträč	—	اترج
Äträč jöri	—	اتراج یواری
Äträč χoža	—	اتراج خواجه
Äčän	—	اجان
Bajïš	—	بایش
Bajqara	—	بای قرا
Baxši	—	بخشی
Bäk	—	بك
Bäk Käj Saqaj	—	بك كای سقی
Bäktemir	—	بكتمر
Bäläχ	—	بلغ
Bältüläk	—	بلتلك
Belemšaq bäk	—	بلمشاق بك
Bolγari Musa	—	بلغاری موس
Bolγari Ṣalar	—	بلغاری صلر
Böžök	—	بجك
Budis	—	بودس
Bulaṭ	—	بلط
Buraš bäk	—	بوراش بك
Bülärtaj	—	بولارتای
Čäkär	—	جكر
Čäkär älti	—	جكر التی
Čütäj	—	جای
Fajaža	—	فیاجا
Faṭïjma	—	فاطمه
Faṭïjma älči	—	فاطمه الجی
Gäli	—	علی
Gäli jöri	—	علی یواری
Gäli xaži	—	علی حاجی
Gäli xaži bik älbolγari	—	علی حاجی بیك البلغاری
Gäli χoža	—	علی خواجه
Gäläki	—	علك
γabdulla	—	عبد الله
γabdelǯabbar	—	عبد الجبار
γajsä	—	عیسی
γajša	—	عیشی
γašurä	—	عاشورا
γomär	—	عمر
γomär bäk	—	عمر بك
γomär xaži	—	عمر حاج
γosman	—	عثمان
γošman äčkä	—	عثمان اجكا
γošman äl-bolγari	—	عثمان البلغاری
Häjbätlü	—	هیبتلو
Xaži	—	حاج
Xaži älči	—	حاجی الجی
Xaži bäk	—	حاجی بك
Xaži Bu	—	حاج بو
Xaži Xösäjin	—	حاجی حسین
Xaži Xösäjin bäk	—	حاجی حسین بك
Xaži Tämti	—	حاجی تمت
Xäčimä	—	حجم
Xäfaž	—	حفاج
Xälmüš	—	حلمش
Xälmüṭaš	—	حلمطش
Xämad	—	حماد
Xämzä (?)	—	حمر
Xärmas	—	حرماس
Xätäš	—	حمش
Xäsän	—	حسن
Xäsän bäk	—	حسن بك
Xäsän jöri	—	حسن یواری
Xäsän Sämärqandi	—	حسن سمرقندی
Xäsän χoža	—	حسن خواجه
Xösäjin	—	حسین
Xösäjin äl-bolγari	—	حسین البلغاری
Xösäjin jöri	—	حسین یواری
χolxan	—	خل خن
χoža Äxmäd	—	خواجه احمد
χoža Bäjram	—	خوجه بیرام
İbrahim	—	ابرا هیم
İbrahim äs-sewari	—	ابراهم السواری
İbraš	—	ابراش

İljas	—	اِلیَاس
İman	—	ادمَان
İnük	—	اینوك
İsaχ	—	اِسَخ
İsbäl xaği	—	اِسْبَلْ حَاجِي
İsχaq	—	اسحاق
İsmagil	—	اِسماعیل
İsmagil äš-šämaχi	—	اسما عیل الشماخی
İsmagil gälim	—	اسما عیل علم
İsmagil jöri		اسماعیل یَوَاری
İsux	—	اِسُح
Jagqup	—	یَعقوب
Jagqup jöri	—	یعقوب یواری
Jagqunt	—	یَعقُونت
Jakuč	—	یاکوج
Jaqup	—	یقوب
Jäk	—	یَاك
Jäxäm	—	یَحَم
Jälbä	—	یَلبَه
Jöri Äxmäd	—	یواری احمد
Jöri Daud	—	یواری داود
Jöri Küč	—	یور کُوج
Julamis	—	یولا مس
Junus	—	یونس
Junus äl-bolγari	—	یونس البلغاری
Jusuf	—	یوسف
Jusuf xaği	—	یُوسُف حاج
Jusuf jöri	—	یوسُف یوَاری
Käxäl	—	کحل
Kämal	—	کمَالْ
Köhärä	—	کُهَرَ
Kükäžä	—	کوکَج
Mamuq	—	مامُوق
Manşur äl-bolγari	—	منصُور البلغاری
Mäčkä	—	مَجكَ
Mäxkäm	—	محکم
Mäxmüd	—	محمود
Mäxmüd xaği	—	محمود حاجی
Mäjmünä	—	مَیمُن
Mäkbäš	—	مکبش
Mämat	—	مَمَات
Mämäk	—	مَمَك
Mämäk jöri	—	مَمك یواری
Mämdux	—	ممدُح
Mämli	—	مَملِ
Mämli jöri	—	ممل یواری
Mänli	—	مَنلي
Märjäm	—	مریم
Märžan	—	مَرجان
Mäsgüd	—	مسعود
Minaž	—	منج
Mir-Xäsan	—	مرحسن
Mir-Ibrahim inal	—	میر ابرَاهِیم انَال
Mir-Mäxmüd	—	میر محمود
Mišä (?)	—	مسه
Muxšï	—	محس
Muxšï Bađan äl-bolγari	—	موحشي بضان البلغاری
Möbäräk šah Qurasani	—	مبارك شاه قوراسان
Möxämmäd	—	محمد
Möxämmäd Mir-Mäxmüd	—	محمد میر محمود
Möxämmäd šäjeχ äl-kerdari	—	محمد شیخ الکرداری
Möxämmäd šärif	—	محمد شریف
Möxämmäd äl-šändi	—	محمد الجندی
Mösafir Märžan (?)	—	مسفر مرحان
Musa	—	موس
Musa bäk	—	موس بك
Musa xaği	—	موس حاجی
Mün Bülär Balimär Äxmäd jöri	—	مُون بُلَرْ بَالمارْ اَحمد یواری
Mümin Köek	—	مُومن کویاك

Ouraz	—	اَوْرَاز
Qunčï	—	قونچی
Qutluγ bäk	—	قوتلوغ بک
Qutluγ Temur	—	قوتلوغ تمور
Ramaḍan	—	رَمَضَانْ
Räǧäp	—	رَجَبْ
Rïqjač	—	رقیاج
R-s äš-šämaχi (?)	—	رس الشماخی
Ṣadreddin äš-širwani	—	صد رادین الشرونی
Saqman	—	سقمن
Sara	—	سَارَ
Sara χatun	—	سَرَ حاتون
Säfjan	—	سفیان
Säfär mälikä	—	سفر ملك
Säγjan	—	سغیان
Säjtä	—	سَیتَ
Sälmän	—	سلمن
Sälmän bi	—	سلمان بی
Säman	—	سَمَان
Sänǧä älti	—	سَنجَ اَلتِ
Sänǧäz	—	سنجز
Särixä	—	سرِح
Säruǧi	—	سِرِچ
Säümär	—	سَومَر
Sewar	—	سوار
Sewarlï Aṣnap	—	سوبارلِ اصنَب
Sewarlï χoǧa	—	سواریالی خواجه
Soχ	—	سخ
Soh xaǧi	—	سواه حاجی
Söbäjtä	—	سُبَیتَ
Söläjman	—	سُلَیمَان
Sus älti	—	سوس الت
Ṣabar əlči	—	صبر ایلجی
Ṣafibä	—	صَفیبه
Ṣali	—	صلي
Ṣaliχ	—	صالح
Ṣaṭïlmïš	—	صاتلمش
Šäbgä	—	شبعا
Šäjeχ	—	شیخ
Šähid xaǧi	—	شهید حَاجِ
Šähidulla	—	شهدلا
Šähim χoǧa	—	شهم خواجه
Šäkär	—	شکر
Šahim mälikä	—	شاهم ملك
Šämar mälikä	—	شمار ملك
Ṭabač	—	طباج
Tamγači İbrahim äs-sewari	—	تمغاجی ابراهیم السواري
Ṭaṭar Bältük	—	ططر بَلتُك
Täglimän	—	تَعلیمَن
Täxäm	—	تَحم
Tämir	—	تَمِر
Temirči Mämli	—	تمرج ممل
Temräč	—	تمراج
Ṭoraj	—	طرای
Toṭaj	—	تطی
Törekmän Möxämmäd	—	تُرکمَان مُحمد
Tuxči İsmagil	—	توحج اِسماعِیل
Tuqṭar	—	توقطار
Tüdäjǧä	—	توده یجا
Umar (?)	—	اومر
Urum Alp	—	وُرُم اَلبْ
Urum Möxämmäd	—	اُرُم محمد
Uǧix	—	اوجیج
Ütäš (?)	—	وتس
Wäwäker Čelebi	—	ووکر جلبی
Zäjtünä	—	زَیتون
Zöhräš	—	زهرش
Ǯax Čäkär	—	جاح جکر
Ǯalur	—	جالور
Ǯafar aγa äl-afri kančï	—	جفر اعاالافر کانجی
Ǯälwi	—	جلو
Ǯärkä	—	جرك
Ǯäühär	—	جوهَر
Ǯu älti	—	جو الت

СПИСОК МЕСТ НАХОДОК (ИЛИ ХРАНЕНИЙ) ПАМЯТНИКОВ, УКАЗАННЫХ В ДАННОЙ РАБОТЕ

(порядковые номера даются по нашей картотеке)

4 — с. Арбузов Баран Алексеевского р-на ТАССР.
7 — с. Новый Чувашский Адам Алексеевского р-на ТАССР.
8 — с. Ошняк Алексеевского р-на ТАССР.
9 — с. Ошняк Алексеевского р-на ТАССР.
10 — краеведческий музей г. Чистополя ТАССР.
11 — краеведческий музей г. Чистополя ТАССР.
12 — с. Сухие Курнали Алексеевского р-на ТАССР.
18 — с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР.
19 — с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР.
20 — с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР.
21 — с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР.
22 — с. Тяжбердино Алькеевского р-на ТАССР.
23 — с. Исляйкино Чистопольского р-на ТАССР.
25 — с. Исляйкино Чистопольского р-на ТАССР.
26 — с. Ямбухтино Куйбышевского р-на ТАССР.
27 — с. Ямбухтино Куйбышевского р-на ТАССР.
28 — с. Ямбухтино Куйбышевского р-на ТАССР.
30 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
31 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
32 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
33 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
35 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
37 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
39 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
40 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
41 — с. Старое Ромашкино Чистопольского р-на ТАССР.
43 — с. Старый Баллыкуль Алькеевского р-на ТАССР.
44 — с. Старый Баллыкуль Алькеевского р-на ТАССР.
45 — с. Старый Баллыкуль Алькеевского р-на ТАССР.
46 — с. Старый Баллыкуль Алькеевского р-на ТАССР.
48 — с. Старый Баллыкуль Алькеевского р-на ТАССР.
49 — с. Татарское Шапкино Алькеевского р-на ТАССР.
50 — с. Татарский Толкиш Чистопольского р-на ТАССР.
54 — с. Кармалы Чистопольского р-на ТАССР.
55 — с. Ишалки Чистопольского р-на ТАССР.
56 — с. Верхнее Никиткино Чистопольского р-на ТАССР.
57 — с. Чувашская Елтань Чистопольского р-на ТАССР.
58 — д. Байтеряково Чистопольского р-на ТАССР.

59 — с. Старые Челны Алькеевского р-на ТАССР.
62 — с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР.
63 — с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР.
64 — с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР.
65 — с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР.
66 — с. Урмандеево Аксубаевского р-на ТАССР.
68 — с. Старые Савруши Аксубаевского р-на ТАССР.
70 — с. Старый Татарский Кереметь Аксубаевского р-на ТАССР.
71 — с. Старое Ибрайкино Аксубаевского р-на ТАССР.
72 — с. Барское Енорускино Аксубаевского р-на ТАССР.
76 — с. Барское Енорускино Аксубаевского р-на ТАССР.
77 — с. Барское Енорускино Аксубаевского р-на ТАССР.
80 — с. Иске-Рязяп Куйбышевского р-на ТАССР.
81 — с. Иске-Рязяп Куйбышевского р-на ТАССР.
82 — с. Иске-Рязяп Куйбышевского р-на ТАССР.
83—136 — все из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР.
145 — с. Русский Урмат Высокогорского р-на ТАССР.
147 — Гос. музей ТАССР.
148 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
149 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
150 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
151 — с. Салтыганово Камско-Устьинского р-на ТАССР.
152 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
153 — с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР.
154 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
155 — с. Архангельское Чердаклинского р-на Ульяновской обл.
156 — Гос. Исторический музей (г. Москва).
157 — с. Тетюши Тетюшского р-на ТАССР.
158 — с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР.
159 — с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР.
160 — с. Гордино Балезинского р-на Удмуртской АССР.
161 — с. Старое Казеево Камско-Устьинского р-на ТАССР.
162 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
163 — с. Салтыганово Камско-Устьинского р-на ТАССР.
164 — Гос. музей ТАССР.
165 — с. Шамбулахчи Апастовского р-на ТАССР.
166 — с. Измя Сабинского р-на ТАССР.
167 — с. Кулганы Апастовского р-на ТАССР.
168 — с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.
169 — с. Матвеевка Чердаклинского р-на Ульяновской обл.
170 — с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.
171 — с. Чишма Чишминского р-на БАССР.
173 — с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР.
174 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
175 — д. Мавлютово Кушнаренковского р-на БАССР.
176 — с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.
177 — с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.
178 — Гос. музей ТАССР.

179 — с. Старый Ашит Арского р-на ТАССР.
180 — с. Большие Нырсы Сабинского р-на ТАССР.
181 — с. Ямашурма Высокогорского р-на ТАССР.
182 — с. Большие Нырсы Сабинского р-на ТАССР.
189 — с. Таутермень Сабинского р-на ТАССР.
190 — с. Большие Кибя-Кози Сабинского р-на ТАССР.
191 — с. Матвеевка Ульяновской обл.
192 — с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.
193 — с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.
194 — с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.
196 — Гос. музей ТАССР.
197 — пос. Правая Волга близ Батраков Куйбышевской обл.
198 — пос. Красный Ключ Чишминского р-на БАССР.
199 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
200 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
201 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
203 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
204 — с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
208 — с. Старый Ашит Арского р-на ТАССР.
209 — с. Урень Чердаклинского р-на Ульяновской обл.
210 — с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской обл.
212 — с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской обл.
213 — с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской обл.
214 — с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской обл.
215 — с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской обл.
216 — с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР.
217 — с. Средние Кирмени Мамадышского р-на ТАССР.
218 — с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР.
222 — с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР.
224 — с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР.
225 — с. Нижние Яки Мамадышского р-на ТАССР.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аманжолов 1959 — *Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. I. Алма-Ата, 1959.

Андреев 1956 — *Андреев Н. А.* Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными булгарских намогильных памятников. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1956, вып. 14.

Антонович 1968 — *Антонович А. К.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом. Вильнюс. 1968.

Аракин 1974 — *Аракин В. Д.* Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода. «Тюркизмы в восточнославянских языках». М., 1974.

Ахметьянов 1973 — *Ахметьянов Р.* О древнем аграрном календаре народов Поволжья и Приуралья. «Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1972 г.». Казань, 1973.

Ахметьянов 1976 — *Ахметьянов Р. Г.* Фонетика древнебулгарских заимствований в татарском языке. «Татар теле һәм әдәбияты». 5-нче китап. Казан, 1976.

Ашмарин 1898 — *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка, ч. 1—2. Казань, 1898.

Ашмарин 1902 — *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваши. — ИОАИЭ, 1902, т. 18, вып. 1—3.

Ашмарин Н. И. Болгарские надписи, найденные около с. Тукмакла. «Изв. общ. исследования и изучения Азербайджана» (Баку), 1928, № 5.

Ашмарин Н. И. Об одном мусульманском камне в загородном архиерейском доме в Казани. — ИОАИЭ, 1905, т. 21, вып. 1.

Ашмарин 1929 — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка, вып. 2. Казань, 1929.

Ашмарин 1941 — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка, вып. 16. Чебоксары, 1941.

Баскаков 1951 — *Баскаков Н. А.* Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках. «Труды Московского ин-та востоковедов». М., 1951, вып. 6.

Баскаков 1969 — *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Баскаков 1974 — *Баскаков Н. А.* Протетические согласные в тюркских языках Юго-Восточной Европы и их происхождение (доклад на III международном съезде по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест. 4—10 сентября 1974 г.). М., 1974.

Батманов 1964 — *Батманов И. А.* Следы говоров в языке памятников орхоно-енисейской письменности. «Проблемы тюркологии и истории востоковедения». Казань, 1964.

Батманов 1971 — *Батманов И. А.* Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. «Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках». Фрунзе, 1971.

Березин И. Булгар на Волге. «Уч. зап. Имп. Казанского ун-та». Казань, 1852, кн. 2.

Бертельс 1953 — *Бертельс Е. Э.* Как звали первую жену Низами? «Акад. В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953.

Большаков и Монгайт 1971 — *Большаков О. Г., Монгайт А. Л.* Путешествие Абу-Хамид ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971.
Боровков 1963 — *Боровков А. К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963.
Боровкова 1966 — *Боровкова Т. А.* О губных согласных в «Дивану лугат-ит-турк» Махмуда Кашгари. «Тюркологический сборник». М., 1966.
Борынгы 1963 — Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963.
Бубрих 1948 — *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 1948.
Будагов 1869 — *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869.
Булатов 1963 — *Булатов А. Б.* Булгарские эпиграфические памятники XIII—XIV вв. Правобережья Волги. — ЭВ, 1963, вып. XVI.
Булатов 1967 — *Булатов А. Б.* Эпиграфические памятники Закамья XIV в. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1967, вып. 36.
Булатов 1969 — *Булатов А. Б.* Антропонимы у болгар. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1969, вып. 47.
Булатов 1971 — *Булатов А. Б.* Личные имена у древних болгар (VI—XVI вв.). «Ономастика Поволжья—II». Горький, 1971.
Бурганова 1962 — *Бурганова Н. Б.* Говор каринских и глазовских татар. — МТД, 1962, кн. 2.
Бурганова 1969 — *Бурганова Н. Б.* Диалекты татарского языка и памятники древней письменности. «Вопросы татарского языка и литературы». Казань, 1969, кн. 4.
Вахидов 1925 — *Вахидов С. Г.* Исследование ярлыка Сахиб-Гирей Хана. — ИОАИЭ, 1925, т. 33, вып. 1.
Владимирцов 1934 — *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Л., 1934.
Вознесенский 1894 — *Вознесенский П.* Надгробные камни в Жукотинском округе по левую сторону Камы. Субычьи горы на Каме. — ИОАИЭ, 1894, вып. 1.
Воробьев Н. И. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТАССР. «Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР», вып. III. Казань, 1926.
Гарипов 1972 — *Гарипов Т. М.* Старотюркские письменные памятники Башкирии. — СТ, 1972, № 4.
Генинг, Халиков 1964 — *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.
Греков Б. Д. Волжские болгары в IX—X вв. «Исторические записки», № 14. М., 1945.
Греков 1949 — *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949.
Грузов Л. П. К проблеме развития редуцированных гласных в языках Волго-Камья. — СФУ, 1966, № 2.
Гузев 1972 — *Гузев В. Г.* О ярлыке Мехмеда II. «Тюркологический сборник. 1971». М., 1972.
Дело 1767 — Дело, начавшееся по именному указу, с 1762 г. по 1767 г. командированного в Казанскую губернию подполковника Свечина для описи свидетельства корабельного дубовых лесов. . . — ЦГАДА, ф. 248, оп. 41, ед. хр. 3419.
Десницкая 1970 — *Десницкая А. В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
Дмитриев 1889 — *Дмитриев А.* Древний Булгар и татарские о нем предания. — ИОАИЭ, 1889, т. 7.
Дмитриев 1948 — *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
Дневные 1771 — Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году, ч. 1. СПб., 1771.

Добродомов 1974а — *Добродомов И. Г.* Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках. Докт. дис. М., 1974.
Добродомов 1974б — *Добродомов И. Г.* Пути проникновения булгарских элементов в славянские языки. «Тюркизмы в восточнославянских языках». М., 1974.
Добродомов 1974в — *Добродомов И. Г.* Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков. — СТ, 1974, № 2.
Добродомов 1976 — *Добродомов И. Г.* К вопросу о венгерском sz-, соответствующем тюркскому j-, в старых булгаризмах. «Тюркологические исследования». М., 1976.
Егоров 1949 — *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Автореф. докт. дис. Чебоксары, 1949.
Егоров 1954 — *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. 1. Чебоксары, 1954.
Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Җәләй 1954 — *Җәләй Л.* Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар. Казан, 1954.
Закиев М. З. Общий взгляд на булгарский язык. «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР (тезисы докладов и сообщений)». Алма-Ата, 1976.
Заляй 1948 — *Заляй Л.* К вопросу о происхождении татар (по материалам языка). «Происхождение казанских татар». Казань, 1948.
Заляй 1953 — *Заляй Л.* Отзыв о диссертационной работе Г. В. Юсупова на тему «Булгаро-татарские эпиграфические материалы XIII—XVII вв. (к вопросу о происхождении казанских татар)». — Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР, ф. 72.
Заляй 1955 — *Заляй Л. З.* Развитие татарской диалектологии в советский период. «Материалы по диалектологии». Казань, 1955.
Зиндер 1960 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Л., 1960.
Зиндер 1963 — *Зиндер Л. Р.* К вопросу о фонологической интерпретации данных древней письменности. «Вопросы теории и истории языка». Л., 1963.
Износков 1893 — *Износков И. А.* Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. — ИОАИЭ, 1893, т. 11, вып. 3.
Ильминский 1863 — *Ильминский Н. И.* О фонетическом отношении между чувашским и тюркскими языками. — ИИАО, 1863, т. 5, вып. 2.
Ильминский 1884 — *Ильминский Н. И.* Выступление на заседании съезда. «Труды 4-го археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г.», т. 1. Казань, 1884.
История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
Исхаков 1955 — *Исхаков Ф. Г.* Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — ИСГТЯ.
Исхаков, Пальмбах 1961 — *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
Калачев 1879 — *Калачев П. В.* Донесение подполковника Свечина о древностях, найденных им в Болгарах. «Сборник археологического ин-та», кн. 2, СПб., 1879.
Калинин 1942а — *Калинин Н. Ф.* (сост.) Альбом по булгаро-татарской эпиграфике. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 8, оп. 1, ед. хр. 62-64.
Калинин 1942б — *Калинин Н. Ф.* (сост.). Итоги работы комиссии по булгаро-татарской эпиграфике. Казань, 1942. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 8, оп. 1, ед. хр. 59.
Калинин 1948 — *Калинин Н. Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар. «К вопросу о происхождении казанских татар». Казань, 1948.
Калинин Н. Ф. (сост.) Альбом фотографий эпиграфических памятников XIII—XVII вв. из районов Татарии и Чувашии. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 8, оп. 1, ед. хр. 67.

Калинин Н. Ф. Булгаро-татарские эпиграфические памятники как исторический источник. «Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г.» М., 1956.
Калинин, Халиков 1954 — *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. «Труды КФАН СССР», сер. гуман. наук, 1954, № 2.
Катанов 1895а — *Катанов Н. Ф.* Новые приобретения музея Об-ва археологии, истории и этнографии в 1895 г. — ИОАИЭ, 1895, т. 13, вып. 3.
Катанов 1895б — *Катанов Н. Ф.* Экскурсия в с. Болгары-Успенское. — ИОАИЭ, 1895, т. 13, вып. 1.
Катанов 1905 — *Катанов Н. Ф.* Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. — ИОАИЭ, 1905, т. 21, вып. 3.
Катанов 1920 — *Катанов Н. Ф.* Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920.
Катанов 1921 — *Катанов Н. Ф.* Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. «Казанский музейный вестник». Казань, 1921, № 1—2.
Каховский 1969 — *Каховский В. Ф.* Волжская Болгария и формирование чувашской народности. «Древности Восточной Европы (материалы и исследования по археологии СССР № 169)». М., 1969.
Ковалевский 1954 — *Ковалевский А. П.* Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1954, вып. 9.
Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
Коков 1974 — *Коков Дж. Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
Кондратьев 1970 — *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.
Кононов 1951 — *Кононов А. Н.* Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. «Тюркологический сборник». М., 1951.
Корнилов 1963 — *Корнилов Г. Е.* О судьбе болгарско-чувашского *т'ал ~ ч'ал > т'ул ~ ч'ол* в топонимике Среднего Поволжья. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1963, вып. 26.
Корнилов 1964 — *Корнилов Г. Е.* К вопросу о возможности гунно-булгарского происхождения некоторых топонимов в бассейне Дона и Дуная. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1964, вып. 27.
Корнилов 1966 — *Корнилов Г. Е.* Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике. Автореф. канд. дис. Л., 1966.
Котвич 1962 — *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
Крамаровский 1975 — *Крамаровский М. Г.* К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью. «Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока». Л., 1975.
Крачковская 1952 — *Крачковская В. А.* Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в. — ЭВ, 1952, вып. VI.
Кузнецов 1960 — *Кузнецов П. И.* Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960.
Куник А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именнику. «Записки Имп. Академии наук». СПб., 1879, т. 32, прил. 2.
Левитская 1966 — *Левитская Л. С.* Историческая фонетика чувашского языка. Канд. дис. М., 1966.
Левитская 1976 — *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
Лыткин, Гуляев 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
Магницкий 1905 — *Магницкий В. К.* Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
Малов 1884 — *Малов Е. А.* Сведения о мишарях. — ИОАИЭ, 1883—1884, т. 4.

Малов 1921 — *Малов С. Е.* Болгарская золотая чашка с турецкой надписью. «Казанский музейный вестник». Казань, 1921, № 1—2.
Малов 1927 — *Малов С. Е.* Два уйгурских документа. «В. В. Радлову». Ташкент, 1927.
Малов 1947 — *Малов С. Е.* Булгарские и татарские эпиграфические памятники. — ЭВ, 1947, вып. I.
Малов 1948 — *Малов С. Е.* Булгарская и татарская эпиграфика. — ЭВ, 1948, вып. II.
Малов 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
Мелиоранский 1899 — *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899.
Мелиоранский 1900 — *Мелиоранский П.* Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
Мусаев 1975 — *Мусаев К. М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
Мухаммед Салих 1908 — *Мухаммед Салих.* Шейбани-намэ. Посмертное издание проф. П. М. Мелиоранского под наблюдением прив.-доц. А. Н. Самойловича. СПб., 1908.
Мухамедьяров 1973 — *Мухамедьяров Ш. Ф.* Изучение в СССР основных этапов военно-политической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья. — CAJ, 1973, v. XVII, № 2—4.
Насилов 1963 — *Насилов В. М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963.
Немет 1963 — *Немет Ю.* Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии. — ВЯ, 1963, № 6.
Никольский 1912 — *Никольский Н. В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII вв. — ИОАИЭ, 1912—1913, т. 28, вып. 1—3.
Нәҗип 1957 — *Нәҗип Ә.* Татар әдәбиятының һәм әдәби теленең кайбер онытылган язма истәлекләре турында. — СӘ, 1957, № 12.
Павлов 1956 — *Павлов И. П.* К вопросу о происхождении двух деепричастных аффиксов в чувашском языке. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1956, вып. 14.
Павлов 1957 — *Павлов И. П.* Деепричастие. «Материалы по грамматике современного чувашского языка», ч. 1. Чебоксары, 1957.
Покровская 1961 — *Покровская Л. А.* Термины родства в тюркских языках. — ИРЛТЯ, 1961.
Поппе 1924 — *Поппе Н. Н.* К консонантизму алтайских языков. — ДРАН. Л., 1924.
Поппе 1925 — *Поппе Н. Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам. — ИРАН, VI серия, т. XIX, 1925, № 1—5.
Порфирьев 1922 — *Порфирьев С. И.* К истории сборника болгарских надписей. Казань, 1922.
Прот. 1880 — Протокол общего собрания Общества от 4/X—1879 г. — ИОАИЭ, 1879—1880, т. 2.
Прот. 1884 — Протокол общего собрания Общества от 16/X—1880 г. — ИОАИЭ, 1884, т. 4.
Прот. 1886 — Протокол общего собрания Общества от 19/XI — 1885 г. — ИОАИЭ, 1886, т. 6, вып. 1.
Прот. 1889 — Протокол заседания Совета Общества от 5/II—1888 г. — ИОАИЭ, 1889, т. 7.
ПСРЛ 1856 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1856, т. VII.
ПСРЛ 1862 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1862, т. IX.
ПСРЛ 1897 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1897, т. XI.
Путешествие 1939 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и коммент. под рук. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939.
Радлов 1888 — *Радлов В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. — ЗВОРАО, 1888, т. III, вып. 1.
Радлов 1899 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899, т. II.
Рамстедт 1951 — *Рамстедт Г. И.* Грамматика корейского языка. М., 1951.

Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
Рясянен 1955 — *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
Самойлович 1910а — *Самойлович А.* Два отрывка из Хорезм-намэ. — ЗВОРАО, 1910, т. XIX.
Самойлович 1910б — *Самойлович А.* Персидский unicum библиотеки хивинского хана. — ЗВОРАО, 1910, т. XIX.
Самойлович А. Н. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика. — ЗВОРАО, 1913, т. XXI, вып. 1.
Самойлович А. Н. Турун-тудун (еще пример турко-булгарского ротацизма), «Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук», 1918, т. V, вып. 1.
Саттаров 1966 — *Саттаров Г. Ф.* К вопросу о лингвистическом изучении татарской топонимии. «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований». Уфа, 1966.
Саттаров 1971 — *Саттаров Г. Ф.* Ни өчен шулай аталган? (Татарстан топонимнары). Казан, 1971.
Саттаров 1973 — *Саттаров Г. Ф.* Татарстан АССРның антропотопонимнары. Казан, 1973.
Саттаров 1973а — *Саттаров Г. Ф.* Чалпы. — Газ. «Татарстан яшьләре», № 109 от 13/IX—1973 г.
Саттаров 1975 — *Саттаров Г. Ф.* Антропотопонимия Татарской АССР. Автор. докт. дис. Казань, 1975.
Севортян 1961 — *Севортян Э. В.* Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР. «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961.
Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
Серебренников 1956а — *Серебренников Б. А.* К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, булгарским и татарскими языками. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1956, вып. 14.
Серебренников 1956б — *Серебренников Б. А.* К истории звуков чувашского языка. «Уч. зап. НИИЯЛИЭ», 1956, вып. 14.
Серебренников 1971 — *Серебренников Б. А.* О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков. «Структура и история тюркских языков». М., 1971.
Смирнов 1955 — *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1955.
Современный 1969 — Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика и морфология. М., 1969.
Тагирджанов 1970 — *Тагирджанов А. Т.* Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулайха» на «Кисса-и Йусуф» 'Али и «Йусуф и Зулайха» Шаййад Хамзы. «Палестинский сборник». Л., 1970, вып. 21 (84).
Таһирҗанов 1975 — *Таһирҗанов Г. Т.* Татар әдәбиятының катлаулы мәсьәләләре. «Казан утлары» (Казан), 1975, № 7.
Тенишев 1971 — *Тенишев Э. Р.* К истории тюркского условного наклонения. «Studia Turcica». Budapest, 1971.
Тенишев 1976а — *Тенишев Э. Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. «Turcologica. К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова». Л., 1976.
Тенишев 1976б — *Тенишев Э. Р.* Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. — СТ, 1976, № 1.
Толстов 1948 — *Толстов С. П.* Выступление на сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной этногенезу казанских татар. «Происхождение казанских татар». Казань, 1948.
Томанов 1975 — *Томанов М. Т.* Основные вопросы исторической морфологии казахского языка. Автореф. докт. дис. Алма-Ата, 1975.
Тугушева 1975 — *Тугушева Л. Ю.* О надписи на золотом ковше из собрания Эрмитажа. «Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока». Л., 1975.

Фаезханов 1863 — *Фейз-ханов Х.* Три надгробных булгарских надписи. — ИИАО, 1863, т. 4.
Фасмер 1925 — *Фасмер Р. Р.* О монетах волжских болгар X века. — ИОАИЭ, 1925, т. 33, вып. 1.
Фахрутдинов 1975 — *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
Фәхретдинов 1967 — *Фәхретдинов Р.* Болгар тарихына яңа истәлекләр. «Казан утлары» (Казан), 1967, № 7.
Федоров-Давыдов 1973 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
Федотов 1963 — *Федотов М. Р.* [Рец. на кн.:] Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику (М.—Л., 1960). «Изв. АН СССР», сер. лит-ры и языка, 1963, т. 22, вып. 5.
Федотов 1965 — *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чебоксары, 1965.
Федотов 1968а — *Федотов М. Р.* Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам. — СФУ, 1968, № 1.
Федотов 1968б — *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, ч. II. Чебоксары, 1968.
Федотов 1969 — *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении. Автореф. докт. дис. Чебоксары, 1969.
Федотов 1971 — *Федотов М. Р.* История чувашского языка. Звуки. Чебоксары, 1971.
Федотов 1972 — *Федотов М. Р.* К вопросу о древнечувашской письменности. — СТ, 1972, № 5.
Федотов 1974 — *Федотов М. Р.* [Рец. на кн.:] A. Róna-Tas—S. Fodor. Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgár-török feliratok (Szeged, 1973). — СТ, 1974, № 5.
Фридрих 1961 — *Фридрих И.* Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.
Хакимзянов 1974а — *Хакимзянов Ф. С.* Консонантизм языка эпитафий волжских булгар. «Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем)». М., 1974.
Хакимзянов 1974б — *Хакимзянов Ф. С.* Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии. «Тезисы докладов III научной конференции молодых ученых». Казань, 1974.
Хакимзянов 1974в — *Хакимзянов Ф.* Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии. — СТ, 1974, № 4.
Хакимзянов 1975 — *Хакимзянов Ф. С.* Булгарские эпитафии как источник по истории тюркских языков Урала и Поволжья. «Вторая Южно-Уральская археографическая конференция (тезисы докладов и сообщений)». Уфа, 1975.
Хакимзянов 1976а — *Хакимзянов Ф. С.* Лексика языка эпитафий волжских булгар. «Краткое содержание докладов IV конференции молодых научных работников». Казань, 1976.
Хакимзянов 1976б — *Хакимзянов Ф. С.* Формы неполной вербальности в булгарских эпитафиях. «Уровни языка и их анализ (на материале языков разных систем)». М., 1976.
Халиков 1973 — *Халиков А. Х.* О столице домонгольской Булгарии. — СА, 1973, № 3.
Халиков 1974 — *Халиков А. Х.* Татар халкының килеп чыгышы. Казан, 1974.
Чернышев 1971 — *Чернышев Е. И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам). «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.
Шахматов А. А. Заметки об языке волжских булгар. «Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук», 1918, т. 5, вып. 1.
Щербак 1961 — *Щербак А. М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л.. 1961.

Щербак 1970а — *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. «Тюркологический сборник. 1970». М., 1970.
Щербак 1970б — *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
Эрдман 1832 — *Эрдман Ф. И.* О надгробных надписях в Болгарах. «Заволжский муравей». Казань, 1832, кн. 21, 23.
Юсупов 1949 — *Юсупов Г. В.* Эпиграфические памятники XV в. (к вопросу о происхождении казанских татар и чувашей). 1949 г. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 72.
Юсупов 1953 — *Юсупов Г. В.* О некоторых булгарских эпиграфических памятниках. — ЭВ, 1953, вып. VII.
Юсупов 1956 — *Юсупов Г. В.* К вопросу об истории и классификации булгаро-татарской эпиграфики. — ЭВ, 1956, вып. XI.
Юсупов 1959 — *Юсупов Г. В.* Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища. «Вопросы башкирской филологии». М., 1959.
Юсупов 1960 — *Юсупов Г. В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.
Юсупов 1961 — *Юсупов Г. В.* Отчет о работе эпиграфического отряда археологической экспедиции КФАН СССР 1961 г. в районах правобережья Волги. Казань, 1961. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 72.
Юсупов 1963 — *Юсупов Г. В.* Отчет об исследовании эпиграфических памятников в закамских районах ТАССР в 1962—1963 гг. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 72.
Юсупов 1967 — *Юсупов Г. В.* Эпиграфические памятники Болгарского городища. «Научный архив Ин-та археологии АН СССР», ф. Р-2_1, ед. хр. 2015.
Юсупов 1970 — *Юсупов Г. В.* Антропонимы в булгаро-татарской эпиграфике. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970.
Юсупов 1971 — *Юсупов Г. В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник к вопросу об этногенезе казанских татар. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.
Юсупов 1972 — *Юсупов Г. В.* Итоги полевых эпиграфических исследований 1961—1963 гг. в Татарской АССР. — ЭВ, 1972, вып. XXI.
Юсупов, Хисамутдинов 1951 — *Юсупов Г., Хисамутдинов Г.* Булгарские эпиграфические памятники, найденные летом 1947 г. — ЭВ, 1951, вып. IV.

* * *

Benzing 1959 — *Benzing J.* Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabolgarische. «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. I. Wiesbaden, 1959.
Collinder 1955 — *Collinder B.* Fenno-ugric vocabulary. An etymological dictionary of the uralic languages. Stockholm-Uppsala, 1955.
Doerfer 1963 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Altpersischen. Bd I. Wiesbaden, 1963.
Doerfer 1973 — *Doerfer G.* Zur Sprache der Hunnen. — CAJ. 1973, vol. XIII, № 1.
Divanü 1939 — «Divanü lûgat-it-Türk» tercümesi, cilt I. Çeviren B. Atalaj. Ankara, 1939.
Divanü 1940 — «Divanü lûgat-it-Türk» tercümesi, cilt II. Çeviren B. Atalaj. Ankara, 1940.
Gaben 1950 — *Gaben A.* Alltürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
Gombocz 1912 — *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. — MSFOu, XXX, 1912.
Houtsma 1894 — *Houtsma M. Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
Klaproth 1831 — *Klaproth J.* Notice et explication des inscriptions de Bolhari. «Noveau Journal Asiatique» (Paris), 1831, VIII.
Németh 1932 — *Németh G.* Die Inschriften des Schatses von Nagy-Szent Miklos. Budapest, 1932.

Palló 1959 — *Palló M. K.* Hungaro-Tschuwaschica. — UAJb., 1959, Bd XXXI, 1959.
Palló 1961a — *Palló M. K.* Die Vertretung ung. sz-(s) < türk. j- den älten türkischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache. — UAJb., 1961, Bd XXXIII, H. 1-2.
Palló 1961б — *Palló M. K.* Zur Frage der tschuwaschischen v-Protese. — AOH, 1961, vol. XII, fasc. 1-3.
Poppe 1960 — *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960.
Pritsak 1954 — *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. — UAJb, 1954, Bd XXVI.
Pritsak 1955 — *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.
Pritsak 1959a — *Pritsak O.* Bolgaro-Tschuwaschica. — UAJb., 1959, Bd XXXI.
Pritsak 1959б — *Pritsak O.* Kāšgarīs Angaben über die Sprache der Bolgaren. — ZDMG, 1959, Bd 109, H. I.
Ramstedt 1922 — *Ramstedt G. J.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. — JSFOu, 1922, XXXVIII.
Räsänen 1920 — *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — MSFOu, 1920, XLVIII.
Räsänen 1959 — *Räsänen M.* Über die Lederbearbeitung der ural-altaischen Volker. — UAJb., 1959, Bd XXXI.
Róna-Tas—Fodor 1973 — *Róna-Tas A.—Fodor S.* Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgár-török feliratok. Szeged, 1973.
Róna-Tas 1976 — *Róna-Tas A.* A wolga bulgarian inscription from 1307. — AOH, 1976, t. XXX, fasc. 2.
Tomsen 1962 — *Tomsen K.* Zur Wolgabolgarischen Epigraphie. — AO, 1962, ex vol. XXVI, № 3—4.
Çagataj 1961 — *Çagataj S.* Die Bezeichnungen für Frau im Türkischen. — UAJb., 1961, Bd XXXIII, H. 1—2.

اخمارف ۱۹۰۸ — غ. اخمارف. بلغار تاریجی. قزان ' ۱۹۰۸.
مرجانی ۱۸۸۵ — ش. مرجانی. القسم الاول من کتاب مستفار الاخبار فی احوال قزان و بلغار. قزان ' ۱۸۸۵.

АБТЭ — Альбом по булгаро-татарской эпиграфике. Сост. Н. Ф. Калинин «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР». ф. 8, оп. 1, ед. хр. 62-64.
Ашм. Сл. — *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ДРАН — Доклады Российской Академии наук. Л.
ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического об-ва. СПб.
ИИАО — Изв. Имп. археологического об-ва. СПб.
ИОАИЭ — Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Казань.
ИРАН — Изв. Российской Академии наук. Л.
ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1. М., 1955.
ИЯЛИ КФАН СССР — Ин-т языка, лит-ры и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР.
МТД — Материалы по татарской диалектологии. Казань.

Отчет-61 — *Г. В. Юсупов.* Отчет о работе эпиграфического отряда археологической экспедиции КФАН СССР 1961 г. в р-нах Правобережья Волги. «Научный архив Ин-та археологии АН СССР», ф. Р-1, ед. хр. 2866.

Отчет-63. — *Г. В. Юсупов.* Отчет об исследовании эпиграфических памятников в закамских районах ТАССР в 1962-63 гг. «Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР», ф. 72.

СА — Советская археология. М.

СТ — Советская тюркология. Баку.

СФУ — Советское финно-угроведение. Таллин.

СӘ — Совет әдәбияты. Казан.

Тефсир. — *А. К. Боровков.* Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963.

ТТДС — Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.

Уч. зап. НИИЯЛИЭ — Уч. зап. научно-исследовательского ин-та языка, лит-ры и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары.

ЦГАДА — Центральный Государственный Архив Древних Актов. М.

ЭВ — Эпиграфика Востока. М.-Л.

AO — Acta Orientalia. Copenhagen.

AOH — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

CAJ — Central Asiatic Journal. Wiesbaden.

JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki.

MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki.

UAJb. — Ural-Altaische Jahrbücher. Weisbaden.

ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig—Wiesbaden.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

азерб.	— азербайджанский
алт.	— алтайский
араб.	— арабский
арм.-кып.	— армяно-кыпчакский
башк.	— башкирский
бурят.	— бурятский
венг.	— венгерский
волж.-булг.	— волжско-булгарский
доперм.	— допермский
др.-тюрк.	— древнетюркский
дун.-булг.	— дунайско-булгарский
казах.	— казахский
калм.	— калмыкский
караим.	— караимский
карач.	— карачайский
кар.-балк.	— карачаево-балкарский
ккалп.	— каракалпакский
кирг.	— киргизский
кит.	— китайский
кум.	— кумыкский
маньчж.	— маньчжурский
манс.	— мансийский
мар.	— марийский
монг.	— монгольский
нан.	— нанайский
ног.	— ногайский
общетюрк.	— общетюркский
перс.	— персидский
сар.-юг.	сарыг-югурский
тат.	— татарский
тат. диал.	— татарский диалектный
тибет.	— тибетский
тув.	— тувинский
тур.	— турецкий
турк.	— туркменский
тюрк.	— тюркский
удм.	— удмуртский
узб.	— узбекский
уйг.	— уйгурский
хак.	— хакасский
хант.	— хантыйский
чаг.	— чагатайский
чув.	— чувашский
чув. диал.	— чувашский диалектный
якут.	— якутский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ... 3

Введение ... 5

Некоторые итоги изучения памятников и их языка ... 5

Транскрипция ... 14

Транскрипционный алфавит ... 14

Глава I

Следы диалектов в языке надписей ... 15

Глава II

Графо-фонетика ... 25

Графика надписей ... 25

Согласные ... 28

Частные фонетические явления ... 44

Гласные ... 47

Глава III

Морфология ... 59

Категория склонения ... 59

Категория принадлежности ... 62

Категория числа ... 62

Словообразование имен существительных ... 63

Имя прилагательное ... 63

Имя числительное ... 64

Глагол ... 69

Неличные формы глагола ... 69

Личные формы глагола ... 71

Категория залога ... 74

Словообразование глагола 75
Послелог 76
Союз 76

Глава IV
Лексика 77
Термины родства 77
Термин культурного обихода 80
Термин, относящийся к военному делу 80
Названия, связанные с обрядом захоронения 82
Названия, связанные с календарем 83
Географический термин и гидроним 86
Антропонимы 87
Социальные термины 89
Слова, обозначающие общие понятия 95
Названия действий (глаголы) 95

Заключение 98

Приложение 101
Фотографии и тексты памятников 102
Волжско-булгарские личные имена 188
Список мест находок (или хранений) памятников, указанных в данной работе (порядковые номера даются по нашей картотеке) 192
Принятые сокращения 195
Использованная литература 195
Языки и диалекты 204

Фарид Сабирзянович Хакимзянов

ЯЗЫК ЭПИТАФИЙ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и истории
им. Г. Ибрагимова
Казанского филиала

Редактор издательства **Р. М. Залесковская**
Художник **А. В. Пушкарный**
Художественный редактор **Т. П. Поленова**
Технический редактор **И. Н. Жмуркина**
Корректор **М. В. Борткова**

ИБ № 5123

Сдано в набор 25.11.77. Подписано к печати 14.08.78. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага для глубокой печати. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 1100 экз. Тип. зак. 953.
Цена 2 р.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

БАЛКАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК. (Институт славяноведения и балканистики). 1977. 324 с. 1 р. 01 к.

Сборник посвящен исследованию лингвистических проблем, связанных с языками Балканского полуострова и смежных с ним ареалов. Рассматриваются вопросы древних языковых и этнических контактов Балкан, актуальные проблемы современной балканской лингвистики. Материалы сборника отражают результаты новейших исследований в области балканистики.

Книга рассчитана на специалистов по балканистике, языкознанию, а также по древней истории, этнографии, фольклору и мифологии.

ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ. 1971. 312 с. 1 р.

В сборник включены статьи и научные сообщения по отдельным вопросам тюркской лексикологии и лексикографии, а также по терминологии. Обсуждаются принципы составления толковых и многоязычных словарей, исследуются термины туркменского ковроткачества, ирригации. Приводится скотоводческая терминология гагаузов, даются публикации из тюркоязычных памятников и т. д.

Книга рассчитана на широкий круг тюркологов — научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазина «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7;
117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12;
630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700029 Ташкент, 29, ул. К. Маркса, 28;
450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.